

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
Семинар «Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»

Биологическая и социальная ЭВОЛЮЦИЯ

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 7

Москва
Научный эксперт
2013

УДК 316.33(063)

ББК 60.02я431

В 54

Научный руководитель семинара: С.С. Сулакшин

В 54 Биологическая и социальная эволюция. Материалы научного семинара. Вып. № 7. М.: Научный эксперт, 2013. — 152 с.

ISBN 978-5-91290-203-1

Ответственный за выпуск О.А. Середкина

Редактор Ю.Е. Мешков

Художественное оформление С.Г. Абелин

Компьютерная верстка О.П. Максимова

Наш адрес:

107078, Россия, г. Москва,

ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5

Тел./факс: (495) 981-57-03,

981-57-04, 981-57-09

E-mail: frpc@cea.ru

www.rusrand.ru

Сдано в набор 18.01.2013 г.

Подписано в печать 22.01.2013 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Minion. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Заказ №

УДК 316.33(063)

ББК 60.02я431

ISBN 978-5-91290-203-1

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2013

Содержание

С.С. Сулакишин. Вступительное слово научного руководителя семинара.....	4
Тема семинара	
Биологическая и социальная эволюция.....	6
Доклад	
И.К. Лисеев. Эволюция биологическая и социальная в новой парадигматике сложности.....	6
Вопросы к докладчику и ответы.....	71
Выступления	
А.А. Акаев. Изучать и активно использовать творческое наследие великого историка Льва Гумилева.....	83
И.Л. Андреев. Философия и политика: психологические проблемы взаимосвязи.....	86
В.Н. Шевченко. Соотношение социального и природного в различных типах цивилизаций.....	90
Д.С. Чернавский. О роли условной информации в происхождении видов.....	96
Н.В. Асонов. Нельзя понять социальную систему без учета закона отрицания отрицаний.....	98
С.Ю. Малков. Кризисы как двигатель эволюции.....	104
Т.А. Чикаева. К вопросу о методологии эволюции природы, общества и сознания.....	106
Д.А. Лебедев. Законы биологии развития способны дать понимание естественного контекста развития социального.....	112
С.И. Реснянский. Проблемы эволюции и коэволюции некоторых аспектов российской картины мира.....	121
В.Э. Багдасарян. Бог и эволюция: эволюционная теория в дискурсе цивилизационных проектов.....	124
В.В. Летуновский. Основы философии будущего: аналитический аспект.....	131
С.С. Сулакишин. Био-, социо-, духовная эволюция: далее везде.....	137
Заключительное слово докладчика.....	148
Темы семинара.....	149
Список участников семинара.....	

Вступительное слово научного руководителя семинара

*С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Уважаемые коллеги, у нас сегодня, согласно творческим планам семинара, заранее объявленная тема — «Биологическая и социальная эволюция». Доклад представляет Игорь Константинович Лисеев, доктор философских наук, руководитель Центра био и экофилософии Института философии РАН. Доклад называется «Эволюция биологическая и социальная в новой парадигматике сложности».

Как всегда хочется приоткрыть кулисы устроителей, обозначить их ожидания, которые привели к планированию такой темы. Наш семинар является не только фундаментально-академическим, междисциплинарным, но он еще имеет виды на проекции прикладных и даже проектных работ, которые применительны к реальному государственному управлению, реальной государственной политике, больше того — к актуальным вызовам современной России. Есть определенная цепочка, последовательность: то, что здесь открывается, провозглашается, дискутируется, подтверждается, находит в определенном виде свое интеллектуальное представительство в реальных механизмах государственной власти и управления. В этом отношении один из острейших дискурсов, идеологических противостояний, практических парадигмальных альтернатив — это выбор между представлением о природе общества и государства и соответствующих институциональных воплощениях государства и его политики. Речь идет, если упростить терминологию и отвлечься от деталей, о взаимодействии и противостоянии двух подходов — либерального, независимо от доведка в виде *неолиберализма*, и кооперативного, социализированного, жизнеустроительного подхода, который тоже апеллирует к насыщению государства, его институтов, его практик и политик, его управленческих парадигм соответствующим содержанием.

Как мы хорошо понимаем и видим — и тут скрывать нечего, — речь идет, конечно, о вызове в отношении эксперимента, проводящегося над современной Россией. Ему уже 20 лет, и эксперимент этот очень тревожен по своим текущим результатам и по прогнозам развития. Сложнейшие исторические обстоятельства исторически конкретного эксперимента в нашей жизни, как ни странно и как всегда, как мне кажется, вытекают из каких-то очень важных, очень простых, как любой закон природы, красивых в этой своей простоте определенных законов природы. В чем они? Один из них — это сочетание двух начал в человеке, в его сообществе, в его изобретениях вроде государственных институтов, биологического и социального начала, геоприродного и осознанного, оразумленного, одушевленного начала. Эта дихотомия абсолютно исходна. Понимание вклада полюсов в этой дихотомии, конечно, в интегрированный, неразделенный процесс эволюции и человека, его сообщества, его социальных порождений, построений и современных проекций этих построений, понимание законов развития чрезвычайно важно в двух аспектах. В фундаментальном и в прикладном, и даже проектном, о чем я намекаю и имею на нашем семинаре на это полное право и мандат. Поэтому доклад обещает быть невероятно интересным, тем более что он совершенно релевантен Центру, возглавляемому Игорем Константиновичем.

Итак, коллеги, начинаем.

Тема семинара

Биологическая и социальная эволюция

Доклад

Эволюция биологическая и социальная в новой парадигматике сложности

*И.К. Лисеев, руководитель Центра био и экофилософии
Института философии РАН, доктор философских наук*

Идея эволюции — одна из фундаментальных универсалий культуры, во многом определившая характер и специфику человеческого понимания бытия и его познания. Она получила свое теоретическое закрепление в разных формах биологических концепций эволюции, распространившись далее на сферу социума и всю культуру в целом, приобретая в XX в. статус глобального эволюционизма. В своем современном понимании глобальный эволюционизм — это не просто фиксация факта повсеместного применения идей эволюционизма, а некий методологический конструкт взгляда на мир с этих эволюционных позиций.

По данной проблематике написаны сотни, если не тысячи книг. Продолжается перенос эволюционных идей на новые, еще не освоенные ими сферы бытия. Но при этом возникают вопросы: какие эволюционные идеи переносятся и как это связано с современным уровнем развития эволюционизма? Как изменяется понимание эволюционной проблематики в связи с возникновением новых фактических знаний, с появлением новых методологических подходов?

Обсуждению этих вопросов и будет посвящено предлагаемое сообщение.

Методологическое введение

Иммануил Кант, как известно, обратил внимание на необходимость разграничения конститутивных и регулятивных принципов познания. Конститутивные принципы фиксируют значение предметности, эмпиричности, фактуальной содержательности знания. Регулятивные — определяют исходные методологические и онтологические ориентации и схемы, которым люди следуют в познании, деятельности, оценках, в научных исследованиях. Регулятивные принципы задают направления философско-теоретической стратегии, воплощающейся в научно-исследовательских программах и деятельностных установках.

Методология науки представляет собой систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности. Центральное место в методологии занимают именно методологические регулятивные принципы, поскольку они образуют промежуточное звено между наиболее общими положениями теории познания и конкретными научными методами.

Регулятивные принципы конкретизируют, специфицируют общий характер методологии применительно к конкретным сферам практической и теоретической деятельности соответственно их условиям и задачам. В этом качестве регулятивные принципы выступают как определенные порождающие механизмы научного знания, как реальные средства и предпосылки, определяющие его формирование и развитие.

Однако при этом остается открытым вопрос о том, как же возникают сами эти методологические регулятивные принципы. Ответ на него оказывается разным в разных исторически сложившихся образах науки как реальной сферы человеческой деятельности, на основе разного понимания зарождения и функционирования норм и идеалов научности.

В классическом понимании науки господствовал образ неизменной, статической науки, абсолютно истинной, бесспорной, основанной на незыблемых критериях научности, непроверяемых ее поступательным развитием.

Процесс познания объективной реальности предполагал полное разграничение субъекта и объекта. Считалось, что особен-

ности субъекта никак не сказываются на результатах познания. Развитие науки рассматривалось как процесс накопления твердо установленных, доказанных раз и навсегда истин.

В этой ситуации вполне логичным было рассмотрение регулятивных методологических принципов как прямого отражения в знании характера и закономерностей реального изучаемого мира. Они понимались при этом как однозначное и к тому же единственно возможное отображение фундаментальных характеристик бытия.

Современный неклассический идеал науки формировался в процессе преодоления кризиса методологического сознания, разрушения, казалось бы, незыблемых критериев научности классической науки. Начавшись в физике в поиске выхода из кризисной ситуации на рубеже XIX в. и XX в., он постепенно эксплицировался и захватывал все новые сферы научной деятельности.

Суть в формировании этого нового идеала науки состояла в отказе от классического представления о завершенном и неизменном знании как олицетворении абсолютной истины. В неклассическом идеале науки по-иному представляется проблема обоснования теоретических фундаментальных посылок науки. Их обоснование изначально не может рассматриваться как полное и окончательное, определяясь исторически достигнутым уровнем знаний и общественной практики. От представлений о безусловной истинности научных знаний, их автономности и независимости от других сфер человеческой деятельности происходит переход к пониманию социокультурной и личностной детерминации научного знания.

Становление нового неклассического естествознания оказывается органично связано с возникновением особого качества рефлексивности, обращенности на анализ средств и методов получения знания. Появление научной рефлексии, осознание оснований и специфики познавательных методов и приемов, свойственных научному исследованию, оказывается возможным только на этапе, когда в поле зрения науки попадает не только объект, но и субъект познания, не только природа, но и исследующий ее человек. При этом используемая философско-рефлексивная концепция не выступает просто как более широкое поле для видения конкретной

науки. Она играет активную роль в ее познании и преобразовании. Изменения на методологическом уровне оказывают определенное влияние на характер развития знаний. Анализ канонов познавательной деятельности ведет к их осмыслению и переосмыслению, к поискам новых стандартов этой деятельности, адекватной конкретной когнитивной и социокультурной ситуации.

В этом контексте неклассического понимания рациональности переосмысливается происхождение и роль регулятивных методологических принципов. Они ныне не представляют собой априорных и абсолютных констант науки, а уточняются и дополняются по мере углубления познания, смене стиля мышления в науке, изменения социальных заказов, адресованных науке от общества. При этом не подвергается сомнению, что исходные основания формирования научных концепций и теорий всегда опосредованы определенным слоем онтологических схем и моделей. Вместе с тем, представления о субординации фактов и теорий, достаточно ясные и однозначные в классической науке ныне переосмысливаются. Теория рассматривается как ведущий элемент познавательного процесса. Научные факты получают свою интерпретацию, лишь в контексте определенных теорий. Процесс познания осуществляется на основе конкуренции и смены различных фундаментальных теорий, которые выстраивают различные факты науки зачастую даже на одном и том же материале.

Подобное утверждение можно ярко проиллюстрировать на примере становления представлений о целостности и системности в живой природе. Ведь далеко не сразу объективно целостные и системные объекты живого воспринимались как таковые. Только с появлением методологической ориентации и регулятивных принципов целостности и системности данные представления стали развиваться в рамках подобных теоретико-методологических схем. В настоящее время как ответ на постоянные требования нашего нелинейно понимаемого времени активно утверждается новый методологический принцип — принцип сложности, дающий возможность рассмотреть любой объект или явление в целостном единстве его многочисленных как линейных, так и нелинейных составляющих.

Таким образом, можно сказать, что регулятивные принципы носят во многом предпосылочный характер и ориентируют познание

на выход за пределы существующих стандартов. Содержательно-теоретический подход в науке, — отмечает В.С. Швырев, — осуществляется в некоторых заданных границах моделирования мира, методологический же подход исходит из возможностей расширения и углубления предпосылок этого моделирования.

Подобными предпосылками, конструируемыми сложным сочетанием онтологической, гносеологической, логической, методологической, ценностной, личностной и социокультурной детерминации, и выступают регулятивные принципы, действующие в научном познании.

В то же время, подчеркивая порождающий характер регулятивных методологических принципов научного познания, надо отметить, что и сами эти принципы конституируются на основе определенных предпосылочных знаний. Среди таковых находятся: специфика исследуемых объектов, ориентация на традиции, доминирующий стиль мышления данного исторического периода, конкретные социокультурные ожидания, идущие от общества к науке, и т. д. Говоря о подобных предпосылках, нельзя не обсудить той роли, которую играет в становлении методологических регулятивов наличие на каждом историческом этапе развития общества определенной познавательной ориентации, или познавательной модели (по А.П. Огурцову).

Этот термин является удачным методологическим конструктом, четко отражающим эволюцию исторически конкретных когнитивных ориентаций и образцов. Уровни реальности, вычлениваемые с помощью познавательных моделей, — это уровни взаимодействия человека с природой. Объективная реальность не может быть определена независимо от человеческой деятельности. Она определяется лишь в контексте отношения к ней человека и лишь в той мере, в какой она вовлечена в сферу человеческой деятельности. Осмысление различных уровней реальности осуществляется на основе разных познавательных моделей, которые, с одной стороны, выражают уровень познания человеком природы и характер диалога человека и природы, а с другой — лежат в основании самого подхода человека к познанию, задают исходную систему отсчета дня рассмотрения природной реальности под тем или иным углом зрения. Они определяют способ постановки

проблем, средства анализа и характер вычленения исходных аналитических единиц. Можно сказать, что познавательные модели являются конкретной формой реализации научных идеалов того или иного периода истории культуры. Познавательные модели несут в себе как онтологическую, так и методологическую функции. Их онтологическая функция связана со способом задания предметной области исследований и расчленением объектов изучения, методологическая — с процедурами и методикой анализа, задающими сам объект исследования, выявляющими фундаментальные характеристики мира знания, те инвариантные структуры, которые отличают мир объективных смыслов.

Признавая множественность познавательных моделей, функционировавших в истории развития человеческой цивилизации, разные авторы между тем выделяют их различное количество. При этом важно отметить, что на конкретном историческом этапе, как правило, действуют самые разные познавательные модели. Но некоторые из них образуют ядро познавательных средств эпохи, тогда как другие составляют периферию познания.

Не претендуя на всеобщность охвата, можно выделить следующие познавательные модели в истории культуры.

Организмальная — мир как организм. Это первая познавательная модель, раскрывающая устройство бытия, космоса, природы по аналогии с устройством живого организма. Возникнув в античности, она затем неоднократно воспроизводилась в дальнейшем.

Семиотическая — мир как книга. Возникнув в средневековой культуре, эта модель давала возможность видеть мир, природу как текст, который надо прочесть, или шифр, смысл которого надо разгадать, расшифровать.

Механическая — мир как машина, как часы. Завоевав приоритет в культуре Нового времени, такое понимание мира требовало его описания как комплекса механически взаимодействующих частей.

Затем, на смену этим самым простым познавательным моделям приходит более сложный вариант рефлексивности — *познавательные ориентации*, выполняющие, впрочем, те же функции, что и познавательные модели. Назовем хотя бы некоторые из них.

Статистическая познавательная ориентация, на основе которой мир рассматривается как статистический ансамбль, совокуп-

ность балансов. Восходя к XIX в., эта ориентация анализировала мир как состояние статистического равновесия.

Организационная ориентация, в которой рассмотрение универсума проводилось на основе вычленимых различных организационных законов. Начиная с идей «Тектологии» А.А. Богданова, исследований Р. Селларса и Г. Брауна, эти взгляды получили развитие в работах структуралистов, холистов и др. Организационные представления лежат в основе всех направлений современной экологии.

Эволюционная — представления этой познавательной ориентации зародились еще в античности и прошли через века. Однако парадигмой естествознания она становится в XIX в., после эпохальных работ выдающихся ученых-эволюционистов Ж. Б. Ламарка, Ч. Дарвина и др., приобретая в XX в. устойчивую тенденцию к превращению в феномен культуры в целом. Из фундаментальной идеи биологии она трансформируется в эволюционистский способ мысли, обретая в широко утверждающейся ныне концепции глобального эволюционизма свое всеобщее универсальное значение.

Наряду с эволюционной, ведущими во второй половине XX в. становятся еще две познавательные ориентации — системная и самоорганизационная.

Системная познавательная ориентация предстает как путь реализации целостного подхода к миру в современной культуре в условиях учета сложнейшей многообразной дифференцированности знания, достигнутого в современной науке.

Самоорганизация как познавательная ориентация в рамках синергетики дает возможность: оценить объективную реальность в терминах нелинейности, неустойчивости, неравновесности; осознать развивающиеся процессы через многообразные флуктуации подсистем, в ходе которых возникают точки бифуркаций, когда появляется целый веер различных направлений изменений систем; увидеть предпосылки спонтанного возникновения самоорганизации из беспорядка и хаоса в диссипативных структурах.

Биологические знания и представления существенно влияли на формирование многих познавательных моделей и ориентаций, и прежде всего организменной, организационной, эволюционной, системной. Во многом именно из биологии шли в науки и куль-

туру представления о целостности, организованности, развитии и системности.

Однако роль биологии еще более возрастает в ходе формирования новых познавательных моделей на рубеже XXI в. Одной из таких моделей выступает *диатропическая* познавательная ориентация. Ее основные идеи изложены в трудах С.В. Мейена и Ю.В. Чайковского. В диатропике, взамен учению о приспособлении, господствовавшему у Ламарка и Дарвина, появляется не менее важный феномен — разнообразие. Пока биология имела дело только с единичными фактами, а не с их рядами, заметить это было невозможно. Представления о рядах, меронах и рефренах, разработанные С.В. Мейеном, дали возможность отметить тот факт, что законы многообразия носят универсальный характер, не зависящий прямо от материальной природы объектов, составляющих то или иное множество.

Проведенный краткий обзор основных парадигмальных методологических установок, действовавших в биологическом познании, дает возможность зафиксировать тот факт, что несмотря на множественность всех этих установок и специфичность, автономность каждой из них, в XX в. основные теоретические построения в биологии ориентировались на два ведущих методологических конструкта — идеи развития и организации, которые, постепенно перерастая рамки собственно биологии, превращались в регулятивы культуры в целом.

Именно при достижении такого высокого, самого общего уровня рассмотрения проблем эволюционизма и экологии с позиций формирующегося ныне методологического познавательного конструкта сложности становится наиболее очевидной ограниченность идей эволюционизма и экологизма, рассматриваемых изолированно, без учета их взаимодействия. Возникает новая познавательная ориентация, которую можно назвать коэволюционной.

Ее пониманию способствует новый, набирающий ныне мощную методологическую значимость термин «ценоз». Биологическая экология, возникнув как «наука о структуре и функциях природы» (Ю. Одум), традиционно интересовалась в основном структурно-функциональными связями в мире живого, сосредоточивала внимание на проблеме структурного единства, орга-

низационной целостности органических образований. Сходная тенденция наблюдалась в развитии и других разделов экологии. В последние годы, во многом благодаря работам С.С. Шварца и других исследователей, становится все более ясным, что структурно-функциональные подходы недостаточны для построения общей теории экологии. Для решения этой задачи экология должна освоить все богатство идей эволюционной биологии, включить эволюционный подход, принцип историзма в арсенал своих теоретико-познавательных средств.

С другой стороны, и эволюционизм нуждается в дополнении структурно-организационными экологическими представлениями. Изучение экологического своеобразия популяций, выяснение их экологической структуры позволяет более точно отобразить характер и сущность эволюционного процесса, воспроизвести целостную объективную картину его этапов. Обогащение эволюционных представлений экологическими принципами, учет соразвития эволюционных и экологических идей означает более высокий уровень изучения взаимоотношений между человеческой деятельностью и экосистемами. Данный синтез становится необходимым моментом на пути создания общей теории управления эволюционным процессом.

Можно констатировать, что учет сопряженного развития идей экологии и эволюции способствует формированию нового эволюционно-экологического мышления, вносящего существенный вклад в создание новых установок культуры. Две фундаментальные идеи, берущие свое начало в биологии, — идея развития (эволюция) и идея организации (экология), подтверждая свою всеобщность и универсальность для отражения различных форм природных и культурных процессов, демонстрируют при этом свою глубинную взаимозависимость, взаимосопряженность, когерентность, выражающуюся в формировании эволюционно-экологического мышления. Синтез эволюционных и экологических идей на путях контроля и сознательного регулирования био-абиотических отношений и процессов приближает решение ряда фундаментальных стратегических проблем завтрашнего дня. Среди них — задача стабилизации и воспроизводства природных ресурсов, создание управляемых высокопродуктивных биогео-

ценозов, адаптивно-ландшафтного землепользования, разработка и создание различных замкнутых экологических систем и т. д. Эволюционно-экологическая ориентация исследований оказывается остро необходимой в связи с бурным развитием методов генетической и клеточной инженерии. Только на основе учета эколого-эволюционной целостности природных объектов можно избежать негативных последствий волюнтаристского, несообразованного с объективными законами вмешательства в природу. Синтез идей экологии и эволюции имеет существенное значение для объединения представлений естественных и общественных наук, для понимания коэволютивных закономерностей развития природных и культурных систем как в методологической, так и в мировоззренческой областях.

Все это говорит о том, что в настоящее время мы являемся свидетелями и участниками формирования в научном познании новой познавательной установки, дающей возможность преодолеть разрыв в развитии эволюционной и организационной биологии, реально соединить принципы организации и развития.

Эволюционный подход: возникновение, развитие, трансформация

Эволюционизм уже более века является одним из определяющих феноменов современной культуры. Его развитие шло по двум основным направлениям, которые можно назвать *интенсивным* и *экстенсивным*. Сущность первого состоит в развитии и усовершенствовании эволюционных идей, в превращении их в систему взглядов, нацеленных на раскрытие причин эволюции, ее источников и движущих сил, на создание различных теорий эволюции и их совершенствование. Сущность второго заключена в том, что многие проявления реальности, ранее рассматривавшейся внеисторически, осознаются в историческом, эволюционном контексте. Историзм, понятый как методологический принцип, в этом случае вел к раскрытию причин самодвижения, саморазвития объектов на основе учета объективной противоречивости реального мира. Эволюционизм развивался вширь, захватывая все новые области реальности и открывая при этом новые перспек-

тивы их познания и интегральной оценки. Характерные примеры эффективности эволюционных подходов представлены ныне в развитии почти всех сфер реальности, что свидетельствует об универсальности эволюционных процессов, ведущей к превращению идеи эволюции в концепцию *глобального эволюционизма*.

Эволюционные представления имеют давнюю и сложную историю. Однако наиболее ярко и доказательно они были развернуты в трудах мыслителей XVII–XX вв.

Наиболее значимые среди них — концепции К. Линнея, Ж.Б. Ламарка, Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Илера, К. Бэра, Ч. Дарвина, Г. Менделя, создание синтетической теории эволюции, синтез эволюционных и организационных идей на основе объединения теории эволюции, генетики и экологии и т. д.

Охарактеризуем кратко некоторые из этих концепций.

Карл Линней — шведский натуралист, создатель биологической систематики. В своей монографии «Системы природы», получившей мировую известность, он заложил основы классификации «трех царств природы»: растений, животных и минералов. При этом человек впервые в этой классификации был отнесен к классу млекопитающих и отряду приматов, что нанесло существенный удар по доминировавшему в те годы антропоцентрическому мышлению. Внося фундаментальный вклад в изучение биологического многообразия жизни, Линней сформулировал принцип иерархичности систематических категорий, согласно которому соседние таксоны связаны не только сходством, но и родством. Эта идея стала одним из краеугольных камней на пути утверждения эволюционных представлений.

Первая целостная концепция эволюции в ее философском осмыслении была сформулирована французским естествоиспытателем *Жаном Батистом Ламарком*. С наибольшей полнотой она изложена в «Философии зоологии». Лейтмотивом книги является утверждение о том, что всякая наука должна иметь свою философскую основу, и только при этом условии она способна продемонстрировать действительные успехи. С этих позиций автор обращает внимание на всеобщий характер изменчивости, на поступательный ход прогрессивной эволюции, считая главным фактором эволюции адекватное прямое влияние среды.

В качестве основного механизма эволюции Ламарк принимал наследование приобретенных признаков. Тенденцию же к усложнению организации живых организмов он считал результатом внутреннего стремления организмов к прогрессу, совершенствованию. Эта внутренняя цель заложена, по Ламарку, в организмах изначально.

Мировоззрение Ламарка деистично: признавая естественный порядок природы, он рассматривал Бога как первопричину этого порядка. Принципиальным философским моментом в творчестве Ламарка является замена преформистских представлений, идущих от Лейбница и других исследователей, идеями трансформизма — исторического превращения одних видов в другие.

Однако у этого подхода было много противников, среди которых один из виднейших — *Жорж Кювье*, французский зоолог, теоретик систематики, создатель палеонтологии, биостратиграфии и исторической геологии как науки. Предложенная Кювье система — первая система органической природы, в которой современные формы рассматривались рядом с ископаемыми. В своем сочинении «Царство животных» Кювье сформулировал принцип соподчинения признаков. Развивая идеи Линнея, он разделил все многообразие животных на четыре ветви, каждая из которых характеризуется общностью плана строения. Причем, между этими ветвями, по Кювье, нет и не может быть переходных форм. В выдвинутом им принципе условий существования, названном принципом конечных целей, развиваются идеи «конкретной телеологии» Аристотеля: организм как целое приспособлен к условиям существования, и эта приспособленность диктует как соответствие органов выполняемым функциям и соответствие одних органов другим, так и их взаимообусловленность в пределах единого целого. Будучи убежденным креационистом, он полагал, что корреляции неизменны. Впервые показав на обширнейшем фактическом материале грандиозную смену форм жизни на Земле и постепенное усложнение этих форм, т. е. фактически заложив основы эволюционных взглядов, Кювье, в силу своих философских убеждений, свел их к представлениям о неизменяемости природы, и настойчиво отстаивал эту позицию, что ярко проявилось в его знаменитом диспуте с *Этьеном Жоффруа Сент-Илером*.

Этот выдающийся французский естествоиспытатель был последовательным сторонником идеи трансформизма. В своем труде «Философия анатомии» он обратился к одной из фундаментальных биологических проблем, имеющих философский характер, — проблеме значения и сущности сходства признаков. Решая эту проблему, поставленную еще Аристотелем, Жоффруа целеустремленно искал гомологии у различных видов животных, разрабатывая идею единства плана строения всего живого, в противовес изложенным выше взглядам Кювье. Однако дискуссия окончилась победой Кювье, который опроверг механистическую трактовку единства морфологического типа, предлагаемую Жоффруа Сент-Илером.

Оригинальные эволюционные философские взгляды в области биофилософии принадлежат выдающемуся российскому биологу *Карлу Максимовичу Бэру*, описавшему в своем капитальном труде «История развития животных» законы эмбриогенеза. Сущность развития, по Бэру, состоит в том, что из гомогенного и общего постепенно возникает гетерогенное и частное. Это явление эмбриональной дивергенции получило название «закона Бэра». Однако при этом эмбриональное развитие не означает повторения серии более низко организованных взрослых животных и не является прямолинейным. Бэр был первым ученым, который пришел к эволюционным идеям, не строя никаких умозрительных схем и не отрываясь от фактов.

Первый глобальный синтез предшествовавших эволюционных представлений осуществил *Чарльз Дарвин*. Принципиальное отличие дарвиновской концепции от других эволюционных и трансформистских взглядов в том, что Дарвин раскрыл движущий фактор и причины эволюции.

На многие годы он стал парадигмой эволюционных представлений, ознаменовав собой целую эпоху в биологии, науке в целом и в культуре. Развитие эволюционных идей на основе дарвинизма вглубь и вширь привело в конце XX в. к формированию концепции глобального эволюционизма, предлагающего эволюционный взгляд на все мироздание в целом.

В то же время, несмотря на широкое распространение и признание, дарвинистские идеи вызывали и многообразную

критику. Предлагались различные антидарвиновские теории эволюции.

С другой стороны, в силу престижности эволюционных идей, порой осуществлялось неоправданное перенесение схем конкретных эволюционных теорий (в частности, Ч. Дарвина) на другие области знания, где они вели к ложным выводам. Достаточно вспомнить многочисленные варианты социал-дарвинизма, некоторые концепции эволюционной эпистемологии и т. д.

Выдвигались и альтернативные варианты эволюционных концепций. Одним из таких интересных и перспективных вариантов создания иной теории эволюции стала концепция П.А. Кропоткина. Им предпринята дерзкая попытка выработать синтетическую философию, охватывающую Вселенную во всем ее целом. Его миросозерцание — это миросозерцание естествоиспытателя, основанное на механическом понимании явлений, охватывающем всю природу, включая и жизнь человека.

Метод исследования Кропоткина — это метод естественных наук, с помощью которого обобщения, полученные индуктивно-дедуктивным путем, прикладываются к оценке человеческих учреждений и обществ на естественнонаучной основе. Это дает возможность охватить в синтетической философии все явления природы, включая и человеческую жизнь, и экономические, политические, нравственные проблемы. П.А. Кропоткин поставил себе цель создать своего рода синтетическую теорию, которая позволила бы описать все многообразие природного и социального мира, основываясь на общем начале — эволюционной идее, позволяющей объяснить развитие как природы, так и общества с единых научных позиций.

Размышляя о дарвиновском понимании борьбы за существование как о факторе эволюции, П.А. Кропоткин обратил внимание на статью известного дарвиниста Т. Гексли, появившуюся в 1888 г. в английском журнале «Nineteenth Century», — «Борьба за существование: программа», где автор изображал жизнь животных как отчаянную борьбу каждого против всех. Подобная позиция вызвала резкое возражение со стороны П.А. Кропоткина, которое он высказал в начале в серии статей, опубликованных в том же журнале, а затем и в книге.

С точки зрения Кропоткина, Гексли неправильно интерпретирует дарвиновское положение о борьбе за существование только как конкуренцию. Дарвин ввел термин «the struggle for existence» для того, чтобы объяснить причины преобразования видов в природе, вычленив природную силу, вызывающую такие последствия.

Однако это понятие он трактовал в самом широком смысле, как некую метафору. «Я должен предупредить, — писал Дарвин, — что применяю этот термин в широком и метафорическом смысле, включая сюда зависимость одного существа от другого, а также включая (что еще важнее) не только жизнь одной особи, но и успех ее в оставлении после себя потомства». Ограничившись таким широким пониманием этого ключевого термина своей концепции, Дарвин в неявной форме объединил несколько совершенно различных процессов, имеющих неравноценное значение в том числе и для эволюции.

Классификации различных форм борьбы за существование Дарвин не предложил. Это вело к тому, что он сам и его последующие ученики и интерпретаторы не всегда были достаточно последовательны в трактовке мысли о метафоричности «борьбы за существование», в ряде случаев выделяя лишь какую-нибудь одну ее форму, вкладывая разный конкретный смысл в это выражение. Дарвин специально не ставил вопросов о взаимопомощи как факторе эволюции наряду с борьбой за существование. Хотя в своих трудах он указывал на реальность взаимопомощи у животных и растений и выделял важную эволюционную роль коллективных действий.

Интерес П.А. Кропоткина к идее взаимопомощи как факторе эволюции возник, как он сам отметил, после его ознакомления с лекцией зоолога К.Ф. Кесслера «О законе взаимопомощи», прочитанной на съезде русских естествоиспытателей в январе 1880 г. По мнению Кесслера, помимо закона Взаимной Борьбы в природе существует закон Взаимной Помощи, который для успешности борьбы за жизнь, и в особенности для прогрессивной эволюции видов, играет гораздо более важную роль, чем закон Взаимной Борьбы.

Это предположение, которое в действительности явилось лишь дальнейшим развитием идей, высказанных самим Дарвином, по-

казалось П.А. Кропоткину настолько правильным и имеющим такое громадное значение, что ознакомившись с ним в 1883 г., он начал собирать материалы для дальнейшего развития этой идеи. В книге «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» представлен обширный материал, иллюстрирующий существование различных форм кооперации у колониальных насекомых, птиц и млекопитающих.

Рассматривая эту проблему, Кропоткин подчеркивал, что Дарвин, говоря о метафорическом значении термина «Борьба за существование», отмечал: наиболее приспособленными часто оказываются не те, кто физически сильнее или ловчее других, а те, кто лучше умеет соединяться и поддерживать друг друга ради блага всего своего сообщества.

Те сообщества, которые содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов, будут более других процветать, оставят наибольшее количество потомков. Это происходит потому, что у животных, ведущих коллективный образ жизни, появляется больше возможностей для лучшего выживания вида. Возникают условия для выращивания потомства с меньшими энергетическими затратами. Начинает эффективно функционировать механизм поддержания оптимальной численности вида при падении рождаемости в экстремальных ситуациях среды обитания, при миграциях и т. д. Резюмируя многочисленные факты взаимопомощи у беспозвоночных, муравьев и пчел, птиц, млекопитающих, П.А. Кропоткин констатировал, что прежде всего ни один натуралист не усомнится в том, что идея о борьбе за существование, проведенная через всю органическую природу, представляет величайшее обобщение. Жизнь есть борьба, и в этой борьбе выживают наиболее приспособленные. Но если поставить вопросы, каким оружием ведется эта борьба и кто в этой борьбе оказывается наиболее приспособленным, то ответы на них будут совершенно различными, смотря по тому, какое значение будет придано двум различным сторонам этой борьбы: прямой борьбе за пищу и безопасность между отдельными особями и той борьбе, которую Дарвин назвал «метафорической» борьбой в переносном смысле, т. е. борьбе против неблагоприятных обстоятельств, очень часто совместной.

Таким образом, с точки зрения Кропоткина, широкое понимание термина «борьба за существование» вполне включает в себя взаимопомощь и взаимоподдержку как один из эффективных инструментов борьбы за лучшее будущее, реальный фактор эволюции. Избегайте состязания! — призывает ученый. Оно всегда вредно для вида, и у вас имеется множество средств избежать его. Таково стремление природы, не всегда ею осуществимое, но всегда ей присущее. Таков лозунг, доносящийся до нас из кустарников, лесов, рек, океанов. А потому объединяйтесь, практикуйте взаимную помощь. Она представляет самое верное средство для обеспечения наибольшей безопасности как для каждого в отдельности, так и для всех вместе, она является лучшей гарантией для существования и для прогресса — физического, умственного, нравственного. Вот чему учит нас Природа, и этому ее голосу вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих классах. Однако если взаимная помощь выступает как эволюционная сила в развитии сообществ животных, то не является ли она таковой и в функционировании человеческого общества? Этот вопрос логично встает перед исследователем, и он пытается дать на него ответ, рассматривая историю развития человеческой цивилизации под этим углом зрения. Ответ оказывается положительным. П.А. Кропоткин анализирует проявления взаимопомощи у дикарей, у варваров, в Средневековье и в современном обществе и приходит к выводу: взаимопомощь присутствует на всех этапах развития человеческой цивилизации и является двигателем прогресса. Кропоткин критикует классическое гоббсовское представление о том, что естественное состояние людей — постоянная борьба между собой под влиянием «звериной природы».

С точки зрения Кропоткина, прав Дарвин, который в общественных, коллективных проявлениях человека видел главную деятельную силу его дальнейшего развития. Первобытный человек отождествляет свое собственное существование с жизнью своего рода. Две основные этические стратегии человека — отношения в пределах рода и отношения вне его — проходят через всю историю. Родовой строй в течение многих тысячелетий служил для объединения людей, хотя в нем и не имелось решительно никаких властных рычагов, чтобы сделать его принудительным. Новая фор-

ма объединения, основанная на земельном начале, — деревенская община — была вызвана к жизни общественным творчеством человека. Кропоткин убежден, что нет ни одной расы, ни одного народа, которые не прошли бы в известном периоде своего развития через деревенскую общину.

Подобная позиция противостоит широко распространенному мнению, согласно которому деревенскую общину в Европе старались представить порождением крепостного права. Кропоткин утверждает, что община сложилась гораздо раньше крепостного права, представляя собой естественное перерождение родовой организации. Деревенская община являлась союзом семей, считавших себя происходящими из общего корня и владевших сообща землей. Частная собственность на землю или «вечное» владение землей были так же несовместимы с основными понятиями и религиозными представлениями деревенской общины, как ранее они были несовместимы с понятиями родового быта. Потребовалось продолжительное влияние римского права и христианской церкви, чтобы адаптировать варваров к частной земельной собственности. Деревенская община, пришедшая на смену родовому строю, была основана на понятии об общей территории. Эта форма организации позволила варварам выжить, не разбившись на отдельные семьи, которые неизбежно погибли бы в борьбе за существование. Феодализм, с точки зрения Кропоткина, не повлек за собой разложения деревенской общины.

Хотя правителям феодалам и удалось наложить ярмо крепостничества на крестьян и присвоить себе права, которые раньше принадлежали деревенской общине (подати, налоги на наследство и браки), крестьяне удержали за собой два основных общинных права: общинное владение землей и собственные суды. Ни один период истории не служит лучшим подтверждением созидательных сил народа, чем время, когда укрепленные деревни и торговые местечки, эти своего рода «оазисы в феодальном лесу», начали освобождаться от власти феодалов и медленно вырабатывать будущую организацию города (X–XI вв.). Это определялось тем, что при постоянно возрастающем разнообразии в занятиях, ремеслах, искусствах, увеличении торговли с другими странами требовалась новая форма единения, которой не давала деревенская община.

Эта новая форма организации выразилась в формировании гильдий. Гильдейские братства являлись дальнейшим развитием тех же коллективистских начал, проявления которых наблюдались в родовом строе и в деревенской общине. В статусах гильдий закладывалось, что в гильдии должны господствовать общие братские чувства, перечислялись общественные обязанности «братьев».

В гильдии все признавались равными, все сообща владели ответственностью. Кропоткин считает, что гильдии отвечают глубоко укорененной потребности человеческой природы. Гильдия была ассоциацией для взаимной поддержки делом и советом во всех обстоятельствах и во всех случаях жизни. Одновременно она была организацией для утверждения правосудия на основе человеческого братского элемента, вместо элемента формального, являющегося характерной чертой государственного вмешательства. Задача состояла в том, чтобы найти форму объединения различных гильдий и союзов деревенских общин. Этой формой организации стал свободный средневековый город. Город того времени не был централизованным государством. Он был разделен на ряд кварталов, где каждый представлял известный род ремесла и торговли. При этом кварталы были независимы. Средневековый город являлся двойной федерацией: домохозяев, объединенных в земельные союзы — улицу, квартал и т. д., — и отдельных личностей, объединенных в гильдии сообразно профессиям.

Первая федерация — плод деревенско-общинного происхождения городов, вторая — профессиональной дифференциации, вызванной новыми условиями. Подобным образом организованный город являл собой попытку более широкого, нежели в деревенской общине, объединения для целей взаимной поддержки, производства и потребления, общения, не налагая при этом на людей оков государства, но представляя, наоборот, полную свободу для проявления творческого созидательного начала. Каждый из этих городов был плодом собственного роста, формируясь эволюционно, но не организовываясь по заранее намеченному плану. Средневековая гильдия, являющаяся одной из ведущих составляющих города, не была корпорацией граждан, поставленных под контроль государственных чиновников. Она была союзом всех людей, объединенных данным производством или иной сферой деятель-

ности. При этом она имела собственную юрисдикцию, собственную военную силу, собственные собрания, традиции, сношения с другими гильдиями, т. е. она полностью и автономно охватывала всю жизнь представляемого союза. С точки зрения Кропоткина, средневековые города оказали громадную услугу всей европейской цивилизации.

Они помешали Европе дойти до уровня теократических и деспотических государств, которые образовались в древности в Азии. Они дали ей разнообразие жизненных проявлений, уверенность в себе, силу инициативы и огромную моральную и интеллектуальную энергию. Причина гибели вольных городов, по Кропоткину, в том, что отделившись от крестьян земледельцев и лишившись их поддержки, города не смогли устоять против насилия зарождающихся королевств и царств.

Идея свободы и федерализма, которая преобладала в эпоху освобождения городов и легла в основание этих вольных объединений, была заменена на представление о том, что спасение людей — в централизации государства, подчинении полубожественной власти одного или немногих. С позиций новой идеологии никакая власть не может быть чрезмерной, никакое убийство чересчур жестоким, если дело идет об «общественной безопасности». В таких условиях федеральное начало катастрофически теряло свою силу. Римская идея победила, и централизованные военные государства нашли себе в городах готовую добычу.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в мире в результате его межгосударственного раздела и передела, Кропоткин отмечает, что государства, образовавшиеся в Европе, систематически уничтожали учреждения, в которых находило выражение стремление людей к взаимной поддержке. Поглощение всех общественных отправлений государством благоприятствовало развитию необузданного эгоизма. По мере того, как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане освобождались от обязанностей по отношению друг к другу.

В результате торжествует убеждение, что каждый может и должен добиваться своего счастья, не обращая никакого внимания на чужие беды. Наука громко провозглашает, что борьба каждого против всех составляет руководящее начало природы вообще

и человеческих обществ в частности. Именно результатом этой борьбы, утверждает биология, явилось прогрессивное развитие животного мира. Политэкономы в своем наивном невежестве рассматривают успехи современной промышленности и механики как «поразительные» результаты влияния того же начала. И все же в этих условиях, как показывает Кропоткин, поток взаимной помощи и поддержки не иссяк. Ибо нравственный прогресс человеческого рода, если рассматривать его с широкой точки зрения, представляется ученому постепенным распространением начал взаимной помощи от первобытного рода к нации и к союзам народов все более и более обширным, пока, наконец, эти начала не охватят все человечество без различия вер, языков и рас.

Несмотря на несколько столетий государственных мероприятий, проводимых с целью искоренения деревенской общины, она в различных редуцированных формах продолжает существовать. Живы обычаи, традиции, в широком смысле «идеология» крестьянских общин. Кропоткин приводит примеры сохранения общинного землевладения в современных ему государствах. Так, например, в Швейцарии широкое распространение получила сельскохозяйственная кооперация. Обычное явление представляли союзы из 10–30 крестьян, сообща покупающих луга и поля и сообща обрабатывающих их, а молочные товарищества для продажи молока и сыра были организованы по всей стране.

С точки зрения общественной экономики, все эти крестьянские усилия, конечно, не представляют большого значения. Но с нравственной стороны, по Кропоткину, их значение громадно. Они доказывают, что даже при системе господствующего необузданного индивидуализма земледельческие массы благоговейно хранят полученные ими традиции взаимной помощи, и как только государства ослабляют железные законы, посредством которых они разорвали все связи между людьми, эти узы тотчас возобновляются.

Много внимания уделяет П.А. Кропоткин развитию рассматриваемой тенденции в России. По его мнению, первые 25 лет после 1861 г. наблюдалось стремление к установлению личной земельной собственности в пределах деревенской общины. С 80-х же годов сформировалась оппозиция личному владению землей, началась замена личной собственности на общинное владение. Такое дви-

жение шло вразрез с существующими экономическими теориями, согласно которым усиленная обработка земли несовместима с общинным землепользованием. Факты того времени свидетельствуют, что деревенская община способствовала введению различных усовершенствований в области земледелия и деревенской жизни в целом. Так, широкое распространение в России молотилок, значительно увеличивших производительность труда в сельском хозяйстве, явилось результатом деятельности крестьянских товариществ, которые могли позволить себе купить сравнительно дорогую машину, чего не мог сделать единоличный крестьянин.

В России кооперация как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, по мнению Кропоткина, выросла эволюционно, естественным образом, оказалась унаследованной от былых времен. Ибо общительность, взаимоподдержка, взаимопомощь, проходя через века, выступают как лучшее орудие для борьбы за существование и в животном, и в человеческом мире.

Таковы вкратце, но максимально приближенно к оригиналу, основные идеи синтетической эволюционной концепции П.А. Кропоткина. Взаимопомощь, в его понимании, это крупная, но не единственная деятельная сила эволюции. Рядом с ней существует и самоутверждение личности как элемент прогресса. Однако значение личности в истории хорошо известно. О другой же деятельной силе — взаимопомощи, как правило, забывают.

Сравнить эти две силы можно, только хорошо изучив каждую из них. И вот, проведя это сравнительное исследование, специально изучив взаимопомощь как фактор эволюции, П.А. Кропоткин приходит к выводу о преобладающем влиянии взаимной помощи как двигателе прогресса. Ибо, по мнению ученого, именно практика взаимной помощи и ее последовательное развитие создали самые условия общественной жизни. Периоды, когда нравы и обычаи, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, утверждает он, всегда были периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности, науки. Это основная прогрессивная тенденция развития человеческой цивилизации. На этой стержневой идее построено все дальнейшее творчество П.А. Кропоткина. На этой же основе покоится и разработанное им учение об эволюционном происхождении нравственных норм.

В практике взаимной помощи мы находим, считает исследователь, происхождение наших нравственных, этических представлений. Именно взаимная помощь, а не взаимная борьба, играет главную роль в этическом развитии человечества.

Какова же историческая судьба основных идей и идеалов П.А. Кропоткина? Она воистину трагична. Многие его мысли оказались окарикатурены, шаржированы. Многие сведены к своей прямой противоположности. Весьма характерным примером искажения представлений Кропоткина о коммунизме может служить реальная практика «строительства» коммунизма в СССР. П.А. Кропоткин, возражая против марксовской модели государственного коммунизма, считал, что коммунизм — это безгосударственное общество, созданное на основе естественно, эволюционно взревшего союза деревенских общин, производственных артелей, других ассоциаций людей, объединившихся по интересам. Основной особенностью коммунизма должно быть полное отсутствие наемного труда. Ибо наемный труд — это ведущая отличительная особенность капитализма. Самая большая услуга, которую будущая революция сможет оказать человечеству, считал Кропоткин, будет заключаться в том, чтобы создать такое положение вещей, где всякая форма наемного труда станет невозможной и неосуществимой. Коммунизм — это самоорганизация, самоуправление, инициатива, саморегуляция людей на основе принципов эволюционной этики. В реально же осуществленной модели коммунизм оказался отождествленным со сверхцентрализованным, унитарным, тоталитарным государством, в котором наемный труд в условиях полного отсутствия частной собственности стал всеобщим.

Слишком разнятся оценки взглядов П.А. Кропоткина. Есть ученые, которые считают Кропоткина последовательным дарвинистом, в свои учении о взаимопомощи как факторе эволюции развивающим воззрения Дарвина. Среди них — М.А. Мензбир, С.Л. Соболев, Н.В. Тимофеев-Ресовский. Имеется и противоположная позиция, согласно которой взгляды Кропоткина — прекрасная и убедительная критика дарвинизма. Представители этой позиции — Л.С. Берг, Р. Уилер, Дж.Б.С. Холдейн, Б.Л. Астауров и В.П. Эфроимсон, — высоко оценивая линию нарастания социализации и гуманизма, проходящую через произведения Кропоткина, считают, что рас-

крытие естественноисторических корней происхождения морали и нравственности является настоятельным требованием нашего времени.

И все же, несмотря на такой разноречивой взгляд и подходов, можно взять на себя смелость утверждать, что теоретическая концепция Кропоткина несет в себе значительный элемент утопизма, а потому жизненно невоспроизводима. Тонко подметив, что в становлении и эволюции жизни и общества взаимодействуют два как бы взаимоисключающих элемента — конкуренция и кооперация, — ученый подробно охарактеризовал второй; но, к сожалению, как это часто случается в истории развития идей, в итоге в определенной мере абсолютизировал его.

Ныне совершенно ясно, что взаимопомощь, альтруизм никоим образом нельзя сбрасывать с весов эволюционно-экологического гомеостаза. В привлечении внимания к этому фактору, в выявлении его созидательной роли в эволюции — несомненная заслуга П.А. Кропоткина.

Однако в современном биологическом познании к настоящему времени накоплен и большой фактический материал об эволюционной роли процессов конкуренции. Можно ли как-то совместить эти два противоположных начала? И вот здесь, как представляется, взгляды Кропоткина дают новое и весьма перспективное решение. Сам П.А. Кропоткин, о чем уже говорилось выше, неоднократно высказывал мысль, согласно которой широкое понимание «борьбы за существование» включает в себя и фактор кооперации, сотрудничества, и фактор конкуренции, состязательности, соревнования.

Резюмируем сказанное. Несмотря на утопизм и несбыточность общей концепции П.А. Кропоткина, многие его идеи значительно опередили свое время. Среди них — поиск идеала общественного устройства на основе изучения природы человека, понимание альтруизма как ведущего фактора эволюционного развития, критика ограниченности организации государства лишь на основе принципа иерархической централизации; развитие идеи самоуправления, самоорганизации на основе идеала самоуправляющихся общин; понимание необходимости эволюционного вызревания процессов и явлений в противовес революционному волюнтариз-

му. Лишь сейчас, в начале XXI в., мы начинаем по-настоящему осознать эти идеи, кладем их в основание нового жизнепонимания и жизнеобъяснения.

Организационный подход: традиции, новизна

Методологический конструкт организации, как уже отмечалось, стал одной из главных мировоззренческих ориентаций XX в.

В 1913 г. была опубликована «Всеобщая организационная наука (тектология)» А.А. Богданова, положившая начало становления этого подхода. Термин «тектология» (от греческого *texisov* — строитель, творец) впервые ввел в научный оборот Э. Геккель для обозначения дисциплины, описывающей принципы строения живых организмов. А.А. Богданов придал этому термину обобщенное значение, построив на его основе Всеобщую организационную науку, излагающую общую теорию организации и структуры систем. «Закладка основ науки, объединяющей организационный опыт человечества, науки жизненно необходимой, — писал А.А. Богданов, — дело огромной важности». Исходной посылкой для автора явилось осознание того, что законы организации систем едины для любых объектов, независимо от субстратов их составляющих. А вследствие этого — подобные законы можно изучать в обобщенной форме. «Здесь и лежит задача тектологии: объединить разрозненное, установить тот общий организационный метод, применениями которого являются все вариации подбора в действительности и в теории».

Разрабатывая основные идеи и принципы тектологии, А.А. Богданов высказал ряд интереснейших, опережающих свое время инновационных положений. Не имея возможности здесь рассмотреть их все, остановимся только на тех, которые непосредственно связаны с представлениями о различных формах организации.

Рассматривая возможные типы связи различных взаимодействующих комплексов друг с другом, А.А. Богданов отмечает, что все те случаи, когда происходит частичное или полное смешение элементов, принадлежащих различным комплексам, можно назвать конъюгацией. Полюс же конъюгации как организующего фактора, связкой, выступающей как продукт конъюгационных

процессов, становится, по А.А. Богданову, ингрессия. Всякая ингрессия предполагает конъюгационные процессы, полем которых является область связи.

Таким образом, первой всеобщей формой организации, с точки зрения развиваемой концепции, становится ингрессия.

Ингрессия — это такая организационная схема, при которой два объединенных ею комплекса имеют общую связь, в которой их содержание конъюгационно сливается.

Продолжая свою логику анализа, автор сопоставляет ингрессию с другими возможными организационными схемами. Рассматривая централистический принцип организации систем, он вводит представление об эгрессии. *Эгрессия выступает как централистическая связь, объединение комплексов, группирующихся вокруг общего центра.*

Подобный тип организации широко распространен как в природе, так и в обществе. В природе это централистическое строение многоклеточных организмов, централистическое строение нервной системы, строение социальных группировок животных и т.д. В обществе это все авторитарные и тоталитарные режимы, патриархальные общины, феодальная, светская и жреческая иерархии, организация армии, бюрократии, монархии и т. д. Центральное лицо во всех этих централистических системах — организатор, руководитель. Периферию образуют исполнители, действия которых определяются его указаниями. Такой принцип организации систем исторически объективен. Он имеет как свои плюсы, так и минусы. Среди плюсов — возможность быстрой мобилизации всех частей системы, возможность постановки общих задач для системы и контроля их исполнения и т. д. Среди минусов — ограничение инновационных потенциалов составляющих частей, все минусы автократии и тоталитаризма. Но во всех случаях эгрессии центральный комплекс оказывается более организованным, чем все остальные. Ведущей организующей тенденцией в эгрессии оказывается моноцентризм. Как же в таком случае складывается ситуация в эгрессивном типе организации в случае возникновения полицентризма? Примеров такого рода также весьма много. Самый типичный среди них — пример сложнейшей полицентрической системы современного развитого капиталистического общества.

Преимущества такого типа организации — высокая независимость частей, составляющих целый комплекс, их свобода к саморазвитию, инновационности. Но эти плюсы таят в себе и минусы дезорганизационных моментов. С точки зрения А.А. Богданова, дезорганизуемая тенденция при многоцентрии заключается в том, что благодаря взаимной независимости центров, организованные ими активности не координируются по своему направлению и могут сталкиваться, превращаться в противодействия одних для других. Глубокое исследование тенденций капитализма свидетельствует, что его экономическое многоцентрие должно найти необходимый конец либо в новом типе организации, либо в глубочайшей дезорганизации общества. А.А. Богданов проводит глубокий анализ кризисной природы капитализма и находит *путь соединения централистической и полицентрической версий организации общества с сохранением преимуществ обеих и с уходом от их ограниченностей. Это так называемый скелетный принцип организации, широко распространенный в живой природе, названный Богдановым депрессией.*

Скелетные формы свойственны огромному большинству организмов. Наиболее типичный образец депрессии, по Богданову, это скелеты живых организмов. Наименее доступны деорганизации, — пишет А.А. Богданов, — должны оказаться такие системы, которые соединяли бы черты высшей и низшей организованности: сложность и концентрацию активностей с устойчивостью их связей... Это и есть принцип депрессии».

Центр депрессивной модели организации не подавляет независимые структуры, не навязывает им свою волю (как в случае эгрессии), а лишь исполняет служебную функцию интеграции этих независимых структур, причем в рамках полномочий, которые сами эти структуры делегируют ему как структуре, выполняющей лишь функцию интеграции.

Таким образом, по Богданову, в этих трех основных всеобщих формах организации ингрессия собирает организуемое содержание, эгрессия его концентрирует, депрессия — фиксирует.

Выстроив эту интереснейшую триаду взаимосвязей и взаимозависимостей различных форм организации, показав их плюсы и минусы и путь схождения к наиболее оптимальной депрессив-

ной форме организации, Богданов остается верен себе и здесь, говоря об ограничительных тенденциях депрессии. «Среди системы, к которой депрессивный комплекс принадлежит, он тектологически характеризуется относительной устойчивостью и низшей организованностью. Организационная же его роль обуславливается ростом, усложнением и изменчивостью других, выше организованных комплексов системы». Богданов обращает внимание на объективное отставание любого скелетного стержня от объединяемого им содержания иных частей системы. И в этой связи высказывает важнейшую мысль о том, что принцип относительного консерватизма депрессивных форм и их отставания в эволюции от пластичных комплексов представляет огромнейшую по размерам и значению область для его сознательного приложения в педагогике и построении человеческих организаций.

Насколько нам представляется, эти идеи все еще ждут своего осмысления и практического применения, столь актуального для современного момента нашего исторического развития.

Логичным продолжением и развитием этого организационно-методологического конструкта стал системный подход, который превратился в один из самых мощных регулятивов XX в., в доминирующую познавательную модель. Взгляд на мир с позиций системности привел к существенной трансформации и изменению онтологических, гносеологических, ценностных и деятельностных установок и ориентаций. И первотолчок всем этим процессам во многом дал выдающийся австрийский мыслитель Людвиг фон Берталанфи. Берталанфи был биологом-теоретиком. Не являясь профессиональным философом, он, может быть, не до конца осознавал всю грандиозность задуманного им проекта, но все его шаги — от создания организмической теории целостности до формулировки общей теории систем — вели к этому.

В начале XX в., точнее в его 20-х гг., сформировались различные концепции целостности, объединенные под названием «организмических». Л. фон Берталанфи стал наиболее крупной и яркой фигурой, которую выдвинуло организмическое движение. Создавая свою организмическую теорию, Берталанфи положил в ее основу представление о том, что живой организм не является неким конгломератом отдельных элементов, а выступает как определенная

система, обладающая свойствами целостности и организованности. Организм даже при постоянстве внешних условий и при отсутствии внешних стимулов выступает как активная система, которой внутренне присущ постоянный обмен веществ.

Берталанфи показал, что развитием любой части организма управляет не какая-то мистическая сила, а совокупность условий и взаимодействий, определяемых целостностью организма, обуславливающих развитие любой своей части. Организм, по Берталанфи, не пассивная, механическая, машиноподобная система, лишенная активности и подчиняющаяся лишь внешним стимулам, а активная целостностная система. В противоположность аналитическим и суммативным представлениям предшествующей биологии именно системность в организации живого объекта была выдвинута им на первый план. Однако, с точки зрения Берталанфи, изучение организмов как систем требует существенных изменений в самих методах их познания, применения динамического подхода в биологических исследованиях, в противоположность традиционному статистическому подходу.

Для адекватного познания целостности организма Л. Берталанфи разработал методы изучения биологического организма как открытой системы. Данные методы основывались на выдвинутых им представлениях о том, что все имеющиеся в природе системы можно разделить на два больших класса: класс открытых и класс закрытых систем. Для закрытых систем (подразделяемых на изолированные и замкнутые) характерно отсутствие обмена веществом между системой и средой при наличии отношений обмена энергией в замкнутых системах. В изолированных же системах отсутствуют оба вида обмена.

Открытые системы, к которым относятся все биологические объекты, характеризуются наличием всех типов обмена между системой и средой. В них непрерывно идут процессы метаболизма, обмена со средой веществом и энергией.

Рассматривая различные типы систем с термодинамической стороны, Берталанфи отмечал, что спецификой закрытых систем является рост энтропии в них, тогда как открытым биологическим системам свойственно уменьшение энтропии. Эти системы характеризуются сохранением стационарного равновесного состояния,

отличающегося от равновесия закрытых систем тем, что в открытых системах происходит не только процесс обновления элементов системы, но и сохраняется высокий градиент свободной энергии.

Другой принципиально важной особенностью биологических открытых систем, характеризующей их как системы целостные и динамичные, Бертоланфи считал их эквифинальность. Так, если для ряда замкнутых систем неодинаковы внутренние и внешние условия их существования, то эти системы с необходимостью приходят к различным конечным состояниям. Открытая же биологическая система может прийти к одному конечному состоянию разными путями и независимо от начальных условий.

Достижение эквифинальности, по Бертоланфи, возможно благодаря сохранению организмом постоянства метаболизма через саморегуляцию, что осуществимо только в открытой системе. Таким образом Л. Бертоланфи освободил принцип эквифинальности от метафизических и идеалистических привнесений. Он полагал при этом, что новое понимание эквифинальности дает физическое основание понятию направленности жизненных процессов, считавшемуся до этого метафизическим и виталистическим. При этом Бертоланфи избежал механической суммативности, отстаивая тезис «целое — больше суммы составляющих частей» и объясняя этот эффект множественностью связей и взаимодействий, возникающих в рамках целостной активной динамичной системы.

Первый опыт последовательной разработки системного подхода в биологии был осуществлен Л. Бертоланфи в созданном им варианте «общей теории систем» (пришедшей на смену его организмической теории). Основными задачами «общей теории систем» (ОТС), по Бертоланфи, являются: 1) формулирование общих принципов и законов систем независимо от их специального вида, природы составляющих элементов и отношений между ними; 2) установление путем анализа биологических, социальных и бихевиориальных объектов как систем особого типа точных и строгих законов в нефизических областях знания; 3) создание основы для синтеза современного научного знания в результате выявления изоморфизма законов, относящихся к различным сферам реальности.

Даже беглый взгляд на этот перечень задач ОТС свидетельствует о том, что сохраняя определенную преэминентность с организ-

мической теорией Берталанфи делает здесь ряд принципиально новых шагов. Переход Берталанфи к созданию «общей теории систем» определялся отнюдь не только творческим развитием взглядов автора. Он отражал и общие изменения в социально-культурной атмосфере эпохи, новые проблемы, вставшие перед развитием науки во второй половине века. К этому времени стремительное развитие технического прогресса, широкое внедрение принципов автоматизации, возникновение электронно-вычислительной техники и т. д. привели к тому, что наука и практика все более стали иметь дело с большими системами, со сложными взаимодействиями их частей и элементов.

Изменилась за эти десятилетия и биологическая наука. Она решительно отказалась от доминировавших ранее лишь организменных подходов, быстро двинулась к познанию как суборганизменных, так и надорганизменных закономерностей. Этот процесс предполагал более пристальное внимание к анализу сложных взаимоотношений как внутри каждой из этих областей науки о жизни, так и между ними. Возникла потребность в разработке новых принципов интеграции знания о живом. Традиционный организменный стиль мышления в биологии был потеснен новым популярным мышлением.

Таким образом, настоятельным требованием времени оказалась задача разработки методов познания сложных объектов как систем. Вместе с тем была остро поставлена проблема общепило-софского осмысления и обоснования этих методов, разработки общеметодологической концепции.

В целостной системе методологии и мировоззрения принцип системности играет важную роль одного из ведущих принципов интеграции научного знания. На его основе создается возможность для осуществления системного подхода к анализу объективных системных образований действительности. Дело в том, что реальная системность объектов действительности, их целостная многоуровневая взаимосвязь и взаимозависимость далеко не всегда являются очевидным фактом. Как правило, ее надо выявить в познавательном движении, вычленив и обосновать. Сложность этой задачи обуславливала то, что долгое время многие системные образования рассматривались как несистемные. Это происходило

как из-за отсутствия системной ориентации познания, так и из-за неразработанности методологических приемов представления в познании объектов как систем, неразработанности соответствующего категориального аппарата. Поэтому успешное решение данных проблем является одним из основных моментов в философском обосновании системного подхода.

Три ключевых понятия (система, организация, целостность) лежат в основе развития системного подхода в биологии, так как все биологические объекты являются целостными организованными системами. Исходя из основных типов связи реальных биологических объектов, их упорядоченность можно рассматривать в разных аспектах: пространственном (структурном), функциональном и временном (онтогенетическом и филогенетическом). В соответствии с этими аспектами целесообразно выделить разные типы организации биологических систем: структурный, функциональный, онтогенетический и филогенетический. Следовательно, системный подход к целостным организованным биологическим объектам должен предполагать учет и синтез знания, полученного при изучении всех этих типов биологической организации.

С методологической стороны этот вывод имеет весьма большое значение, так как он показывает ограниченность сведения системных исследований только к системно-структурным, открывает широкий методологический простор для объединения знаний, накопленных в сфере биологического исследования на основании различных познавательных подходов — субстратного, структурного, функционального, исторического.

Таким образом, можно сказать, что при разработке принципа системности в биологии возникает еще одна непосредственно методологическая задача — задача изучения процесса систематизации знания, полученного при конкретном осуществлении данного принципа. Эта задача состоит в том, чтобы объединить различные познавательные подходы в биологии, изучить их место и роль в общем процессе познания биологических объектов, их эвристические функции и гносеологические аспекты взаимодействия. Иными словами, принцип системности должен быть применен и к самим принципам познания, к оценке тенденций и направлений биологического исследования.

Принцип системности в сфере биологического познания предстает, таким образом, как путь реализации целостного подхода к объекту в условиях учета сложнейшей и многообразной дифференцированности знания, достигнутого в современной науке о жизни.

Наконец, вершиной, ознаменовавшей функционирование организационного подхода в науках о жизни, стало формирование на его основе, наряду с концепцией глобального эволюционизма, еще одной фундаментальной концепции — концепции глобальной экологии. Биологическая наука экология, занимающаяся изучением взаимоотношений организмов со средой их обитания, начала стремительно расширять свой предмет. Это определялось изменением реалий нашего времени, ухудшением экологической обстановки, угрозой нарастания экологического кризиса. Возникли понятия «экология человека», «социальная экология», «глобальная экология» и т. д. Некоторые трактуют эти понятия и стоящее за ними содержание синонимически, употребляя их через запятую. Однако за этими терминами стоят достаточно определенные и отличающиеся друг от друга проблемы.

Экология как биологическая наука традиционно делится на аутоэкологию — изучающую индивидуальные организмы в их взаимоотношениях со средой, синэкологию — изучающую множества организмов в их связи со средой обитания и биогеоэкологию — выступающую как учение об экосистемах в их единстве и взаимосвязях. Под *экологией человека* понимается наука о взаимодействии, коэволюции человека и природной среды его обитания. В ней изучается две группы взаимосвязанных проблем. С одной стороны — охрана природной среды обитания человека, с другой — охрана самого человека. Экология человека формируется как дисциплина, исследующая коэволюцию деятельности человека и возможностей природных систем с учетом как влияния человека на природную среду, так и влияния природной среды на человека, и адаптацию человека к различным средовым факторам.

Современная экология человека — это комплексное междисциплинарное научное направление, изучающее закономерности адаптации человека к условиям среды, воздействие на человека природных констант (климатических, температурных, высотных,

атмосферных и прочих) и обратный процесс различных реакций человека на эти константы в зависимости от генетических, психологических и культурных особенностей.

Социальная экология — это наука о взаимоотношениях общества и окружающей его среды, наука о законах совместимости, коэволюции общества и природы. Это отрасль экологии, исследующая отношения между человеческими сообществами и окружающей их природной и культурной средой. В социальной экологии изучается прямое и побочное влияние производственной деятельности человека на состав и свойства среды. В сферу ее внимания попадает не только природная, но и искусственно созданная человеком среда: города, заводы, вся инфраструктура производственной деятельности людей. Человечество давно уже открыло для себя многие законы природы. Выяснены и используются обществом и законы социального развития. Однако проблема вычленения основных закономерностей и законов взаимодействия общества и природы поставлена в повестку дня лишь недавно, в условиях обострившегося экологического кризиса. Раскрытие этих коэволюционных закономерностей и законов развития индустриального общества и изменяемой им природы — одна из основных задач социальной экологии.

Глобальная экология изучает общие закономерности организационных отношений любых объектов реальности со средой их обитания, безотносительно к субстрату данных объектов и сред. В таком понимании в глобальной экологии формируется общая концепция коэволюционных отношений объектов и среды их обитания, рассмотренных в структурно-организационном плане. Глобальная экология выступает как идеология, как общая теория возможных экологических отношений объектов друг с другом и со средой обитания.

В процесс формирования идей глобальной экологии значительный вклад внесли идеи видного американского психолога XX в. Дж. Гибсона, построившего свою оригинальную концепцию экологического восприятия мира.

Гибсон выдвинул парадоксальную, на первый взгляд, идею, что человек живет и действует не в мире, описываемом физической, физическими категориями пространства, времени, материи и т. д., а в мире непосредственных (и опосредованных) контактов

со средой своего обитания, который он назвал экологическим миром.

При этом человек и окружающая его среда взаимно связаны, взаимно влияют друг на друга и изменяют друг друга. «В отличие от физического мира, — пишет Гибсон, — окружающий мир животных состоит из среды, веществ и поверхностей, которые отделяют вещества от среды...»¹. Именно с этими компонентами человек и сталкивается, осознает их и изменяет их. «Зачем человек изменил очертания и вещества своего окружения? — задает он вопрос и тут же отвечает на него. — Для того чтобы изменились возможности, которые окружение ему предоставляет. Он сделал более доступным то, что приносило ему пользу и постарался уменьшить влияние того, что ему вредило»². И далее: «Эти преобразования были настолько опустошительными и бездумными, что если мы не образуемся, они станут для нас роковыми»³.

В этих цитатах артикулирована одна из основных идей Гибсона, согласно которой человек может плодотворно реализовать только ту возможность, которую предоставляет ему окружающая среда. Идея взаимозависимости живого существа и окружающего его мира, полагает Гибсон, не могла возникнуть в физике. «Такие фундаментальные понятия, как “организм” и “окружающий мир” или “вид” и “среда его обитания”, — пишет ученый, — нельзя вывести из понятий пространства, времени, материи и энергии — понятий, лежащих в основе всех физических наук»⁴.

«При подобном способе мышления, — конкретизирует он, — упускается из виду тот факт, что у такого объекта, как животное, есть свое особое окружение, что живой объект погружен в окружающий мир иначе, чем физический объект погружен во множество сходных с ним объектов»⁵. И эта «особость» состоит в их взаимном воздействии. Понятие среды отличается от понятия пространства, поскольку точки пространства идентичны друг другу и лишены какой бы то ни было уникальности. Среда же всег-

¹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. С. 430.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 32.

да уникальна в ее взаимодействии с тем субъектом, который находится в данной точке среды.

«Воспринимая окружающий мир, мы воспринимаем сами себя», — утверждает Гибсон⁶. «Возможности окружающего мира и образ жизни животного неразрывно связаны друг с другом. Окружающий мир накладывает ограничения на то, что животное может делать»⁷. Таким образом, принципиальным в экологическом подходе Дж. Гибсона, как отмечают С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин, является представление о том, что «субъект» и «окружающий мир» являются взаимодополнительными и друг без друга немислимы⁸.

Этот методологический вывод из гибсоновской концепции экологического восприятия мира имеет далеко идущие последствия. Он претендует на роль методологического конструкта, определяющего формирование онтологических и познавательных установок, далеко выходящих за рамки собственно отношений животного и среды его обитания, ведет к новому осознанию значительно более широких систем, в частности путей взаимодействия общества со средой своего обитания, тенденций глобализации мира.

Однако знакомство с литературой, посвященной анализу названных выше проблем, свидетельствует о том, что далеко не во всех подобных работах этот вывод принимается или хотя бы учитывается.

В футурологических концепциях, обсуждающих модернизационные инновации перехода общества от его индустриальной, техногенной стадии развития к формации постиндустриальной, энвайронментальные составляющие вообще, как правило, не упоминаются.

Дж. Несбитт, характеризуя новую постиндустриальную цивилизационную модель, говорит о переходе от индустриального типа развития к развитию информационному, от техники — к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долговременным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 32-33.

к сетям, от альтернативного выбора — к многообразию, от Севера — к Югу⁹.

Э. Тоффлер, выделяя черты постиндустриального общества, акцентирует увеличение разнообразия источников энергии, большую дифференцированность технологической базы с учетом достижений биологии, генетики, электроники, информатики, превращение информации в главное сырье общества, демассифицированность СМИ и ТВ, осуществление производства для потребителя, а не для рынка, уменьшение роли государства-нации, возникновение новой структуры государственных и общественных институтов по принципу сети и т. д.¹⁰

Подобные примеры можно продолжить. Но нам важно не просто перечислить их. Важно обратить внимание на то, что по сути дела во всех этих многочисленных вариантах модернизации общества речь идет о социально-политических и экономических трансформациях. Обсуждаются финансовые, экономические, политические, социологические, демографические, культурологические составляющие модернизационных процессов.

Об экологических же императивах, о закономерностях взаимодействия развивающегося индустриального общества и изменяемой им среды своего природного обитания речь фактически не идет. Как хорошо сказал в свое время С. Московичи, «все современные концепции общества исходят из оппозиции человека природе. Задача же состоит в утверждении и раскрытии сопряженности природных и социальных процессов»¹¹. Но это только один существенный недостаток современных футурологических сценариев будущего человечества.

Другой, и не менее важный, недостаток состоит в том, что в приводящемся перечне основных черт общества будущего отсутствует методологическая установка анализа взаимодополнительности любого исследуемого объекта и среды его обитания. А как мы ранее отмечали, эта методологическая установка претендует на универсальность, безотносительно к субстратным составляю-

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 32-33.

¹¹ См.: Naisbitt J. *Megatrends. Ten new directions transform our lives.* N.Y., 1982.

щим системы «объект — среда обитания», что существенно повышает креативность проводимого исследования.

Как своеобразная реакция на все беды неконтролируемого техногенного развития общества, в середине XX в. стала нарастать идеология биоцентризма. В ее основе — призыв возврата к доминированию ценностей жизни в противовес ценностям техники, политики, экономики.

Идеи благоговения перед жизнью, в свое время заявленные А. Швейцером, получили развитие в многочисленных направлениях глубинной экологии, биоэтики, биополитики и т. д.

Таким образом, представляется, что все изложенные выше факты и аргументы свидетельствуют о том, что для современного осознания глобальности мира обязательным компонентом ориентации мышления должен стать компонент его экологической составляющей.

Факт целостного взаимодополнительного взаимодействия объекта и среды его обитания реализуется универсально, безотносительно к какому бы то ни было субстрату, характеризующему объект и окружающую его среду, что и получает свое отражение в новой направленности сознания.

Пути синтеза организации и эволюции.

Идея коэволюции как новый методологический конструкт XXI века

Великий эволюционист XX в. Эрнст Майр полагал, что коэволюция языка, сознания и головного мозга играла ведущую роль в эволюции человека лишь в последние 150 тыс. лет. До этого вся эволюция от австралопитека до *Homo sapiens* носила сугубо биологический характер. Отбор способствовал репродуктивному успеху групп, в интеграции которых важную роль играло установление прочных половых связей между особями стада. И только в последние 150–200 тыс. лет началась эволюция культуры¹². «Именно формирование ментальности определенного уровня развитости становится решающим фактором для “окончательного” выхода

¹² Колчинский Э.И. Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М., 2006.

“последнего” иерарха из-под опеки естественного отбора», — считает Ю.С. Вяткин¹³.

За этот ничтожный, в рамках геологического времени, отрезок человечество наработало и присвоило не так уж много фундаментальных идей, коренным образом повлиявших на его дальнейшее развитие. Одной из таких идей является идея эволюции. Зародившись в глубокой древности, эволюционные представления прошли через всю историю человеческой цивилизации. Все значимые персоналии и концепции на этом пути, все аргументы pro — и contra отражены в десятках, если не в сотнях, опубликованных ныне книг. Однако о философских различиях, которые закладывались в основание той или иной концепции эволюции, о значении этих философских идей в экстраполяции эволюционных теорий из области биологии в культуру в целом сказано значительно меньше.

Дарвинизм стоит на плечах своих великих предшественников, о которых говорилось ранее. Дарвин ввел в биологию исторический метод как доминирующий метод научного познания, как ведущую познавательную ориентацию. Однако с годами стала ощущаться ограниченность дарвинизма, определяемого только историческим стилем мышления.

Синтез классического дарвинизма и генетики, осуществленный в середине XX в., привел к утверждению нового популяционного стиля мышления в биологии, где оказались совмещены идеи эволюции и организации, во всяком случае, на ее молекулярно-генетическом уровне. Это явилось важнейшим методологическим достижением в сфере биологического знания середины XX в. Синтетическая теория эволюции (СТЭ), возникшая на основе этого мышления, долгие годы была доминирующей эволюционной концепцией.

Между тем, ныне нарастает осознание ограниченности и СТЭ, огромен арсенал фактов и идей, не нашедших в ней отражения. Множатся различные недарвиновские концепции, яростно критикующие СТЭ. Ее представители не менее яростно и аргументированно защищаются. И вот в этой ситуации возникает интересное и важное методологическое следствие, которое можно назвать коэволюцией идей, когда при столкновении двух взаимоисключаю-

¹³ Вяткин Ю.С. Концепции эволюции и проблема антропогенеза. Барнаул, 2006.

щих позиций победу одерживает не одна из них, а некий синтез первой и второй. Это можно рассматривать как проявление становления нового стиля мышления в биологии, который назовем коэволюционным. Укрепление и расширение подобного мышления, как представляется, может способствовать новому взгляду на многие конфликтные точки современного биологического знания. Среди них — проблема соотношения дарвинизма и ламаркизма, преформизма и эпигенеза, тихогенеза и номогенеза, градуализма, нейтрализма и пунктуализма и т. д.

Так понятие в биологии коэволюционное мышление охватывает и культуру. Оно позволяет преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и человеку, наметить пути синтеза между эволюционизмом в природе и в социокультурной области. Коэволюционное мышление ведет к пониманию сопряженности этнонациональных и социокультурных общностей с природно-географическими условиями среды, к осмыслению путей совместной и сопряженной эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, природы, цивилизации и культуры¹⁴.

Каковы же основные онтологические основания для формирования подобного стиля мышления? Что лежит в основе самого процесса коэволюции?

В истории человеческой цивилизации эволюционные представления появились с очень давних времен. Эволюционные идеи во взглядах на мир живого развивались уже философами Античности. Достаточно вспомнить оригинальные эволюционные построения в системах Эмпедокла и Анаксагора. Принципы эволюционизма наполнялись конкретным содержанием в учениях Аристотеля, Лейбница, Бонне и других мыслителей. Широкие эволюционные построения характерны для концепций Ф. Бэкона, Бюффона, Ламарка, И. Жоффруа Сент-Илера и др. Однако все ранние эволюционисты лишь фиксировали факт наличия в природе эволюционных изменений как изменений постепенных, последовательных, разворачивающихся на основе единого субстрата. Представлениями о механизмах эволюционного развития они еще не обладали. О превращении эволюционных представлений в определенную теорию эволюции можно говорить лишь с появ-

¹⁴ *Moscovici S. Lasociete contra nature. Paris, 1972. P. 401.*

лением работ Ч. Дарвина. Он показал естественно-исторические причины эволюции, открыв один из основных принципов развития живого — принцип естественного отбора.

Понимание естественного отбора как ведущего фактора эволюции составило целую эпоху в развитии представлений о жизни и учения о развитии в целом, конкретизировав основную задачу теории эволюции — выявление механизмов, посредством которых можно объяснить возникновение разнообразия индивидуумов и видов.

Дарвин привлек внимание к реальной изменчивости организмов как к повседневному явлению природы. Эволюция, по Дарвину, это превращение изменчивости среди особей в изменчивость систематических групп, т. е. переход индивидуальной изменчивости в популяционную и видовую. Популяция выступает как совокупность свободно скрещивающихся особей одного вида, занимающих определенный ареал обитания. Для каждой популяции характерны конкретные пространственно-временные взаимоотношения, возможность свободного скрещивания особей в пределах популяции, при котором все возможные комбинации имеют равную вероятность, и наличие реальных пространственных границ популяции с соседними популяциями того же вида. Таким образом, эволюционные изменения в живой природе рассматривались как линейный тип развития. Это могли быть лишь филетические изменения, протекающие в одной филогенетической линии в процессе последовательной смены поколений. Считалось, что изменения, дифференциация популяций могли происходить лишь тогда, когда эти популяции были надежно изолированы друг от друга. Ибо только в этом случае мутантные гены, возникшие в одной из них и ведущие к появлению нового, могли остаться в ее пределах и положить начало наследственным уклонениям. Эволюция большого числа одновременно развивающихся форм рассматривалась на основе принципа кладогенеза — как независимая эволюция этих форм в условиях пространственного разобщения популяций.

В синтетической теории эволюции, знаменовавшей собой новый этап развития дарвинизма, на основе объединения идей теории эволюции и теории наследственности эти представления были

углублены и расширены. Было показано, что наряду с известными факторами эволюции — наследственной изменчивостью (мутациями, комбинациями) и действием отбора — определенную роль в эволюции играют и стохастические процессы, отражающие вероятностные изменения концентрации генов в малых популяциях. Эти процессы, названные генетико-автоматическими или «дрейфом генов», отражают случайные колебания частот генов, обусловленные ошибками выборки, неизбежными при функционировании генетического механизма. На основе открытия дрейфа генов получила свое разрешение не объясненная Дарвиным загадка генетического эффекта изоляции в эволюции, вызывающего дивергенцию популяции по неадаптивным свойствам. На основании этого открытия в представления о биологической эволюции, как жестко однозначном типе линейного развития, был вбит первый клин.

Однако подлинно революционные изменения представлений о биологической эволюции начали происходить позже. В конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века благодаря разработке новых методов в молекулярной биологии и геномной инженерии появилась возможность свободного манипулирования генетическим материалом и не опосредованная, а прямая расшифровка (секвенирование) последовательностей ДНК, РНК, структуры белков. Был подвергнут сомнению и практически опровергнут центральный постулат генетики, согласно которому гены, бесконечно редуцируясь, поддерживают постоянство генома, лишь изредка нарушаемое случайными изменениями — мутациями.

Были открыты многочисленные явления, свидетельствующие о непостоянстве генома. В практическом плане стала рассматриваться проблема немутационной изменчивости генома. Так, был обнаружен горизонтальный обмен генами между неродственными организмами — например, между бактериями и высшими животными. Была показана наследственная изменчивость генома, основанная на перемещениях подвижных генетических элементов¹⁵.

Вес эти открытия свидетельствовали о том, что биологическая эволюция ныне уже не может рассматриваться как простой линейный процесс и требует своего рассмотрения как нелинейный тип

¹⁵ По этим проблемам имеется много литературы. Обзор проблем см.: Хесин Р.В. Непостоянство генома. М., 1985; Эволюция генома. М., 1986.

развития. Эволюцию генов с этих позиций можно уяснить лишь через призму эволюции геноценозов, т. е. сопряженной эволюции всего множества генов в геноме. Наряду с естественным отбором и дрейфом генов, был открыт и постулирован третий фактор эволюционного изменения — молекулярный драйв (от англ. drive — побуждение, стимул). Этот механизм можно назвать молекулярным приводом эволюции, суть действия которого состоит в изменении семейств последовательностей ДНК за счет распространения в них мутаций без явного влияния отбора на этот процесс. В результате наблюдается согласованная эволюция таких последовательностей в популяциях организма. С точки зрения Г. Доувера и соавторов, это достигается не увеличением размножения одних фенотипов за счет других, а путем индукции согласованных фенотипических изменений в популяцию индивидуумов¹⁶.

Все это свидетельствует о том, что на генно-молекулярном уровне действуют не только эволюционные механизмы развития, но и механизмы коэволюционные, предполагающие сопряженную эволюцию и взаимные селективные требования развивающихся объектов. С этих позиций, одной из наиболее обещающих концепций, свидетельствующих об универсальности идеи коэволюции, как совершенно справедливо констатировал С.Н. Родин, является концепция молекулярной коэволюции. Согласно этой концепции, геном любого организма понимается как иерархически организованный, но достаточно слаженный, интегрированный ансамбль генетических информационных единиц разного ранга, и его цельность, несомненно, является продуктом взаимно адаптивной коэволюции этих единиц. Поэтому системный подход к изучению геномов, особенно актуальный в эпоху тотального секвенирования, означает, по мнению С.Н. Родина, что теперь бóльшую значимость имеет построение теории не столько просто эволюции, сколько коэволюции макромолекул.

При этом мы должны отдавать себе полный отчет в том, что молекулярно-генетический уровень — это лишь исходный уровень коэволюционных процессов, разворачивающихся на всех уровнях организации живого. «По сути дела, любая экосистема также является продуктом коэволюции, в которой участвовали

¹⁶ Эволюция генома. М., 1986. С. 350.

соответствующие виды, т. е. в конечном счете — продуктом взаимно сопряженной селекции видовых геномов»¹⁷.

Представление о всеобщности развития, закрепленное в концепции глобального эволюционизма, получило свое естественнонаучное воплощение в учении о биосфере как сложной целостной развивающейся системе. С позиций современной науки биосфера понимается как область существования и функционирования живых организмов, включающая в себя атмосферу, гидросферу, поверхность суши и верхние слои литосферы.

В.И. Вернадский, основоположник учения о биосфере, рассматривал ее как единство трех веществ: живого, биокосного и косного. Живое вещество составляют все ныне живущие организмы планеты. Биокосное вещество — это сочетание живого и неживого, образующее то единство, в создании которого участвуют компоненты того и другого — например, почва. Наконец, косное вещество — это любые неорганические, абиогенные составляющие Земли. По Вернадскому, для существования и развития жизни присутствие всех этих трех потоков вещества является необходимым, ибо только их сложное сопряженное взаимодействие и обеспечивает условия для поддержания жизни. Как справедливо отметил В.М. Федоров¹⁸, учение о биосфере впервые дает развернутую теоретическую основу натуралистической форме синтеза, которая исторически предшествует отвлеченным физической или механической картинам мира. Исходной предпосылкой натуралистического (в данном случае — биосферного) мировоззрения стало представление о том, что «явления жизни и явления мертвой природы, взятые с геологической, т. е. планетной точки зрения, являются проявлением единого процесса» (В.И. Вернадский). Организм может быть отделен от земной коры «только в нашей абстракции», так как живое есть часть земной коры, неразрывно с ней связанная, есть «механизм», непрерывно ее изменяющий.

Однако ни один единичный организм или какой-либо единичный вид живых организмов в то же время не в состоянии существовать и эволюировать изолированно, исполняя все геохимические

¹⁷ Родин С.Н. Идея коэволюции. Новосибирск, 1991. С. 82.

¹⁸ По этим проблемам имеется много литературы. Обзор проблем см.: Хесин Р.Б. Непостоянство генома. М., 1985; Эволюция генома. М., 1986.

функции жизни. На это также впервые в мире обратил внимание В.И. Вернадский. Рассматривая геохимические функции биосферы, он подчеркнул, что для существования жизни морфологический состав живой природы должен был быть сложным. Поэтому первое появление жизни в биосфере могло произойти не в виде появления одного какого-либо организма, а только в виде их совокупности, отвечающей геохимическим функциям жизни.

Итак, коэволюционные механизмы развития жизни в биосфере предполагают, во-первых, взаимосвязь неорганического (косного) и органического (живого) вещества; во-вторых — сложное взаимодействие живых организмов друг с другом. Но этим не исчерпываются все коэволюционные факторы, определяющие развитие жизни в биосфере. Помимо механизмов саморазвития живого, действующих в неразрывном единстве с земной корой, эволюция биосферы определяется и воздействием внешних условий, идущих из Космоса. Твари Земли, отмечал В.И. Вернадский, являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма. Исходя из этого, и разгадка жизни не может быть получена только путем изучения живого организма.

Вернадский подчеркивал, что жизнь есть результат сложно-го взаимодействия, сопряженной эволюции целого ряда космических и земных факторов. «На основании всего эмпирического понимания природы, — писал он, — необходимо допустить, что связь космического и земного всегда обоюдная и что необходимость космических сил для проявления земной жизни связана с ее тесной связью с космическими явлениями, с ее космичностью»¹⁹. Подобное космопланетарное понимание жизни, представление о тесной зависимости явлений, происходящих в биосфере, от космических факторов развивалось и другим современником Вернадского — выдающимся русским ученым А.Л. Чижевским. «Теперь мы можем сказать, — писал он, — что в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого никогда не достигали той ясности и глубины, какой они мало-помалу достигают в наши дни»²⁰.

¹⁹ Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1980. С. 311

²⁰ Эволюция генома. М., 1986. С. 350.

Наличие подобных представлений на уровне эмпирических наблюдений, фиксация различных факторов такого рода требовали своего теоретического оформления. В работах В.В. Докучаева, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, В.Н. Сукачева был выдвинут ряд принципиальных идей в этом направлении. Одной из важнейших среди них стала концепция организованности биосферы и эволюции этой организованности. Согласно этой идее, организованность живого вещества биосферы имеет тенденцию к непрерывному возрастанию от простейших форм жизни вплоть до возникновения человека. Поэтому все теоретические проблемы эволюции видов не могут рассматриваться вне и независимо от их сложной коэволюции в рамках биосферы. Эволюция видов должна быть связана со строением биосферы. Ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимы от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимо от нее существующие природные сущности. И одновременно с этим подобное сложное коэволюционное взаимодействие внутри биосферы дополняется воздействием космических факторов на процессы, происходящие в биосфере. Проблема прямого и косвенного воздействия космопланетарных факторов на живое вещество и его эволюцию становится одной из наиболее значимых и фундаментальных в современном естествознании.

Возникает необходимость введения в научный арсенал некоторых новых определений и категорий, отражающих эти интегральные характеристики коэволюционного развития. В.П. Казначеев, развивая идеи В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского, предложил особую единицу, отражающую периодические колебания солнечной активности на биосферном уровне, назвав ее солнечно-биосферной единицей²¹. Она вводится ученым на основе геохимических представлений о миграции элементов в биосфере и связывается с бассейнами стоков крупных рек планеты. По мнению В.П. Казначеева, солнечно-биосферные единицы дают возможность проведения пространственного и посменного анализа единых коэволюционирующих комплексов с учетом особенностей климатических зон, типов рельефов и ландшафтов. Солнечно-биосферные единицы, таким образом, выступают как своеобразные «площадки», на которых прослеживается общая картина

²¹ Родин С.Н. Идея коэволюции. Новосибирск, 1991. С. 82.

взаимодействия разнообразных геологических, географических, климатических, биологических, космических и антропогенных факторов. Причем группа последних факторов с учетом нарастающего научно-технического развития человечества имеет тенденцию к постоянному росту.

В.А. Красилов, анализируя взаимодействие человека и природы, высказал мысль о том, что человек является регулирующим фактором биосферы. В сложных системах, отмечает он, как правило, есть механизм исправления ошибок, механизм репарации повреждений. Так, дефектные участки генетического кода вырезаются специальными ферментами — рестриктазами. Биосфера до сих пор не имела подобных механизмов, но по логике развития они должны были рано или поздно появиться. Появление мыслящего существа — человека, с точки зрения В.А. Красилова, означает потенциальную возможность сознательной репарации биосферы. «Однако, — делает существенную оговорку В.А. Красилов, — реализация этой возможности зависит от осознания человеком своей эволюционной миссии»²². Продолжая эту мысль, можно заметить, что осознание этой эволюционной миссии человеком, с нашей точки зрения, во многом заключено в четком определении им своего места и своих возможностей в коэволюционном ряду общего развития универсума. Н.Ф. Реймерс полагает, что должен существовать какой-то дополнительный эволюционный механизм, какие-то направляющие ограничения в этом развитии универсума. Выделить его и понять можно, как представляется, только на основе использования идеи коэволюции всех этих сопряженных рядов развития. В своей книге «Начала экологических знаний» он выделяет общую структуру коэволюционирующих элементов²³. Если учесть, что биосфера построена по иерархическому принципу и к тому же входит в иерархию систем космоса, то совершенно очевидна каскадность процесса эволюции: меняется место нашей галактики во Вселенной, эволюционирует Солнечная система, изменяется Земля как планета, изменяются все уровни и иерархии ее природных систем, включая экологические. Происходит эволюция многих эволюций, каждая из которых обуславливает ряд ограничений. Ритмы

²² Красилов В.А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М., 1992.

²³ Федоров В.М. Учение о биосфере и интеграция наук. М., 1986. С. 65–66.

Солнца накладывают «вето» на многие варианты развития. Земная гравитация отменяет все варианты, не соответствующие ей, и т. д. Каждый вышестоящий уровень иерархии ограничивает и поэтому направляет развитие систем более низких уровней иерархии. Однако существует и процесс обратного воздействия. Особенно наглядно это проявилось в условиях нарастания антропогенных воздействий на природу. Эволюция живых систем на Земле идет нынче по тем же природным законам эволюции, но в рамках мощного антропогенного пресса, что существенно изменяет ситуацию и требует специального анализа коэволюции природы, человека и общества в контексте концепции глобальной экологии.

Достижения эволюционной биологии в XX в., особенно экологии, этологии и популяционной генетики, показали значение процессов коэволюции — например, при формировании коммуникативных систем, где требуется совместная эволюция передающей и воспринимающей систем, при объяснении форм коммуникативного, совместного поведения общественных животных и т. д. Идея коэволюции, еще вчера бывшая периферийной в эволюционизме, возникшая для объяснения симбиотических взаимоотношений, ныне все более и более осознается в своей философской глубине и становится центральной для всего эволюционистского способа мысли. В различных разделах биологии начинают говорить о генно-культурной коэволюции, о совместной эволюции психики человека и социокультурной эволюции, о коэволюции природы и человека. Идея коэволюции в наши дни становится программой целого ряда естественнонаучных дисциплин и требует кардинального изменения наших установок. Если мы не изменим наше мышление, если не превратим идею коэволюции в стратегию естественно-научного и философского подхода к природе, у нас, по-видимому, останется мало надежды продвинуться хоть немного вперед в наших попытках понять взаимосвязи между природой и человеком, между эволюцией психики и поведением животных — с одной стороны, и человека — с другой, между биологической и социокультурной эволюцией.

Коэволюционная стратегия позволяет интерпретировать — конечно, в рамках компетенции каждой научной дисциплины — результаты научных исследований, данные наблюдений и измерений,

результаты экспериментальных и полевых исследований, учитывая решающий вектор изменений в природных популяциях и биогеоценозах.

Коэволюционная стратегия позволяет осмыслить и понять те естественно-научные факты, которые имеют отношение к антропогенному воздействию на природные ландшафты и экосистемы; позволяет построить прогнозы отрицательных последствий, которые могут иметь воздействие человека на природу, с тем чтобы дать наилучшие рекомендации, как избежать этих негативных последствий или свести их к минимуму.

Коэволюционная стратегия позволяет преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и эволюционизмом относительно человека, наметить пути синтеза между эволюционизмом в биологии и эволюционизмом в социокультурных науках. Тем самым создается возможность преодолеть ограниченность социологизма и историцизма, которая связана с отрицанием роли биологически-антропологических факторов в социокультурной эволюции.

Коэволюционная стратегия задает новые перспективы для объединения естественных и социальных наук, ориентируя их на поиск новых аналитических единиц и новых способов понимания сопряженности разнообразных этнонациональных и социокультурных общностей с природно-географическими условиями среды, осмысления путей совместной и сопряженной эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, природы, цивилизации и культуры.

Коэволюционная стратегия формирует и утверждает новые ориентиры человеческой жизнедеятельности, выдвигая новые экологические регулятивы как природопользования, так и материального производства (переход от монокультур к поликультурам, адаптивные стратегии в сельском хозяйстве, развитие биологических средств защиты, безотходные технологии и др.), выдвигая нормы экологической сбалансированности и динамического равновесия человека и природы, правовые регулятивы вторжения человека в природные экосистемы, определяя ценности биосферной экологической этики, направленной на поддержание, защиту и расширение жизни, на увеличение ее разнообразия. Тем самым

осознаются глубинные истоки экологического кризиса и намечаются пути выхода из него: подчинение материально-технической деятельности человека целям совершенствования биосферы, осознание сложности взаимоотношений между организованностью биосферы и организованностью ноосферы.

Коэволюционная стратегия способствует развитию критического взгляда и способностей к самостоятельному мышлению, необходимых в процессе освоения сложностей современного человеческого бытия.

Некоторые практические выводы и рекомендации

Высокие инновации в сфере методологических подходов, трансформации познавательных конструкторов и моделей и познание имеют весьма актуальное практическое приложение, изменяя видение реальности, предлагая новое понимание вызовов, идущих от нашего времени, и ответов на них.

Так, применив методологический принцип коэволюции в изучении сложных систем, мы провели исследование — «Проблема сохранения многообразия культурных традиций России в эпоху глобализации», и в результате получили весьма нетривиальные выводы (см.: «Россия: многообразие культур и глобализация». Отв. ред. И.К. Лисеев. М., 2010).

Для обеспечения наиболее широко учета мнений по названной проблеме представителей различных регионов России и ближнего зарубежья руководители проекта обратились через журнал «Вестник РФО» (№ 3, 2006) к философской общественности страны и сопредельных государств с приглашением принять участие в разработке данного проекта. Обращение было замечено, и из различных регионов начали поступать материалы и предложения. В ходе работы над проектом было проведено много совместных конференций. В Институте философии РАН был организован постоянно действующий семинар по проблеме. Основные идеи исследовательской темы обсуждались на международных конференциях в Белоруссии, Китае, Южной Корее, во многих российских городах, среди которых — Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Волгоград, Владивосток, Хабаровск, Чита, Улан-

Удэ, Иркутск, Красноярск, Екатеринбург, Казань, Махачкала, Дербент.

Организаторы проекта никак не ограничивали многообразия представленных позиций. Для структурирования будущей книги были заданы только два основных ее направления. Первое — научно-философский анализ проблемы, исследование вызовов и противоречий, возникающих при том или ином решении названной проблемы. Второе — философское осмысление конкретного опыта решения проблемы сохранения многообразия культурных традиций в нашей многонациональной стране.

Впечатляет география авторского состава книги. Здесь представлены статьи не только известных философов Москвы, но и ученых из самых разных регионов России — от Казани до Кемерово, от Якутска до Грозного. Несколько ярких статей написаны коллегами из Белоруссии. Однако в целом, несмотря на конкретную специфическую окраску каждой статьи, представленные в них фундаментальные идеи в основном оказались удивительно созвучными. Это говорит о многом. Хотя в книге получил отражение и внутренний спор представителей разных позиций.

Проблема сознания, национального самосознания, национальной самоидентификации в сложном многоуровневом нелинейном мире всегда была острой проблемой бытия человеческого социума. Однако ныне в условиях стремительно глобализирующегося мира она приобретает еще большую остроту. Это объясняется во многом тем, что доминирующий ныне вариант глобализации ведет к нивелировке специфики национальных особенностей в разных сферах бытия — экономики, финансов, хозяйствования, политики, права, техники, технологий и даже духовной культуры. В противовес им предлагается даже не некое социокультурное «эсперанто», составленное из набора образцов разных стран, народов и религий, а усредненное, заимствованное из арсенала стран — победителей сегодняшнего этапа глобализационной гонки видение норм и установок всех названных выше важнейших ипостасей человеческого бытия, насильно навязываемых иным странам, идущим ныне в арьергарде глобализационных процессов.

Осознание этой ситуации, поиски путей выхода из нее для России распадаются сейчас, как минимум, на две составляющие.

С одной стороны, это поиск возможностей для включения страны в общемировые глобальные процессы с одновременным сохранением собственной самобытности, неповторимости и уникальности российской культуры. С другой стороны — теперь уже внутри российского этноса — это решение проблем сохранения самобытности многочисленных народов России в контексте нашего общероссийского дома, объединяющего народы с общей историей, общими экономическими и культурными связями. Обе эти идеи получили в статьях книги интересный анализ и важные предложения.

Сегодня, когда российская культура включается в объективный процесс глобализации — считают Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова и А.Б. Лебедев (г. Казань), — перед ней неизбежно встает проблема универсальных, общечеловеческих ценностей. И вот мы обнаруживаем, продолжают они, что общественное сознание на данном этапе своего развития стоит перед осмыслением прежде всего апробированных западной цивилизацией идей, принципов, идеалов. Но заимствование чужого порождает сопротивление как реакцию самосохранения организма. Проблема культурной идентичности России, возникшая в теоретической мысли нашего общества — считают авторы — и является своеобразным протестом против такого заимствования, протестом, который возможен только на пути самосознания, выявления собственных сущностных основ. В статье проводится мысль, согласно которой усвоение конкретной культурой общечеловеческих ценностей возможно лишь тогда, когда эти ценности вызревают в рамках собственного опыта данного общества.

Затрагивают авторы и соблазнительную идею синтеза традиционных ценностей, присущих российской культуре, с западными, расценивая ее как бесплодную иллюзию. Ведь традиционные и безусловные для западных обществ ценности, привнесенные в качественно отличный социокультурный организм, трансформируются, перерождаются, принимая искаженные, уродливые формы.

Поэтому выходом из проблемы, стоящей перед российской национальной культурой, является только ее собственное возрождение. Оно возможно на основе созданных предшествующими поколениями условий, сложившихся в наши дни в стране и в мире,

плюс способность адаптироваться к современным коммуникативным реалиям.

Ч.С. Кирвель (г. Гродно, Белоруссия) действующий ныне глобализационный проект унификации мира рассматривает как эпохальную иллюзию. Глобализация изначально обнаружила себя, пишет он, не как какой-то стихийно, сам по себе протекающий процесс, а как определенного рода «проект», исходным мотивом которого явилось стремление распространить финансово-инвестиционную деятельность на весь мир, взять его под свой контроль, управлять им из единого центра.

В угоду крайне эгоистическим финансово-экономическим и идеологическим интересам глобализационные процессы начали односторонне интерпретироваться как объективно-исторические, естественно-спонтанные и неизбежные.

Не принимая подобной позиции, автор показывает, что глобализация как всякое сложное явление представляет собой единство стихийно-спонтанного и целевого начал, объективного и субъективного факторов социальной динамики.

Альтернативой действующему варианту глобализма автор считает формирование региональных центров развития и силы. С его точки зрения, специфической чертой будущего общества станет отсутствие универсального индивидуального лидерства. Ни одна страна не сможет навязать миру свою линию развития. Новый мировой порядок будет иметь несколько точек роста и изменяться в нескольких направлениях, в том числе и взаимоисключающих. Исходя из этой логики развития у восточно-славянских народов есть только один путь, одна задача: найти свой «ответ на вызов среды», свое цивилизационное измерение, выдвинуть и воплотить в жизнь свой социальный проект. Его цель — формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе.

Против сомнительной мотивации необходимости превращения России в западный тип цивилизации выступает и В.Х. Акаев (г. Грозный, Чеченская Республика). Сторонники такого подхода, отмечает он, искусственно навязывая России иной образ жизни, чуждые ей экономические и политико-правовые ценности, ставят ее в прямую зависимость от цивилизационных схем запад-

ного развития. За годы, прошедшие с момента краха СССР — несмотря на переход России к рыночным отношениям, несмотря на либерально-демократическую идеологию и соответствующую практику, — достигнутые социально-экономические результаты страны не только не превратили ее в западную цивилизацию, но и не приблизили к ней.

При этом реанимировались социальные проблемы, которые в годы советской власти были успешно решены. Все это, по мнению автора, позволяет констатировать: слепое копирование западных ценностей не ведет к социальному прогрессу, а ввергает страну в экономический, политический и культурный хаос.

Заимствование Россией западной модели цивилизации должно иметь четкие пределы. Универсальные цивилизационные ценности должны адаптироваться к самобытным национально-историческим традициям России. Западные ценности не могут поглотить цивилизационно-культурные нормы, исторически сложившиеся в многонациональной и многоконфессиональной России. Ее успешное развитие видится автору в сохранении этого многообразия, сохранении самобытных культурных норм и национальных традиций при одновременном избирательном восприятии западных ценностей.

Многие авторы книги отстаивают мысль, которая звучит и в статье В.Х. Акаева: развитие России как многонационально-федеративного государства во многом зависит от сохранения и развития этнического и культурного многообразия народов, ее населяющих. Ибо Россия, как уникальная цивилизация, представляет собой совокупность различных культурно-исторических и цивилизационных векторов. Единство этнических общностей, существующих и конституционно закрепленных в России, — это уникальная социокультурная реальность, требующая нового импульса развития на основе существенных экономических, демократических, политических, культурных, информационно-технологических достижений. Принципиально значимо на этом пути укрепление единства российских этносов, преодоление различных форм этнофобий и их практических проявлений.

В этой связи важную проблему необходимости пересмотра устоявшихся представлений об административном делении

и устройстве РФ в связи с вызовами глобализации и альтернативной тенденцией регионализации, как ответа негативам глобализации, поднимает М.И. Билалов (г. Махачкала, Республика Дагестан). Важнейшей тенденцией современности, отмечает он, предстает становление гражданской нации, нации-государства, политической нации и тому подобных общностей взамен традиционным этносам и нациям. Вместо доминировавших ранее территориального единства и экономической целостности все более определяющими и консолидирующими в национальных процессах оказываются духовные параметры. Индикатором национальной идентичности становятся региональные ценности, отодвигающие на задний план прежние локальные основы бытия этноса — язык, традиции, обычаи, нормы поведения. Все эти факторы актуализируют задачу укрупнения административных образований в РФ. По мнению ученого, Дагестан, как и многие другие регионы страны, не способен сегодня эффективно развиваться в прежнем административном статусе.

В условиях новой экономики и регионализации политической власти большинство субъектов РФ с их нынешним избыточным уровнем суверенности «задыхаются» в ограниченном экономическом, политическом и духовном пространстве и обречены на длительный кризис.

Выход из такого положения автор видит в укрупнении региональных образований. В статье анализируются плюсы ускоренного формирования такого нового субъекта РФ в границах, сопоставимых с Северным Кавказом, или даже ЮФО. Среди них:

— мощный импульс для экономики укрупненного региона, который предстанет как оптимальная и во многом самодостаточная инфраструктура;

— повышение уровня жизни населения вследствие перераспределения людей из районов с избыточным населением и высоким удельным весом незанятого населения в районы с нехваткой трудовых ресурсов;

— позитивная окраска психологического восприятия таким образом управляемых миграционных процессов, способствующих улучшению демографической ситуации и современным глобализационным тенденциям: интернационализации полиэтнич-

ского региона, ослаблению, а то и снятию некоторых языковых, культурных и религиозных барьеров в процессе формирования на основе общечеловеческих и региональных ценностей единой гражданской нации;

— создание благоприятных условий для консолидации ряда разделенных административными границами этносов.

Предлагаемое административное укрупнение в рамках политики регионализации будет способствовать, по мнению автора, не только сохранению культурного многообразия нерусских этносов, но и значительно улучшит положение русского населения региона. У русских, живущих на территории национальных республик, исчезнут основания для комплекса удаленности и отделенности от России. Что касается конфессиональных различий, то толерантное сосуществование этно-конфессиональных общностей в рамках единого административного или государственного устройства также будет значительно предпочтительнее, нежели их размежевание по тому же религиозному принципу.

Автор называет и минусы идеи укрупнения полиэтнического региона: нежелание общественности более развитых субъектов ЮФО идти на объединение с отстающими; отказ от претензий на государственный суверенитет у малочисленных этносов.

Но М.И. Билалов считает необходимым рассмотреть все концептуальные подходы обоснования наших цивилизационных перспектив. И желательно, с его точки зрения, производить это с учетом неизбежных тенденций глобализации — движения человечества к единому глобальному гражданскому обществу, формирования информационного общества и нового рационализма, все большего приоритета духовного над материальным, регионализации как альтернативы негативным глобализационным последствиям, становления гражданских наций на новом экономическом, политическом, демократическом и духовном пространстве.

Изложенные здесь яркие и во многом нетрадиционные подходы к пониманию многообразия культур в контексте глобализации дополняются целым блоком статей, в которых исследуются проблемы взаимоотношений народов России с учетом современной ситуации в стране. Так, Л.А. Тронина (г. Ставрополь) рассматривает религиозную и национальную самоидентификацию народов Се-

верного Кавказа как факт социального взаимопонимания. В современных полиэтнических и поликонфессиональных районах страны проблема взаимоотношений этнической и национальной культур особенно остра. Этническая самоидентификация представляет собой процесс отождествления себя с этносом, проживающим на определенной территории. Культурная национальная идентификация состоит в отождествлении своего внутреннего «Я» с национальной культурой своего народа, выражающегося в принятии его ценностных ориентаций, образцов поведения, языка, традиций и т. д. Поскольку религия выступает как культурный феномен, то, соответственно, культурная самоидентификация предполагает принятие религиозных ценностей своего народа.

Предотвращение конфликтной ситуации между этими двумя идентификациями, по мнению автора, предполагает одновременную этническую и национальную самоидентификацию. В таком случае культура представителей различных национальностей, проживающих в едином этносе, будет не чужеродной по отношению друг к другу, а только иной, но заслуживающей уважения к ней, к ее ценностям, обычаям и традициям. Историческая практика показала, что люди различных этнических групп, придерживающиеся разных традиций, исповедующие разные религии, могут обрести целостность своего бытия и в полиэтнической, поликонфессиональной среде. Человек, осознавший себя в социальном плане как субъект определенного типа культуры, внутренне в духовном плане сформировавший свое «Я» как носитель определенных ценностей, достигнет целостности своего бытия через осмысление и принятие другого духовного «Я» с его иными ценностями. При глобализации систем экономического, политического, социального характера мы должны помнить, что духовная составляющая человеческого сознания не поддается законам физического мира, в котором живет человек.

Преодоление культурного кризиса, проявляющегося в этнических и религиозных конфликтах, возможно при сохранении и уважительном отношении к многообразным самобытным культурам, при трансцендировании в эти ментальности, что способствует самоидентификации, самоопределенности, оформлению своего «Я».

Острейшую проблему геноцида по отношению к коренным малочисленным народам Севера в условиях глобализации поднимает в своей статье Ю.В. Черновицкая. Глобалистика 1960-х гг. открыла экологический изъян прогресса — его безжалостность к природе. Это, как следствие, влечет за собой и безжалостность ко всем, кому приписывается приверженность к прошлому, арьергардность позиции в современности. Всем гонимым и неадаптированным навязывается образ изгоев, враждебных современной цивилизации. В эту категорию попали многие коренные малочисленные народы Севера — как в мире, так и в нашей стране. Автор считает, что нельзя доказать факт преднамеренности России в создании таких жизненных условий народам Севера, которые направлены на уничтожение данных народов как этнических групп, т. е. в данном случае нельзя говорить о геноциде. Однако следует обратить внимание на то, как действующие системные закономерности развития вместе с небрежностью правящего режима практически создают такие условия.

Подобную ситуацию надо осознать и искать пути выхода из нее. Среди них автор называет необходимость разработки специальной государственной политики по отношению к коренным малочисленным народам Севера, в основе которой — протекционизм, т. е. государственная поддержка инициатив в экономической сфере, равное партнерство в общественно-политических делах, консультации в принятии государственных решений. Необходимо проведение многовариантной национальной политики, учитывающей самобытность и специфику хозяйства, культуры, быта, социальных отношений всех народов и национальных групп. Условиями возрождения и развития национальных меньшинств является использование в практике воспитания и образования самобытных народных систем обучения народным ремеслам, промыслам и т. д.

Доминирующий философский рефрен книги проявляется в том, что все рассматриваемые проблемы предстают в философско-отрефлексированном виде, в своем теоретическом и философско-методологическом звучании. Так, Н.Н. Кожевников и В.С. Данилова (г. Якутск, Республика Саха-Якутия), рассматривая особенности бытия народов Северо-Востока России, делают

это на основе анализа культуры в контексте постнеклассической философии. Авторы приходят к выводу, что в современном глобальном мире все культуры подвержены двум основным тенденциям. С одной стороны, они должны самоидентифицироваться, т. е. четко выявить свои границы, черты, максимально определить себя. С другой стороны, они должны способствовать интеграции человечества. Таким образом, устранение границ экономических и даже государственных будет сочетаться со все большим культурным обоснованием.

Культуры должны становиться синтетическими, сочетающими в себе общемировое наследие, вклады традиционных культур, ценности информационного общества. Традиционные культуры должны включаться в этот процесс в качестве фундаментальных уникальных элементов.

Важнейшей проблемой постнеклассической философии и культурологии является взаимодействие традиционных культур с реалиями окружающего их современного мира. Формирующаяся ныне общепланетарная сетевая культура является результатом синтеза всех сфер духовного производства и соответствующих им видов деятельности. Культура Якутии вполне может вписаться в формирование этой общепланетарной культурной сети.

С позиций синтеза естественнонаучного и социогуманитарного знания Е.Н. Песоцкая (г. Саранск, Республика Мордовия) рассматривает этнический менталитет как фактор сохранения культурных традиций в условиях глобализации.

Региональная культура, утверждает автор, это та духовная и материальная среда, которая помогает сохранению национальных традиций и культур, их взаимообогащению и потребности друг в друге. В этом плане для понимания реальностей современной социокультурной среды необходимо всестороннее рассмотрение этнического менталитета как важнейшего базового и системообразующего фактора ее конструирования. В ходе обсуждения взаимосвязи культурноэтнических особенностей проявления социального поведения личности, ментальности и языка одновременно в социогуманитарном и естественном и естественнонаучном знании были обозначены два аспекта проблемы: влияние природных свойств территориального пространства на структуру

ментальности личности как представителя этноса и воздействие слова на менталитет через сознательно-языковые структуры.

Анализируя эти аспекты, автор приходит к выводу, что этнопсихологические особенности народа всегда обуславливают основополагающие характеристики его менталитета. Периферию структуры этнического менталитета создают временные, заново образованные и внесенные из других культур ценности. Они располагаются в поверхностном слое человеческого сознания, подвержены изменениям и трансформациям. Однако при этом характерно, что при обновлении ценностно-регулятивной основы культуры первоочередное значение получает «конвергенция ценностей», под которой понимается сближение ценностных установок представителей разных этносов. Этот процесс может служить основой выработки такого стиля мышления, при котором отрицательные стороны как глобализации, так и крайнего национализма станут невозможны.

Перечисленное многообразие тем и подходов к проблеме, которой посвящена книга, свидетельствует о ее сложности, нелинейности, многозначности. Однако есть еще одно направление, без которого проводимое исследование нельзя было бы считать состоявшимся. Я имею в виду исторический взгляд на поставленную проблему. Этому аспекту в книге посвящен целый блок статей. С.Н. Пушкин (г. Нижний Новгород) обращается к критике европоцентристских идей, которая была широко представлена в работах отечественных мыслителей славянофильско-евразийского направления. Для наших славянофилов, Н. Данилевского, К. Леонтьева, евразийцев проблема сохранения российской национальной культуры была первостепенной. Эти мыслители постоянно утверждали, что любые попытки приблизить Россию к европейской цивилизации не должны вести к утрате ее собственных национальных начал и духовных ценностей. В эпоху глобализации, считает С.Н. Пушкин, весьма своевременна их мысль, что всякие обращенные к русскому народу увещевания о необходимости отказываться от национальных культурных основ ради слияния с европейской цивилизацией не только глубоко ошибочны, но и чрезвычайно опасны для России. Изучая их творческое наследие, считает автор, мы получаем возможность знакомиться с ори-

гинальными идеями, способными достаточно эффективно нейтрализовать многие негативные, а порой и разрушительные явления, порождаемые современной глобализацией.

Несмотря на известную утопичность некоторых своих взглядов, славянофилы, Данилевский, Леонтьев и евразийцы выдвинули идеи, ценность которых в настоящее время не только сохраняется, но и умножается. Они одни из первых отечественных мыслителей, кто, предупреждая об опасности космополитизма в истории и культуре, большое внимание уделяли постановке и рассмотрению культурно-национальных проблем. Эти мыслители предостерегали от угрозы денационализации культуры, навязывания Западом всему миру собственного цивилизационного пути, собственных культурных ценностей, выдаваемых за общечеловеческие. Они искренне стремились к тому, чтобы Россия отказалась от поверхностного культурного подражательства.

Специфику формирования концепции отечественного просвещения рассматривает в своей статье Т.А. Сметанина (г. Нижний Новгород). Она подчеркивает, что сложный процесс взаимодействия противоборствующих тенденций — глобализации мировых цивилизационных процессов и сохранения этнокультурной идентичности — определяет своеобразие современной культуры в целом. Развивающиеся на этом фоне стремительные и противоречивые процессы трансформации всех сторон жизни российского общества также имеют своим следствием, с одной стороны, европеизацию (американизацию), с другой — заметную архаизацию массового сознания. Апелляция к авторитету отечественных религиозных мыслителей прошлого требует вдумчивого переосмысления их наследия. Ведь именно они впервые выводят проблемы европоцентризма и культурной самобытности на уровень философской рефлексии.

Европейское просвещение заложило основополагающие принципы европейской культуры, во многом определившие и ее современный облик. Это концепция неотъемлемых прав человека, договорные нормы взаимоотношений человека и общества, идеи общественного блага, прогресса и связанный с ними культ разума, науки, образования. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и их единомышленники впервые отказываются от узкой трактов-

ки самого термина «просвещение» как реализации европейской культурной и образовательной модели. Просвещение, с их точки зрения, предполагает не только приобретение знаний, но и формирование системы ценностей, образа мыслей и, как следствие, образа жизни.

История человечества демонстрирует, с точки зрения И.В. Киреевского, две образованности. Одна из них есть «внутреннее устроение духа силою извещающейся в нем истины». Другая — «формальное развитие разума и внешних познаний». Первый путь избрала Россия, второй — Западная Европа.

Важно, отмечает автор, что славянофилы не призывали вернуть древнерусскую образованность в чистом виде. Они призывали возродить дух отечественного просвещения, творчески соединив прославленную традицию с европейской образованностью, освободив последнюю от одностороннего рационализма и прагматизма. Эти мыслители пытаются смягчить средневековый дух православной аскезы и самоотречения, соединить гуманистические идеалы с религиозными основами культуры. Их цель — гармоничный человек, сохранивший веру. А.С. Хомяков настаивает на том, что главной целью образования является развитие личности. Поэтому в процессе обучения не запоминание, а понимание должно быть на первом месте. В этой связи необходимо глубокое изучение отечественной истории, культуры, языка.

Осмысливая традиции европейской и русской образованности, славянофилы приходят к выводу о том, что эти традиции формируют различные личностные типы, и православный, по мнению славянофилов, ближе к христианскому идеалу.

О судьбах российской интеллигенции в историческом развитии национального самосознания размышляет и Л.В. Фесенкова. Она также констатирует тот факт, что западноевропейской модели цивилизации в российской социально-политической мысли прошлого противостояла евразийская картина мира. В ее основании лежала совершенно иная система онтологических представлений, иные принципы и идеалы, иное понимание человека и его ценностей. Евразийство отвергало главную установку модели глобализации — привилегированное положение культуры Запада как самой прогрессивной цивилизации и эталона для всех остальных

культур мира. Оно утверждало, что каждая культура имеет свои ценности, свои традиции, свою специфику.

Автор раскрывает трагические метания сознания русской интеллигенции — от реформ Петра I, преобразований Екатерины II, до революционных идей 60-х гг. XIX в., которые, преломляясь в русском национальном сознании, побуждали работать на благо народа, а затем — против этого же несчастного народа, развращенного ею. Своей пропагандой она взорвала все устои традиционного общества, сорвала все социальные узы, лишила народ его моральных норм, бытовых привычек, религиозных традиций, и, уничтожив социальную дисциплину, горько сокрушалась при виде кровавой волны безумия и ужаса, охватившей страну.

В глазах интеллигенции народ из мученика и святого превратился в раба и хама. Реформы большевиков проводились не в интересах народа, а в соответствии с планами построения коммунизма во всем мире. Русский народ был лишь материалом для проведения этого безжалостного эксперимента. Все эти беспределы породили реакцию презрения ко всему русскому, к собственной родине, убеждение в превосходстве западных ценностей. Поэтому можно утверждать, что наша перестройка, пишет автор, это прежде всего легитимизация давно сложившихся западных симпатий интеллигенции. Из всего этого следует, что сегодня в России широко открыта дорога для глобализации в ее западном понимании.

Задавая вопрос «что же будет с нашим национальным сознанием в этой ситуации?», автор называет два пути:

1. Глобализация и потеря национальной идентичности в потребительском обществе, размывание своей национальной специфики в коммерческих, прагматических идеалах Запада.
2. Переработка западных приоритетов нашим национальным самосознанием, создание новых форм культуры.

Автор надеется, что русская нация выполнит стоящую перед ней задачу трансформации нашей национальной духовностью западных идеалов в нечто иное — высокое, в корне отличное от идеала мещанского комфорта, который сегодня нам обещает европейский путь развития.

В этом обзоре названы далеко не все статьи и сюжетные ходы, представленные в книге. Внимание было сосредоточено только на

основных. Среди них — осмысление необходимости сохранения самобытности культуры России в процессе включения страны в глобализационные процессы мира и американско-европейская парадигма глобализации; философский анализ национальных и этнических проблем народов России; анализ их культурного многообразия и цивилизационного единства; исторический аспект проблемы в контексте русской философской мысли.

Завершая этот обзор, надо упомянуть еще о двух темах, весьма важных для общего содержания книги, написанной с коэволюционных позиций: «соотношение массовой и элитарной культур в процессе глобализации» и «политический и культурологический аспекты этнонациональных отношений».

Первую тему рассматривает А.Н. Чумаков. Он отмечает, что культура, наряду с экономикой, оказалась, пожалуй, одной из самых важных сфер общественной жизни, в которой процессы глобализации проявились не только в первую очередь, но и самым непосредственным образом. Они затронули не только сферу материального производства и потребления, но и мировоззрение людей, в котором произошли кардинальные перемены во взглядах на религию, устройство мира и место в нем человека.

В этой связи практически во всех — как национально-этнических культурах, так и в мировой культуре в целом — произошло разделение культуры на элитарную (высокую) и массовую. Причем элитарная культура рассматривалась как имеющая высокую степень художественности, компетентности и т. д., однако ограниченная для понимания широкой публикой. Массовая же культура, выступая в общественном сознании синонимом таких понятий, как общедоступная, популярная, незамысловатая, усредненная, повсеместно распространенная и т. д., воспринималась как культура «второго сорта».

Автор, анализируя эти подходы, показывает, что глобализация, а также сопутствующие ей высокие технологии позволяют сблизить «массовую» и «высокую» культуры, до известной степени стирая различия между ними. Сейчас с помощью телевидения и Интернета можно слушать в «живом» исполнении музыкальные шедевры, находясь в любой точке земного шара и даже в космосе. Таким образом, массовую культуру не следует воспринимать как непременною

утрату духовности. В нынешних условиях в ней наиболее ярко проявляется специфика глобализирующегося мира, его унификация. Массовая культура является естественным и вполне закономерным спутником глобализации. Такая культура рассчитана на широкое и постоянно возобновляемое воспроизведение. В таком симбиозе элитарного и массового аспектов культуры, когда элитарная культура стремится поднять до своего уровня широкое общественное сознание, можно видеть путь к преодолению противостояния массовой и элитарной культуры.

Вторую из названных тем развивает Н.З. Ярошук. В многонациональном государстве, каковым является Россия, отмечает он, закономерно возникает проблема этнонациональных отношений. В статье обсуждаются основные понятия, употребляемые при характеристике этнонациональных отношений: нация, национальность, национальная принадлежность личности, гражданская нация, политическая нация, этнос и т. д. Автор называет и анализирует основные государственно-правовые и конституционные положения, касающиеся национальной политики. В работе констатируется, что отсутствие в нашей стране эффективной, научно обоснованной национальной политики и низкий уровень культуры межнационального общения могут вести к социальным потрясениям, ставящим под вопрос стабильность и целостность Российского государства. Национальные особенности социального бытия должны быть не источником напряженности и конфронтации, а вносить яркие, самобытные, жизнестойкие краски в картину глобализирующегося мира.

Резюмируя, можно отметить, что в книге с позиций методологического принципа коэволюции во многом по-новому рассмотрены разнообразные аспекты проблемы сохранения многообразия культурных традиций России в условиях глобализации. Проведены изучение и научно-философский анализ вызовов и противоречий, возникающих при том или ином решении проблемы. Проанализированы исторические основания рассмотрения данной проблемы в русской философской мысли. Осуществлено философское осмысление конкретного опыта решения проблем сохранения многообразия культурных традиций в разных регионах России.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (И.Л. Андреев):

Уважаемый Игорь Константинович, я бы хотел услышать Ваше мнение о соотношении понятий «эволюция» и «развитие» и, соответственно, «коэволюция» и «коразвитие».

И второй вопрос. Вы очень интересно говорили об эффекте сложности. Но ведь в жизни и в любых процессах на каких-то этапах «выскакивает» такой фактор развития, как простота, упрощение чего-то и т. д.

Вы предпочитаете говорить о приспособляемости и разнообразии в процессах эволюции и развития. Я немного иначе эту связь вижу. Сама приспособляемость, имеет две формы: эффект разнообразия и эффект масштаба. Хочу услышать Ваше мнение.

Ответ:

Эволюция — это развитие неопределенное, потому что сам Дарвин так и не определил, что такое эволюция видов, здесь идут огромные дискуссии. В 2009 г. мы собирались в Питере, обсуждали это в связи с 200-летием Ч. Дарвина. Эволюция — это такое общее представление о развивающемся мире объектов, причем безотносительно к субстрату. Эволюция может быть экономическая, политическая, идеологическая и другая. Но эволюция не учитывает момент, так сказать, синхронистический, организационный, т. е. эволюция — это всегда «от чего-то к чему-то», это векторное развитие. А учет того, что эволюционирующий объект всегда связан организационными, экологическими связями со своими соседями, выпадает. Восполнение этого недостатка произошло в процессе расширения экологии как науки, с которым мы столкнулись во второй половине XX в., когда экология из маргинальной биологической науки о взаимодействии организмов и среды их обитания стала расширяться до социальной экологии, экологии человека, экологии духа, экологии культуры и т. д. Это негативно воспринималось био-экологами. Они говорили: «Это все философы, они в свое время испоганили кибернетику, они испоганили генетику, теперь они хотят испоганить нашу замечательную экологическую

науку, экологию как биологическую науку. Не дадим!». Философы возражали. Гирусов там воевал, говорил: «Как же, социальная экология — это так важно!». Но никто почему-то из философов не удосужился сказать то, о чем мы сегодня с вами говорим, что это не создание новых наук, а создание нового методологического конструкта, организационного взгляда на мир. Мы говорим, что глобальная экология — это именно взгляд на мир с точки зрения взаимодействия объекта безотносительно к его субстрату и среды его обитания. Так вот, коэволюция — это когда есть взаимодействие развивающихся объектов и сред их обитания. Это, казалось бы, настолько очевидно... Однако никем не принимается безусловно.

Вопрос (В.Н. Шевченко):

Игорь Константинович, в Вашем объемном и многоплановом докладе было упомянуто много имен выдающихся ученых. А как сегодня отечественная наука относится к Л.Н. Гумилеву, его книге «Этногенез и биосфера Земли»? Ведь у него центральная проблема именно та, о которой не один раз говорил научный руководитель нашего семинара, — проблема соотношения социального и биологического. Занимает ли Л.Н. Гумилев какое-то свое место в истории экологической или этнологической мысли? Мы знаем, что ему не утвердили докторскую диссертацию по географическим наукам, основу которой составляла вышеназванная книга.

Недавно научная общественность отметила столетие со дня рождения Льва Николаевича Гумилева. Вы, как специалист, скажите: действительно ли он относится к тем авторам, которые пишут то, что называется *folk history*, что он, в частности, стоит вне этнологической науки? Ведь когда-то, в 90-е гг. прошлого столетия, журнал «Скепсис» писал, что все работы Л.Н. Гумилева, относятся к лженауке. Это действительно так?

Ответ:

Я думаю, что мне в этом вопросе поможет Аскар Акаевич Акаев, потому что он был участником этих самых гумилевских чтений, которые проходили в Санкт-Петербурге. Я скажу буквально два слова. Отношение к Гумилеву очень сложное — фифти-фифти,

pro et contra. Есть люди, которые говорят, что это на самом деле выдающийся прорыв современности; есть люди, которые говорят, что это вообще фашист и публиковать его не надо... Такой разброс мнений. Что касается моей точки зрения, то я с большим интересом отношусь к его идеям о пассионарности и следующим из этой идеи выводам, и считаю, что они не до конца еще осмыслены, предстоит продолжать эту работу. Во всяком случае, я активно сотрудничаю и приветствую подвижническую деятельность музея-квартиры Гумилева в Питере и работающих там энтузиастов. Хотя очень непростая судьба у этого человека. По итогам этих чтений к столетию Гумилева в Питере выходит большая книга «Гумилев: pro et contra», которая многое прояснит.

Вопрос (Т.А. Чикаева):

Вопросы у меня достаточно простые, возможно, дилетантские. Мне представляется очень интересной идея П.А. Кропоткина о борьбе за существование видов как кооперации. Рассуждая логически, мы приходим к следующему заключению: если согласиться с тем, что виды борются за существование совместно, то тогда с кем они борются, если природа почти всегда, в восточной философии — особенно, рассматривается так же, как союзник всех видов, союзник человека, общества? А есть ли это враг, против которого надо бороться за существование, не создается ли этот враг сознанием самого человека? Это первый вопрос.

Второй вопрос тоже достаточно простой. Продолжим логические рассуждения. Следует признать, что, к сожалению, у нас — я имею в виду в целом, в массовом сознании — на практике преобладают идеи Гексли, рассматривающего борьбу за существование именно как противостояние одних видов другим. Не является ли логическим следствием из этого та международная политика, которая явно ведет на уровне государств к подавлению одних другими, к доминированию одного государства? В самых радикальных умпостроениях можно сделать вывод о том, что борьба может привести в природе к абсолютному доминированию одного вида, в обществе — к существованию «золотого миллиарда» и его обслуги, а следовательно, к уничтожению мира как культуры в целом. Так ли это?

Ответ:

Я целиком согласен с обоими Вашими вопросами и теми ответами, которые Вы дали. Именно так. Из-за нехватки времени я не успел сказать о том, о чем нас все время просит Степан Степанович Сулакшин: всегда давать практические рекомендации. Так вот, для того чтобы показать, что наш коэволюционный подход — это не просто высокотeorетические рассуждения, мы провели практическое исследование — «Россия: многообразие культур и глобализация», где попытались посмотреть, как в условиях современной глобализации, которая все усредняет, все хочет загнать в одни рамки, как решать вопрос о многообразии, в частности, в самой России, с одной стороны, и с другой стороны — как строить отношения России с остальным миром. И вот коэволюционный подход, о котором мы сейчас говорили, дал возможность предложить некоторые новые организационные идеи, связанные с деятельностью субъектов Российской Федерации, обсудить новые подходы. Для этого исследования мы привлекли не только московских ученых-теоретиков, но и все Российское философское общество. И вот эта книга, в которой представлена, по сути дела, вся Россия — от Грозного до Прибалтики, и все наши соседи — Украина, Белоруссия и т. д. — вышла. Книга получилась интересная, не только философская, но и с конкретными рекомендациями для государственного управления.

Вопрос (Н.В. Асонов):

Прежде всего хочу поблагодарить Игоря Константиновича за очень интересный доклад. Когда я его слушал, то подумал о том, как повезло студентам, имеющим возможность посещать Ваши лекции. Помимо широкой эрудиции Вы несете столько душевности и авторского обаяния, что слушать Вас одно удовольствие.

Несколько лет назад мне удалось прочитать труды Чарльза Дарвина. В этой связи у меня, как дилетанта, возник вопрос к Вам, как к специалисту.

Говоря о Кропоткине, сумевшем по-своему понять и принять эволюционное учение Чарльза Дарвина, Вы в доказательство этого положения привели пример о том, как надо переходить реку. Когда все кладут руки за плечи друг друга, тогда стремительный поток могут преодолеть все — и сильные, и слабые. Но, как мне помнится,

у Дарвина главный принцип его учения сводится к тому, что выживать должны сильнейшие. Это составляет суть естественного отбора. То есть выжить, перейдя на другой берег, должны сильнейшие, а слабейшие должны погибнуть. В противном случае слабейшие, т. е. худшие, будут портить биологический вид, что приведет его к полной деградации и последующей гибели. Так прав ли был Кропоткин, борясь за то, чтобы все переходили реку, согласно Вашему примеру? Может быть, лучше переходить сильнейшим, умнейшим и честнейшим? А тем, у кого не хватает ума, честности и силы, может быть, есть смысл остаться на том берегу горной реки? Пусть их, как Вы говорите, моджахеды и порубят? Мне показалось, что в данном примере, который Вы привели, дарвинизма нет, а есть некое социал-утопическое понимание кропоткинства. Или я что-то не так понял в Вашем выступлении. Пожалуйста, ответьте.

Ответ:

Тут несколько пластов, и поэтому надо ответить, наверное, на каждый из них. Во-первых, если бы Дарвин посмотрел, как его интерпретировали дарвинисты, то он бы сказал: «Я не дарвинист» — в этом я глубоко убежден. Потому что, читая самого Дарвина, видишь значительно более осторожные вещи, чем то, как его интерпретируют. Дарвин писал: «Я должен предупредить, что применяю этот термин (борьба за существование) в широком и метафорическом смысле, включая сюда зависимость одного существа от другого, а также включая (что еще важнее) не только жизнь одной особи, но и успех ее в оставлении после себя потомства». Вот о чем он говорил. То есть нет никакой борьбы каждого против всех, что потом ему приписывали.

Выживание сильнейших. Просто из-за отсутствия времени я не успел сегодня вам рассказать о новейших эволюционных концепциях, которые как бы противоречат таким образом понятому Дарвину. Сейчас созданы две новые эволюционные концепции — ЭТЭ и еще одна ЭТЭ; только одна называется «эпигенетическая теория эволюции», другая — «экосистемная теория эволюции». Создатель эпигенетической теории эволюции — М.А. Шишкин (Палеонтологический институт РАН), экосистемной теории эволюции — В.А. Красилов. Оба живы, оба трудятся в отечественной

науке. В.И. Назаров недавно издал книгу — «Эволюция не по Дарвину». Этот автор, историк биологии, собрал все недарвиновские теории эволюции в одной книжке и рассказал о них профессионально. В книге он рассказывает и об экосистемной теории эволюции В.А. Красилова. Красилов говорит, что экосистемы, которые существуют в постоянных условиях, с круглогодичным наличием пищи, почти не изменяются на протяжении миллионов лет, они живут и живут, на что наш выдающийся ученый Г.А. Заварзин, специалист по бактериям, сказал: «Ну что вы говорите, что эволюция всеобща? Вот я изучаю сине-зеленые водоросли, я вам голову дам на отсечение, они такие же, какими были два или три миллиарда лет назад. Никакой эволюции нет». И это вызвало обвинения его в том, что он антиэволюционист. Но вот Красилов эти обвинения с позиций соединения принципов организации и развития снимает. Он показывает, что есть два типа эволюции: эволюция когерентная, которая происходит в экосистемах с постоянными условиями, очень медленная, сильно заторможенная, когда многие годы ничего не изменяется; и существует другой тип эволюции — некогерентный. Эволюция такого рода протекает неустойчиво, в нарушенных экосистемах, которые находятся в состоянии кризиса. Современную экосистемную теорию эволюции интересует именно эта некогерентная эволюция. Странники этой модели показывают, что самые важные эволюционные события — появление первичной клетки, многоклеточности, полового размножения, планов строения, теплокровности, интеллекта — совершались в периоды кризисов в фазе некогерентной эволюции. И что получается? Получаются совершенно противоположные вещи, связанные с Дарвином. Получается, что в условиях некогерентной эволюции выживают наиболее неприспособленные, а более приспособленные, наоборот, умирают первыми. Наиболее приспособленные виды гораздо тоньше реагируют на изменения среды, и они погибают в процессе возникновения этих изменений. А вот неприспособленные виды, которые более-менее свободны, неадаптированы — начинают доминировать и занимают эти освободившиеся экологические ниши. Вот вам, пожалуйста, и для политики разговор.

Н.В. Асонов:

Тогда цивилизация должна деградировать.

И.К. Лисеев:

Да, у меня аспирантка даже написала работу на эту тему — «Проблема инволюции человечества».

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Во-первых, доклад мне очень близок потому, что у нас с женой была большая статья по поводу Дарвина и всех вопросов, которые Вами затронуты. Вы сказали, что я собирался Вас критиковать. Не буду критиковать. Но вопрос задам.

Как Вы расцениваете вклад российских продолжателей Дарвина — Кропоткина, Докучаева, Прянишникова и других? В частности, сформулированные ими принципы «согласия» и представление об экологической нише.

Ответ:

Да, по всем этим направлениям, Дмитрий Сергеевич, есть очень обширная литература, которую мы исследовали. И вообще, уважаемые коллеги, хочу заметить, что у нас полтора человека трудятся в Центре, а мы издаем каждый год две книги только благодаря тому, что работаем со всеми нашими партнерами, коллегами. Поэтому я очень надеюсь, Степан Степанович, что все, сидящие за этим столом, тоже будут подключаться к этим проблемам.

Итак, Докучаев, принцип согласия. Совершенно блестящий мыслитель, блестящая работа и блестящий у него продолжатель — современный. Знаете ли вы его или нет — этого замечательного, рано ушедшего из жизни человека: Сергей Викторович Мейен. Он написал книгу, его работа называется «Принцип со-чувствия». Вот эти идеи Докучаева он развивал и говорил, что вообще в науке может что-то развиваться и эволюционировать только при условии установки на принцип со-чувствия. Что такое со-чувствие? Понимание твоего оппонента. То есть ты должен понять оппонента, должен его выслушать, понять его точку зрения и сказать: «Да, но, с твоей точки, зрения можно еще и такой аргумент привести в твою

пользу». Оппонент говорит: «Да, спасибо, я не додумался». «А еще вот такой можно аргумент...». «Слушай, так ты на моей точке зрения стоишь?» «Нет, я на твоей точке зрения не стою. Я хочу довести до совершенства твою концепцию, а потом ее разгромить». Вот такой подход и называется «принцип со-чувствия».

У Докучаева не просто принцип согласия, он согласен далеко не со всем. Толерантность — опасная штука в политическом плане, она может привести к размытию вообще всего.

Второй вопрос — Прянишников, экологическая ниша. Наш замечательный ученый Георгий Александрович Заварзин выступает против рыночных отношений — и в природе, и в обществе; его статья так и называется — «Антирынок в природе», где он показывает, что природа категорически против концепции рыночных отношений, что в природе нет конкуренции, а в природе есть занятие освободившихся ниш.

В.Н. Шевченко:

А как их освобождают?

И.К. Лисеев:

Ниша освобождается в силу того, что некогерентная эволюция приводит к вымиранию этих самых утонченных, наиболее приспособленных особей.

И третий вопрос — ароморфозы. Ароморфозы — блестящая идея Северцова Алексея Николаевича о том, что, в общем-то, качки и среда каким-то образом определяются целым рядом общих моментов. Я об этом уже немного говорил: вы слышали, что с точки зрения теории экосистемной эволюции ароморфозы происходят только в моменты кризисов, когда нарушается устойчивое состояние. Когда тишь да гладь, Божья благодать — никаких ароморфозов нет. Все изменения — теплокровность, интеллект, речь и т. д. — все это не столько результат мутации, как это следовало из синтетической теории эволюции. То есть как гласит синтетическая теория? Вот появляется мутация, и если она приводит к рабочему приспособлению, то значит этот организм с мутацией получает преимущество. То есть эволюция идет снизу вверх, от элементарных частиц, от элементарных молекулярных механизмов к видам, ценозам и т. д.

Экосистемная теория эволюции говорит наоборот: вначале — биосфера, в ней что-то меняется, она дает команды нижележащим видам — в них что-то меняется, т. е. осуществляется совершенно другой путь эволюции — сверху вниз. И Владимир Иванович Вернадский, за что его сильно критиковали в советское время, писал: «Жизнь не могла возникнуть в виде только одного организма, жизнь могла возникнуть только в виде биогеоценоза». Без биоценоза возникновение жизни невозможно. Теперь экосистемная теория эволюции пытается это как-то подтвердить.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

В докладе прозвучал следующий тезис. Эволюционистская теория, ей противостоит креационистская теория, которая не представляет научного интереса. Хотел бы задать вопрос.

Пару лет назад вышла книга «Нобелевские лауреаты о Боге», где лейтмотивом многих высказываний является такой: «без допущения существования высшей силы эволюция необъяснима». Почему все-таки креационистское направление не представляет научного интереса? Не следует ли из синтетической теории эволюции: если сделали шаг в направлении соединения генетического подхода и Дарвина, сделайте следующий шаг — пойдите на соединение религиозного и научного подходов.

Ответ:

Этот вопрос все время возникает, этой проблемой занимаются наши польские коллеги. Мы недавно написали совместную с поляками книгу — «Philosophy of nature today» («Философия природы сегодня»). Издана она на английском, польском и русском языках. Там польские коллеги рассматривают все разновидности креационизма. Креационизм имеет огромное количество разновидностей. Вы говорите о научном креационизме — он наиболее близок к науке. А есть в книге и другие, совершенно ненаучные представления.

В.Э. Багдасарян:

Как и эволюционная теория...

И.К. Лисеев:

Да. Так вот, для нашего дискурса, в котором я рассматриваю эволюционизм, эта проблематика не представляет интереса, поскольку любой креационизм отрицает эволюцию. Это не значит, что данная проблема не должна рассматриваться, анализироваться и критиковаться. Я говорю о том, что мы работаем в ином направлении.

Вопрос (С.И. Реснянский):

Действительно, проблема интерпретации — вечная проблема, и до сих пор, конечно, неразрешимая. Когда умирает мыслитель, генератор каких-то идей, то, естественно, адепты его учения говорят по-разному. Например, мы знаем Будду, который сказал одно, а в интерпретации его учения Хинаяне и Махаяне — разные толкования. Мы знаем, что сказал Христос в Евангелии, а тем не менее, в христианстве существуют разные направления и т. д. Интерпретация — в том числе и Ваша интерпретация — это, конечно, Ваша субъективная точка зрения. В этой связи у меня два вопроса.

Я с удовольствием слушал Ваш доклад. Я не специалист в этой области, но много лет занимаюсь культурологией. Первый вопрос — об упомянутом Вами теоретике анархизма Кропоткине: как сопрягается (и сопрягается ли) эволюционная теория, которую Кропоткин, интерпретируя ее, применил к истории русской земледельческой общины?

Второй вопрос — о коэволюции. Вы применяете это к русской философии. Каким образом это возможно? Объясните, пожалуйста, подробнее? Коэволюция применительно к такому сложному и многоплановому феномену, как русская философия.

И.К. Лисеев:

Я не совсем понял второй вопрос...

С.И. Реснянский:

Возможно ли говорить об идее коэволюции применительно к русской философии? Вы говорите о Леонтьеве, Данилевском, Богданове и т. д. Как это все совмещается?

И.К. Лисеев:

Сергей Иванович, если Вы читали текст, я там довольно много говорю об отношении Кропоткина к общине. Он утверждает, что община сложилась гораздо раньше крепостного права, представляет собой естественное перерождение родовой организации. Деревенская община являлась союзом семей, считавших себя происходящими из общего корня и владеющих сообща землей. Частная собственность на землю и личное владение землей были также несовместимы с основными понятиями и представлениями деревенской общины, как ранее они были несовместимы с понятиями родового быта. Потребовалось продолжительное влияние римского права и христианской церкви, чтобы адаптировать варваров к частной земельной собственности. Деревенская община, пришедшая на смену родовому строю, была основана на понятии об общей территории. Эта форма организации позволила варварам выжить, не разбившись на отдельные семьи, которые неизбежно погибли бы в борьбе за существование. Феодализм, с точки зрения Кропоткина, не повлек за собой разложение деревенской общины. То есть он очень позитивно рассматривает эти вещи.

С.И. Реснянский:

Я имею в виду русскую общину, а не вообще общину в Европе. Это разные вещи. Генеалогия, мне кажется, разная.

И.К. Лисеев:

В этой работе Кропоткин пишет и о русской общине. Кстати, под нашим сильным давлением ее все-таки переиздали, потому что переиздавали все его анархические работы и революционные, а вот «Взаимная помощь как источник эволюции» не переиздавалась. Сейчас, слава Богу, мы переиздали.

И.С. Реснянский:

Кропоткин говорит там применительно к идее эволюции?

И.К. Лисеев:

Да. Он пишет о том, что в России кооперация — как в сельском хозяйстве, так и в промышленности — выросла эволюционно, естественным образом, оказалась унаследованной от былых времен

и национальных традиций. Ибо общительность, взаимоподдержка, взаимопомощь, проходя через века, выступали как характерные доминирующие черты русского национального менталитета.

Вопрос же относительно коэволюции в русской философии, я считаю, некорректно поставлен. Коэволюционный познавательный регулятив предполагает ориентацию на соединение принципов организации и эволюции для любых субстратов. Поэтому под этим углом зрения можно рассмотреть и русскую философскую мысль, и можно, вероятно, получить новые интересные результаты. Только вот кто это делает?

Вопрос (Д.А. Лебедев):

Игорь Константинович, у меня такой вопрос. Не могли бы Вы предельно кратко рассказать о главных законах биологической эволюции, которые были очень важны для социальной эволюции?

Ответ:

Я в докладе попытался не рассказывать то, о чем уже написаны сотни книг, а попытался предложить критику устоявшихся представлений. Например, я критикую идею глобального эволюционизма в том ее виде, в котором она есть — понимаете? Я говорю, что если смотреть коэволюционно, то оказывается, что глобальный эволюционизм — это не объективный процесс, а только взгляд на мир с точки зрения глобального эволюционизма. Когда я спорил об этом с нашим бывшим министром охраны окружающей среды Виктором Ивановичем Даниловым-Данильяном (мы ему подарили нашу книгу «Философия природы: коэволюционная стратегия»), он возражал: «Нет коэволюции природы и общества». Почему? Потому что эволюция природы определяется одними механизмами, эволюция общества определяется другими механизмами. Более того, временные отрезки совершенно разные: эволюция природы насчитывает тысячи лет, а в обществе мы уже жили при социализме, почти при коммунизме, сейчас живем при капитализме, а где завтра будем жить — неизвестно. Но я не говорю о коэволюции природы и общества, я говорю о коэволюционной познавательной модели, о взгляде на развитие с точки зрения идеи коэволюции. То есть я утверждаю, что идея эволюции недостаточна без идеи организации. Необходим их синтез.

Выступления

Изучать и активно использовать творческое наследие великого историка Льва Гумилева

А.А. Акаев, доктор технических наук, иностранный член РАН

Уважаемые коллеги, прежде всего я хотел бы выразить сердечную благодарность Игорю Константиновичу за интересный доклад.

Я не собирался выступать, но теперь хочу сказать несколько слов о Льве Николаевиче Гумилеве. Отмечу прежде всего, что я отношусь к числу тех людей, которые находятся со стороны про, активной про. Я имел счастье, обучаясь в аспирантуре в Ленинграде, слушать его лекции, лично видеть Льва Николаевича. Считаю, что это был необыкновенный человек, отмеченный Божьей печатью. У него необыкновенная судьба.

Я интересовался историей древних кочевых народов, а Гумилев, как известно, был великий кочевниковед; поэтому я с огромным удовольствием читал его книги о гуннах, о древних тюрках и других кочевых народах. Я его поклонник, не скрою, и я убежден, что это был профессиональный научный работник. Есть «ученые» и есть профессиональные научные работники. Так вот, Лев Николаевич Гумилев — это профессиональный научный работник. Я читал его докторскую диссертацию (сейчас не ручаюсь за точное название, поскольку это было давно, в 1970-е гг., кажется, на тему «Государственно-политическое устройство древнетюркского каганата»...). Считаю, что это классический научный труд. Скажу больше: в Турции я интересовался в нескольких университетах, как они относятся к Гумилеву? Гумилева в Турции просто боготворят, они считают, что его книга «Древние тюрки», его диссертация — все, что он написал о тюркском каганате и об истории древних тюрков, это классика для них; они считают, что лучшего пока никто не написал — таково мнение профессоров турецких университетов. Поэтому во всем тюркском мире к Гумилеву относятся с великим обожанием и симпатией. И я рад и горд тем, что я тоже приложил руку, подписывая записку в адрес руководства

Российской Федерации с просьбой достойно отметить столетие со дня рождения этого великого историка и — я подчеркиваю — великого патриота России! Я имел возможность в этом убедиться, побывав на многих его лекциях, и позже, благодаря совместной работе в Верховном Совете с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, когда мы встречались втроем.

Вы знаете, только благодаря Д.С. Лихачеву была издана главная книга Гумилева «Этногенез и биосфера Земли». Дмитрий Сергеевич показывал мне письмо, написанное им в ЦК КПСС, в котором он дал оценку этой книге Гумилева как выдающемуся научному труду. Больше того, я в свое время был под большим впечатлением от идеи пассионарного толчка, пассионарного подъема. К этой идее Гумилев пришел в 1939 г., в очень трудную для него пору, когда он находился в лагере «Кресты». Впоследствии он развивал эту идею в течение более чем двадцати лет. Огромное влияние оказали идеи Вернадского. Когда Гумилев прочитал главную книгу Вернадского, он пришел к выводу, что пассионарная энергия — это энергия, которая рождается в результате биохимической реакции. Потом он встретился в «Карлаге» с Чижевским, отцом-основателем гелиобиологии, и от него он принял идею о том, что возникновение пассионарной энергии обязано космическому излучению; более того, он показывал шрамы, оставшиеся в различных точках планеты. Вот это, конечно, уже было фантазией. Я попытался обосновать идею пассионарности как физик, на основе теории неравновесия, предложенной Нобелевским лауреатом Пригожиным. И сделал я это давно — где-то в 1980-е гг., работа даже была опубликована. Профессор Игорь Федорович Кефели, которому я дал как-то почитать свою работу, заинтересовался ей и опубликовал в том же году в журнале «Геополитика и безопасность».

Подробно не буду рассказывать, если у вас будет желание — почитайте. Я постарался, как говорится, заземлить, т. е. показать, что пассионарная энергия рождается на Земле, и очеловечить, т. е. показать, что она рождается в лидере, а потом уже лидер передает ее народным массам.

Что я хочу отметить в связи с сегодняшним докладом: подход Гумилева был оригинальным, о чем здесь уже говорилось, — это биосоциальный подход. Во времена Чингисхана, Александра Ве-

ликого биологическая компонента играла доминирующую роль, позже все большую роль начала играть социальная компонента. Это был очень оригинальный подход, и он великолепно его проработал. Я считаю, что эта его идея будет приобретать все большее значение, и вот в связи с чем. Сейчас идет NBIC-революция, когда нано-, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки бурно развиваются, происходит их конвергенция, что позволяет теперь осуществлять накачку пассионарной энергией. Запуская нано-, биороботов в организм человека, вы можете теперь накачивать его пассионарной энергией так же просто, как накачивают энергией лазерное устройство. И вот тут для общественных наук встает колоссальная проблема: куда направить эту энергию? На созидательную или разрушительную деятельность? Так что идеи Гумилева будут приобретать все большее значение.

И последнее. Я как-то обсуждал труды Гумилева с одним именитым историком. И знаете, должен признать, что его критика просто примитивна. Историк вопрошает: «Какой он ученый? У него нет ссылок на архивные источники и прочее». Я ему отвечаю: «Побойтесь Бога, он 14 лет сидел в ГУЛАГе, и что, Берия должен был обеспечивать его архивными документами? Даже тогда, когда Гумилев был на свободе и работал в Ленинграде, его не допускали к архивам».

Исторические архивы находились в библиотеке Академии наук. Я имел допуск в эту библиотеку, где и прочитал выдающиеся труды академика Бартольда и многих-многих других выдающихся востоковедов. Нужно было иметь специальное разрешение, чтобы пройти в зал востоковедения. Кто бы туда пустил Гумилева, сына врага народа? Поэтому аргументы относительно ссылок на источники, конечно, смешные. Мне кажется, что здесь просто зависть, потому что Гумилев во всем был новатором. Большинство ученых-историков были консерваторами, поэтому в них играла просто зависть.

Посмотрите, кто сегодня востребован? Все читают Гумилева. А кто читает тех историков, которые именуют себя «учеными» и при этом самоуверенно утверждают, что Гумилев таковым не был.

Я рад, что в этом году прошел ряд научных конференций, посвященных творческому наследию Л.Н. Гумилева. А Межпарламентская ассамблея стран СНГ рассматривает евразийские идеи

Гумилева в качестве идейной базы Евразийского Союза. Я считаю, что Льва Николаевича Гумилева надо почитать, развивать его научные идеи — ведь он был истинным профессиональным научным работником. Только истинная наука способна делать предсказания. Вот одно из предсказаний Гумилева — распад Советского Союза, которое было сделано им еще в 1970-е гг. Но сам Лев Николаевич очень остро воспринял это событие и пережил СССР всего на полгода.

Философия и политика: психологические проблемы взаимосвязи

И.Л. Андреев, доктор философских наук

Хочу обратить ваше внимание, коллеги, что профессор Игорь Константинович Лисеев, подобно академику Ивану Тимофеевичу Фролову, окончил параллельно философский и биологический факультеты университета, только не Московского, а Ленинградского. Это придало их манере мышления определенную независимость от чисто идеологических постулатов отечественной философии того периода. В докладе это чувствуется.

Теперь, собственно, по содержанию доклада. Зерном всех концепций эволюции является проблема времени. Пользуясь случаем, хочу отметить очень важный для политологии философско-футурологический подход, содержащий предвидение, предсказание, прогноз, какое-то поле возможностей развития того, что уже выявлено. Кстати, под этим же углом зрения гораздо более отчетливо выступает и то, что в силу каких-то объективных и субъективных причин было «пропущено» (упущено) и потому не реализовано. (*Нехамкин В.А. Сценарии несостоявшейся истории // Вестник Российской академии наук. № 12, 2009*).

Кроме того, мне кажется, что когда речь в докладе шла о приспособлении и адаптации, то здесь есть свои всемирно исторические варианты. Скажем, восточные деспотические структуры и кочевые империи — это был явный эффект масштаба однородной в принципе деятельности в пределах крупного географического ареала, а когда возникли центры ремесленного производства,

центры торговли — это было проявлением эффекта разнообразия человеческих занятий. Ремесло и торговля, включая пиратство и систематические набеги ради целенаправленного захвата вполне определенной добычи, дали объективный толчок производственному и социальному разнообразию продукции и потребностей, в том числе фиксировавших социальное расслоение. (Андреев И.Л. Тенденции и стадии генезиса эксплуатации. Доклад на X Всемирном социологическом конгрессе. М. — Чикаго, 1973).

В процессе яркой, убедительной и продуктивной манифестации докладчиком закономерного сходства магистральных маршрутов развития природы и общества в тени осталась, по-моему, *проблема различия биологической и социальной эволюции, а также их конвергенции*, которую, вероятно, правомерно соотносить с коэволюцией природы и социума. В первом случае резервом гарантии от тотального вымирания рода людского при резком изменении внешних или внутренних условий остается общечеловеческий разум как специфически социальный фактор взаимодействия общемирового социума с планетарной природой, творчески акцентированный академиком В.И. Вернадским в его гуманитарной и гуманистической концепции ноосферы. (Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012). Вместе с тем обращает на себя внимание явное созвучие неуклонной веры великого русского естествоиспытателя в конечное создание коллективным разумом человечества планетарной системы гармоничного взаимодействия социума и природы с пророческим предсказанием первого системного революционного теоретика К. Маркса. Я имею в виду его глобальные идеи относительно *научно-технической революции и наступления эры овеществляемого в интересах всего общества знания закономерностей внешней и находящейся внутри самого человека природы*. Речь у него шла о неизбежной смене машиноподобного труда — продукта индустриальной цивилизации — творческой игрой интеллектуальных и физических сил и кооперацией интеллектов.

Взгляды Маркса и Вернадского на этот счет много позже нашли специфическое отражение и выражение в известном «Манифесте Бернала — Эйнштейна» (1955 г.), впервые в мировой истории обозначившем и провозгласившем всеобщие задачи человечества

в связи с опасностью наступления «ядерной зимы». Затем мы видим отзвук данной идеи в осознании опасности неконтролируемой обществом науки в потерявшем моральные ориентиры мире. Именно она привела к современной парадигме планетарной коэволюции природы и социума.

К сказанному можно добавить упоминание о философской концепции «нового гуманизма» академика И.Т. Фролова. Именно она была столь трагически неудачно реализована в виде неуклюжей стратегии «нового политического мышления» и надуманной, оторванной от реальностей советского общества «перестройки» в период идеологического кокетства и политического заигрывания с всеильным Западом партийного лидера, а затем президента (на западный лад) СССР М.С. Горбачева. Попытки интеллектуального влияния на него философа Фролова китайские ученые сравнивают с отношениями между Екатериной II и французским просветителем Дени Дидро. Однако мудрая и изощренная в политическом пасьянсе своей эпохи российская императрица в дневниковых записях настойчиво возвращалась к мысли о том, что даже самые заманчивые и многообещающие философские идеи, примененные без учета времени и обстоятельств, могут не только не принести ожидаемую пользу, но, наоборот, причинить вред. Напротив, будучи кондовым правоведом по университетскому образованию (а занимаясь комсомольской работой, он не мог уделять систематического внимания учебе), Горбачев тривиально смешивал виртуальную реальность переговоров и обещаний любезных его сердцу западных лидеров с суровой, не прощающей ошибок реальной виртуальностью массового сознания своих соотечественников.

С Советским Союзом, в конечном счете, случилось как раз то, чего Екатерина II не допустила в Российской империи. Он рухнул во многом по вине своего первого и последнего, не в меру разговорчивого президента, который в эйфории несущихся с Запада похвал легкомысленно *«забыл, — по словам китайского профессора Ань Циняня, — что он политик»*. Причина ошибок, совершенных во время перестройки, — пишет Ань Цинянь, — заключается в том, что такой политик, как Горбачев, применяя на практике идеи Фролова, слишком упрощенно смотрел на существующие проблемы, он не видел, что для осуществления этих правильных идей не-

обходимы соответствующие объективные условия. К тому же их следовало проводить в жизнь постепенно и осторожно. В частности, вывод о том, что «интересы всего человечества выше классовых интересов» правилен, однако для его реализации необходимы солидарные усилия всех людей мира, их скоординированные действия. В противном случае государство, придерживающееся этого принципа в одностороннем порядке, окажется в невыгодном положении по отношению к политическим играм других государств.

После неоднократных заявлений Горбачева о выводе из Восточной Европы советских войск, в соответствии с «новым мышлением», США и другие западные страны поступили вероломно, и вопреки своему обещанию стали расширять на Восток блок НАТО, создав тем самым серьезную угрозу безопасности России. Кроме того, Горбачев «стал слишком быстро осуществлять в Советском Союзе расширение свободы и демократии, в результате на практике все произошло вопреки его намерениям (*Яо Ин. Философия гуманизма И.Т. Фролова. Взгляд из Китая. М., URSS, 2012*).

В то же самое время авторитетные китайские ученые отмечают актуально-современное звучание гуманистических идей И.Т. Фролова для эволюционного, постепенного и поэтапного реформирования и развития своей страны. (*Там же. С. 166–168*). Идеи российского философа в течение 20 лет настойчиво реализует высшее руководство Китайской Народной Республики. То есть прагматически, безо всякой шумихи китайские руководители делают то, что не сумели сделать мы — вернее, руководство СССР во главе с оторвавшимся от народа и возомнившим себя мировым лидером, чрезмерно амбициозным М.С. Горбачевым.

Некоторые историки и философы пытались выстроить абстрактные альтернативы приходу к власти М.С. Горбачева. Так, А.П. Назарян задался вопросом: произошла бы перестройка с ее катастрофическими последствиями, если бы руководителем КПСС в 1985 г. стал не Горбачев, а другой член Политбюро. (*Назарян А.П. Знает ли история сослагательное наклонение? (Мегаисторический взгляд на альтернативные модели) // Философские науки. № 2, 2005*). Ф. Бурлацкий и В. Виноградов считают, что если бы Юрий Владимирович Андропов, умерший в 1984 г., прожил «еще лет пять, не было бы ни распада СССР..., ни НАТОвского беспреде-

ла». (Дроздов Ю.П., Фартышев В.И. Юрий Андропов и Владимир Путин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002).

Безусловно, при реализации назревших перемен очень многое зависит от авторитета и интеллекта, имиджа и харизмы лидера любого масштаба и любой эпохи — от вождя примитивного племени до президента могущественной державы. Но по пути к намеченной цели, даже самой оптимально определенной и адекватно означенной, непременно приходится решать массу побочных проблем и реагировать на непредвиденные обстоятельства, а потому деятельность лидера социума, как и любого индивида, «осуществляется не столько на основе принципа целесообразности, сколько на случайности целесообразных реакций в контексте конкретных изменений». (Спирова Э.М. Символ как понятие философской антропологии // Вопросы философии. № 3, 2012). Умение лидера не потерять в сутолоке решения конкретных, важных, но все-таки сиюминутных проблем намеченную стратегическую цель и проявить неуклонную политическую волю к ее достижению дорогого стоят.

Мне очень понравился доклад. Он разбудил много мыслей — некоторые из них я высказал в своих вопросах и в выступлении, — а также уместно напомнил о таких великих, неоднозначных и нестандартных отечественных фигурах, как князь-анархист Кропоткин, врач-системолог Богданов, оригинальный этноисторик Гумилев.

Благодарю Вас, коллега, за интересный, содержательный доклад.

Соотношение социального и природного в различных типах цивилизаций

В.Н. Шевченко, доктор философских наук

На нашем методологическом семинаре мы, наконец, подбieraемся к той проблеме, которая меня больше всего интересует, а именно — к проблеме взаимосвязи, взаимодействия биологического и социального в ее теоретическом, философском аспекте. Важность доклада И.К. Лисеева состоит, в частности, в том, что

демонстрирует ту методологическую, понятийную базу, которая с успехом используется для анализа многих конкретных аспектов этой проблемы.

Когда на прошлых заседаниях у нас шел разговор о сложных социальных системах, мы как-то подробно не останавливались на том, что сложные социальные системы, существующие в современном мировом сообществе, представляют собой разные типы социальности, что они по-разному взаимодействуют с окружающей их внешней природной средой.

В этой связи мне хотелось бы обратить внимание участников нашего семинара на личность и творчество выдающегося отечественного ученого Льва Николаевича Гумилева. Недавно отмечалось сто лет со дня его рождения, и было бы, наверное, уместно сказать сегодня несколько слов о его вкладе в разработку проблемы взаимосвязи социального и природного.

Л.Н. Гумилев широко известен как талантливый и оригинальный историк. Но сегодня мало кто вспоминает, что он в 70-е гг. прошлого века написал во многом пионерную работу — «Этногенез и биосфера Земли». И затем на ее основе он попытался защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук, которая в итоге так и не была ему присуждена.

Л.Н. Гумилев демонстрирует хорошее знание сущности системного подхода работ Н. Винера, Л. Берталанфи, А.А. Малиновского. Гумилев пишет о том, что «мы имеем право рассматривать этнос как систему социальных и природных единиц с присущими им элементами. Этнос — не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций вмещающей географической среды» и т. д. (*Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли* (www.libok.net/writer/7495/kniga/4861/gumilev)).

Л.Н. Гумилев приводит пример социальной системы: это семья, живущая в одном доме. Элементы системы — члены семьи и предметы их обихода, в том числе — муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Проблема устойчивости этой системы заключается не в самом наборе, количестве социальных и природных элементов, а в некоторой совокупности связей между ними, которая и делает семью жизнеспособной. Это означает, подчеркивает Гу-

милев, что реально существующим и действующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры.

Выводы Л.Н. Гумилева, как мне представляется, имеют непосредственное отношение к общей проблеме коэволюции общества и природы. Нередко вместо понятия общества в литературе появляется некий человек вообще, и потому, когда говорят о взаимодействии человека и природы, коэволюции человека и природы, всегда хочется сказать: покажите этого человека. А такого человека нет, подмена общества человеком есть по существу уход от проблемы. Гумилев пишет, что далее, после человечества, следующим более конкретным уровнем обобщения является суперэтнос. О суперэтносе он пишет как о крупнейшей единице, т. е. как о группе этносов, возникающих в одном регионе, проявляющих себя как мозаичная целостность. Она представляет собой сложнейшую социоприродную систему.

Взгляды Л.Н. Гумилева были плохо поняты в его время, они подвергались резкой критике. Но сегодня можно утверждать, что многие идеи Гумилева обладают сильным эвристическим потенциалом, способствующим более глубокому пониманию сущности цивилизации, цивилизационного подхода к анализу исторического процесса.

Можно сказать так. Существует принципиальное отличие западной цивилизации от незападной или от незападных цивилизаций. Это разные типы цивилизаций. Это отличие имеет весьма важное значение, поскольку в нем можно найти ключ к разрешению главного противоречия эпохи, навязанного Западом всему остальному миру, — быть или не быть дальнейшему развитию незападного мира. Запад делает ставку на неразвитие этого мира, и дело здесь не просто в сознательном эгоизме Запада.

Западная цивилизация является уникальной, а не универсальной цивилизацией, и потому распространенное в отечественной литературе европейское понимание цивилизации требует существенной корректировки.

При всем многообразии определений одно из современных пониманий цивилизации, которое сложилось в европейской мысли еще в XIX в. и которое стало господствующим, носит социологи-

ческий характер. Все характеристики общества модерн превратились в этом определении в характеристики цивилизации. Общество индустриального капитализма как целостная система было «упаковано» в цивилизационную оболочку. В таком виде оно было представлено не только как социологическое понятие, но как модель для подражания и реализации в жизнь для всех незападных обществ. Им была продемонстрирована такая модель общества, на которую они должны были равняться. Здесь коренятся истоки дихотомии цивилизация-варварство, которая прочно утверждается в европейском сознании в XIX в. Ограниченность объяснительных возможностей социологического понятия «цивилизация» для незападных обществ стала настолько очевидной, что представители незападных (варварских) обществ выдвинули другую — культурологическую теорию цивилизации. Ее основателем явился русский ученый Н.Я. Данилевский, согласно которому в мире имеется целый ряд обособленных культурно-исторических типов общества, впоследствии названных локальными цивилизациями. Европейский культурно-исторический тип — только один из них. В основе каждого культурно-исторического типа лежит, говоря современным языком, своя культурная матрица, свой культурный код.

Культурологическая теория цивилизации сегодня получила огромное признание и развитие. Это важное достижение общественной мысли. Но принципиальное различие между западной цивилизацией и незападными цивилизациями в ней до конца не раскрывается. Экономическое отставание незападных государств от Запада, несомненно, существует, оно признается, но все культуры считаются равноценными. Проблема состоит в различии способов их существования.

Незападная цивилизация представляет собой в развитом, сложившемся состоянии особый сплав целого ряда «элементов». С философской точки зрения, западная цивилизация представляет собой, прежде всего, органическое неразрывное единство природы — народа (суперэтноса) — государства — культуры, что впервые было осмыслено евразийцами. Особое значение они придавали понятию «месторазвитие», которое есть одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. д. ландшафт. Иными словами, цивилизация вмещает в себя и социально-

историческую среду, и занятую ею территорию, природный ареал, в котором она живет и развивается и который определяет направленность, канал исторической эволюции государства-цивилизации, особое его место во всемирно-историческом процессе. Самодостаточность, возможность автохтонного существования — отличительная черта государства-цивилизации. В своем развитом состоянии оно приобретает характер империи. К примеру, так можно говорить о Российской империи. Это есть государство-цивилизация, как и персидская империя, китайская, османская, византийская и другие империи.

К. Маркс, исследуя специфику стран Востока, сначала представлял себе восточную деспотию как соединение естественных и общественных отношений. Но впоследствии Маркс, после знакомства с результатами новейших по тому времени исследований, пришел к выводу, что восточное государство есть социальное образование, в котором власть основана на личных, непосредственных связях между людьми. Эти личные связи определяют всю властно-управленческую структуру общества сверху донизу. Других связей, кроме личных, общества такого рода не знают.

Вторая отличительная черта цивилизаций Востока состоит в особом типе отношений крестьянина с природой.

Экономическую основу древних и средневековых цивилизаций составляет аграрное хозяйство, они еще не смогли разорвать пуповину, связывающую напрямую человека с природой. Маркс пишет о крестьянине, для которого земля есть неорганическое продолжение его собственного тела. Важно увидеть здесь все последствия, проистекающие из существования такой неразрывной сращенности крестьянина с землей, для понимания специфики общества. Проблема перехода к капитализму в сельском хозяйстве состоит, с этой точки зрения, в том, чтобы разорвать отмеченную выше сращенность. Использование сельских орудий труда не изменяет и не отменяет ее, подобно тому, как причесывание волос не отменяет их естественного нахождения на голове человека.

Западная цивилизация, возникающая первоначально в западноевропейском регионе, по мере того, как в этом регионе складываются раннекапиталистические отношения, — это исторический новый (социологический) тип общества, которому органически

присущ принципиально новый и более высокий тип связей между людьми. Это опосредствованные связи и отношения между ними, которые опосредствуются миром вещей, предметным миром. Такое смогло произойти по той причине, что западная цивилизация поместила между собой и природой мир индустриальной техники. Основу общества модерн составляют общественные отношения в их вещной оболочке. Законы, по которым они складываются и развиваются, интерпретируются в рамках буржуазного сознания как неизменные, естественные законы, присущие обществу как таковому. Отсюда и возникает известный вывод о конце истории.

Западная цивилизация не является самодостаточной, и условием ее существования становится изначально агрессивное отношение к окружающему миру. Прежде всего из-за отсутствия как сырьевых, энергетических ресурсов, необходимых для развития индустриального производства, так и рынков сбыта производимой продукции. Это онтологическое свойство самой цивилизации. Все остальное — вплоть до колониальных войн и тайных организаций, способствующих установлению господства над другими странами, их сырьевыми ресурсами и рынками мира, — есть вторичное и производное.

Известный культуролог Г.Д. Гачев в своей книге «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством» (М., 1997) пишет о том, что для Америки инстанция природы «есть чисто неорганический бездуховный объект завоевания и труда: не Мать и не материя даже, но материал — сырье труду в переработку». Он называет американскую цивилизацию «ургийной» цивилизацией. Она не выросла из природы, а спустилась с небес на чужую землю. Романо-германская цивилизация, как часть и ядро западной цивилизации, совершала свой отрыв от природы мучительно и долго, не столь стремительно, как это получилось в США, в англосаксонской части западной цивилизации, но примерно с теми же конечными результатами.

Китай, Россия, Иран, Персия и другие государства-цивилизации — это и сегодня совсем не цивилизации западного типа. Использовать методологию анализа западной цивилизации для анализа этих государств — цивилизаций — это ненадежный и опасный путь, ведущий к ошибочным выводам в теории и на практи-

ке. Сегодняшние процессы глобализации свидетельствуют о том, что происходит все более тесное взаимодействие этих двух типов цивилизаций, но это не меняет их сущностной специфики. И чем дальше сегодня развивается мир, тем более очевидным становится факт сохранения ими своей специфики.

Мне кажется, что где-то здесь и заложена основа неприятия многими учеными взглядов Л.Н. Гумилева, поскольку его позицию легко можно представить как антизападническую. Но в любом случае идеи Гумилева должны быть приняты во внимание. Было бы хорошо, если бы мы посмотрели на проблему коэволюции с позиций существования разных типов социальных систем, которые отличаются друг от друга особенностями взаимодействия с окружающей их природной средой. И тогда коэволюционный процесс не будет представлять собой некий усредненный процесс взаимодействия общества и природы. Человечество состояло и продолжает состоять из целой совокупности сложнейших по своему составу суперэтнотетосов, каждый из которых вносит свой особый вклад в содержание и направленность современного коэволюционного процесса.

О роли условной информации в происхождении ВИДОВ

Д.С. Чернавский, доктор физико-математических наук

Я уже говорил, что доклад мне действительно очень понравился, потому что речь шла о тех вещах, которыми я тоже занимаюсь. Цель доклада, если я правильно понимаю, — найти аналогию между эволюцией биологической и социальной с тем, чтобы обогатить эволюционную социологию.

Мне понравилось, что докладчик подверг критике банальных продолжателей (эпигонов) Дарвина, которые его понимали неправильно и слишком грубо.

Я хотел бы дополнить доклад понятием экологической ниши. Оно было сформулировано еще Прянишниковым.

Что такое ниша? Ниша — это некоторая геоклиматическая более-менее замкнутая область, в которой есть трофические уровни и в которой совершается круговорот веществ.

Что есть трофические уровни? Они состоят из консументов и продуцентов. Продуценты — существа, которых едят, консументы — те, которые едят. На среднем уровне это выглядит так: с одной стороны, консумент кого-то кушает, а с другой стороны — и его самого тоже кушают. Так осуществляется круговорот веществ в живой природе.

Есть ли это борьба волков с зайчиками? Да нет, никто так не думает, это естественные взаимоотношения между видами.

Есть ли борьба внутри зайчиков? Зайцы дерутся за питание и обладание самками, при этом выживает сильнейший, однако новый вид не образуется. Внутривидовая борьба не объясняет происхождение сходных видов.

Дело в том, что вид — понятие дискретное. Существуют разные виды на одном трофическом уровне (например, серые и черные мыши). Борьба между ними является главным фактором возникновения сходных, но дискретных видов. Это борьба не только за субстрат, но и за сохранение «своей» условной информации: способов общения, поведенческих реакций и т. п. Эти признаки у сходных видов различны, и именно они лежат в основе межвидовой борьбы и обеспечивают дискретность видов. Это борьба беспощадная, она приводит к полному вытеснению одного вида другим (теорема Гаузе). Традиционные дарвинисты на это должного внимания не обращают.

Последователи Дарвина в России дополнили его учение. Имеет мест не только борьба, но и внутривидовая взаимопомощь — особенно у стадных животных. Кроме того, в нише на разных уровнях имеется нечто вроде «согласия»: если зайцев мало, волки перестают размножаться — таковы их поведенческие реакции (Докучаев).

Проведем аналогию с социологией. Теория К. Маркса — борьба между трофическими уровнями: рабочие борются с капиталистами. Если Докучаева с Кропоткинским послушать, то вовсе не борются они, просто в конце концов вырабатываются такие условия, что капиталисты содержат рабочих в допустимых условиях. Они не едят рабочих, а отнимают у них часть труда; но при этом оставляют столько, чтобы им можно было достойно жить.

Еще одно замечание. Ничего не было сказано об аналогии между развитием организма (отногенез), его функционировани-

ем и государством. Эта аналогия может быть действительно очень интересной. Например, аналогия между строением иммунной системы и силовыми ведомствами.

Наконец, о больших ароморфозах. Да, действительно, если ниша просто достигла гармоничности и климатические условия не меняются, то тогда Заварзин прав — эволюция ниши идет очень медленно. Но если нарушается эта договоренность, нарушается согласие, то, по Докучаеву, ниша взрывается.

Приведу пример ароморфоза. Когда-то наши древние предки — одноклеточные организмы — питались гликолизом (не было еще тогда фотосинтеза, а гликолиз был). И они потребляли те запасы, которые накопили в себе. Ниша была неустойчивой в каком смысле. Не было замкнутости, и наши предки съели все, что можно было. И начались продовольственные затруднения. Что получилось? Появились фотосинтезирующие. А откуда они появились? Совершенно правильно было сказано — они появились не из наиболее приспособленных к гликолизу, субстраты гликолиза исчезли. Появились фотосинтезирующие из маргиналов.

Вскорости фотосинтезирующие заполнили все кислородом, а это было страшное дело для тогдашних организмов. Появилась проблема загрязнения окружающей среды. Как выяснилось, маргиналы вышли из положения — появились дышащие организмы (митохондрии).

Вот так совершаются большие скачки, это пример некогерентной эволюции. Как видим, необходимы и те, и другие.

Нельзя понять социальную систему без учета закона отрицания отрицаний

Н.В. Асонов, доктор политических наук, кандидат исторических наук

Еще раз хочу поблагодарить Игоря Константиновича — теперь уже не только за интересный доклад, но и за прекрасные ответы, — и выразить в этом плане свою поддержку Вашему выступлению. Мне было очень приятно, что многие выводы, которые были Вами изложены и устно, и письменно, перекликаются с моими пред-

ставления о социально-политической эволюции. Это позволяет мне надеяться, что тот научный поиск, которым я занимаюсь, идет верным курсом.

Но прежде чем поделиться некоторыми соображениями на этот счет, я хотел бы сделать небольшое отступление и высказать мнение по поводу Льва Николаевича Гумилева, тем более что Аскар Акаевич Акаев с Вашей подачи уже подхватил данную тему и изложил свое справедливое суждение.

Скажу честно. У меня двойное отношение к этому историку. Я с удовольствием прочитал все, что он написал о тюрках, взхлеб проштудировал «Открытие Хазарии»... Но выйдя из студенческого возраста, постепенно отверг учение Гумилева об этногенезе и пассионарности. Не буду «растекаться мыслью по древу», скажу лишь, что подобная точечность космического выбора с последующим всплеском социальной гиперактивности якобы «молодых» этносов не увязывается с комплексным анализом культурно-политической ситуации и тех процессов, которые проходили, скажем, в XIV в. в районе формирования литовского, великорусского и османского государств. Решив отбросить духовную составляющую политической культуры того времени, Гумилев фактически перенес на Средневековье свое атеистическое мышление и сделал его определяющим фактором государственного ослабления и государственного строительства.

Его вольное толкование исторического процесса, лишённое серьезной источниковедческой аргументации, привело к рождению еще более фантастических теорий в трудах Фоменко, Носовского, Чудинова и других авторов, создавших, на мой взгляд, особый жанр — «фэнтэзи» от исторической науки. После тюрьмы у Гумилева было достаточно времени, чтобы пересмотреть свое учение о становлении и развитии Московского государства, но он этого так и не сделал, продолжая вращать, как выразился профессор Кузьмин, свой «пропеллер пассионарности». Да, он интересный тюрколог, замечательно пишет о семитском элементе в Хазарии. Но как историк государства Российского и как историк российской государственности он для меня величиной не является. Но это, опять же, мое мнение и мнение старших моих коллег, взгляды которых на этот счет я разделяю.

Теперь позволю себе остановиться более подробно на том, что мне сегодня особенно понравилось в только что прозвучавшем выступлении. Когда я знакомился с докладом уважаемого Игоря Константиновича, то обратил внимание на выделенные там познавательные модели. Их конструктивная особенность заключается в том, что все они страдают определенной заданностью, т. е. в их основе лежит некое научное допущение, согласно которому все развивается от примитивного к совершенному, от простого — к сложному. И соответственно, получается так, что мы в своей эволюции, в том числе государственного строительства, неизбежно идем по пути, который предсказал нам еще Гегель. Двигаясь вверх по спирали социального развития и возвращаясь «на круги своя», но только на более высоком экономическом, научно-техническом и нравственно-этическом уровнях, мы должны постоянно совершенствовать свою социально-политическую систему. Причем совершенствовать до бесконечности.

И вот тут я не могу пройти мимо дельного замечания докладчика о том, что любая эволюция это всегда «движение от и до». В данной связи, думаю, уместно вспомнить закон отрицания отрицаний уже не в локальном, а в глобальном его применении. Локальное применение данного закона бытия сводится к усовершенствованию какой-либо сложной социальной системы, когда мы ее работу сначала оцениваем на «два», затем, в ходе определенных модернизационных процессов, проведенных политической властью, рейтинг ее работы поднимается до «трех» и более баллов. А если посмотреть глобально. Раздвинуть, так сказать, перспективу жизни социальных систем до того уровня, когда любой прогресс неизбежно начинает обрываться и социум начинает деградировать, перечеркивая накопленные достижения.

Старение любого социума, как и любого биологического организма, неизбежно. Это старение сродни хронической болезни, из которой нет выхода. И вот тут, как мне думается, уместен вопрос, который поставил Степан Степанович Сулакшин: а что дальше?

Действительно, дальше-то — что? А дальше — неминуемая дискредитация и гибель социальной системы. Как мы с вами знаем, в отличие от духовного мира, не имеющего ни начала, ни конца и потому функционирующего в категориях полного совершен-

ства вечности и бесконечности, его антипод в лице материального мира, к которому естественным образом относятся все социальные системы, имеет границы. Эти границы не только указывают наши размеры, но и говорят о границах наших возможностей, нашего совершенства, если хотите. Следовательно, любой элемент материального мира не может отличаться не только совершенством своих социально-политических или биологических конструкций, но и иметь бесконечное продолжение. Это значит, что в силу наличия у себя недостатков, раз возникнув, любой элемент материального мира — тем более, государство и общество — неизбежно придет к собственному отрицанию и гибели. Но прежде чем эта гибель наступит, пройдет определенный путь деградации (старения) этого материального организма, его вырождения. Ведь без вырождения, съедающего здоровые ткани организма, нет гибели. В сложных социальных системах это вырождение должно представлять собой торжество хроматистики с ее эгоистическим началом. Под нее будет подгоняться вся социально-политическая система такого общества, превратившегося по своей сути в отрицание общества развития, в котором некогда доминировала экономика как принцип домостроительства. Характерная для него свобода от греха будет заменена свободой для греха, до предела размывающей нравственные перегородки и принимающей отношения «похоти и гордости житейской» как норму жизненного ритма.

Таким образом, если мы признаем несовершенство человеческой природы, не способной постоянно держать духовно-нравственные приоритеты в основе своей социальной деятельности, мы должны признать несовершенство создаваемых нами социальных систем, которые в силу своего несовершенства не могут бесконечно эволюционировать, а значит рано или поздно поставят нас на краю всеобщей гибели. Думается, что глобальные проблемы современности можно рассматривать в качестве главного признака подобной ущербности социальных систем, начинающих на стадии деградации создавать все больше и больше проблем для всего мирового сообщества — со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

В этом мне видится глубокая научно-методологическая значимость изысканий Игоря Константиновича Лисеева и его коллег.

Она показывает, что в нашем мире несовершенства человеческого естества, особенно на его заключительной стадии всеобщей деградации, когда апогей социального развития пройден, создаются такие условия, при которых выживают в первую очередь не лучшие, а худшие. Выживает та самая серость — с серыми мозгами, серыми вкусами и серой культурой, — которая неизбежно ведет к деградации политической и социальной системы. Ведь приход ее представителей к власти заставляет их делать ставку на такое же серое большинство, что и они сами, тем более легко поддающееся в условиях формальной демократии зомбированию своего сознания в пользу интересов господствующей политической силы.

В принципе, об этом хорошо было написано как у Платона, так и у Аристотеля. Вспомним хотя бы, как, согласно великому ученику Сократа, неизбежная деградация социальных систем, вызванная несовершенством человеческой природы, ведет к установлению тимократии, власти олигархов и, наконец, демократии, которую он трактовал как худшую из лучших форм правления, главный недостаток которой заключается в избытке социально-политических свобод, достигающих тому самому серому большинству, получающему возможность диктовать свою волю интеллектуальному меньшинству. То есть тем самым «знатокам», которые, согласно Аристотелю, одни способны сделать правильный выбор. Неслучайно, что демократия для этого выдающегося мыслителя вообще не является положительной формой правления, а выступает естественным отклонением от политики как синонима «верховной власти воинов».

О том же, но своими словами, вещала христианская и исламская политическая мысль. «Град человеческий» обречен на гибель. Вопрос только в том, когда наступит конец света. Если христианские и мусульманские мыслители уверены в том, что мировая цивилизация уже вышла на финишную прямую своей истории, то официальные учения коммунистов и либеральных демократов отказываются признавать этот факт. Они, вопреки объективным законам бытия — в том числе закону отрицания отрицаний, — исходят в своих рассуждениях из того, что в людях господствует добро. Оно способно эволюционировать, а вместе с ним способна бесконечно эволюционировать мировая социальная система. Правда,

при этом остается загадкой, как к власти должны прийти «бесребреники» и установить общенародную собственность на средства производства. Или как конкуренция и рыночные отношения способны привести к политической и экономической власти не только наиболее умных, но и наиболее честных граждан, жертвенное служение которых людям поможет изменить мир к лучшему.

События последних десятилетий скорее заставляют согласиться с выводами консервативно настроенных аналитиков, нежели с теми, кто предпочитает верить не в Бога, а в человека. В этой связи позволю себе напомнить известную русскую народную сказку про лису и скалочку. Вспомним, почему хитроумная, себялюбивая лиса в конце концов оказалась богаче всех. Да потому что, найдя скалочку, она стала пользоваться толерантностью граждан, обернув их добросердечие во благо себе и во зло им. Поэтому, когда она шла от избы к избе, она эту скалочку меняла, как мы помним, на уточку, уточку — на гусика, гусика — на барашка, барашка — на коровку и, в конце концов, обогатив себя, всех разорила.

Толерантность хороша там, где все, включая политико-экономическую элиту, думают о других. Там же, где есть корыстный интерес хотя бы одного, особенно если он находится у власти или рвется к ней, — а в условиях продажно-рыночных отношений этот интерес всегда корыстный, ибо идет борьба личных интересов, не допускающая жертвенной любви к ближнему, — мы неизбежно придем к печальному концу своей истории. Опираясь на толерантность, лисонька всегда окажется не только богаче тех, кого она оберет, пользуясь их доверием, но и, используя свой капитал, придет к власти и создаст законы, защищающие ее монопольное право владеть львиной долей социальных богатств. А чтобы перераспределение ее капитала не произошло в пользу обобранного ею общества, умное и здоровое нравственное начало в этом обществе всегда будет подавляться ею с помощью соответствующих силовых структур. Тем самым лиса выроет могилу всей созданной ею социальной системе хрематизма. Это и будет эволюция «от и до» — от момента своего зарождения до момента своей гибели — как диалектическая форма закона отрицания отрицаний.

Кризисы как двигатель эволюции

С.Ю. Малков, доктор технических наук

Спасибо за интересный доклад, который вызвал такую бурную дискуссию. Мне тоже хотелось бы в этой дискуссии поучаствовать и обсудить логику эволюционного процесса.

В чем заключается основная идея Дарвина? Дарвин говорил о том, что в процессе биологической эволюции выживают те виды, которым удалось наилучшим образом приспособиться к условиям внешней среды. Но, насколько я понимаю, у него речь шла о длительных и относительно стабильных эволюционных периодах. В такие периоды, действительно, в лучшем положении оказываются те, кто лучше всего адаптируются к внешним условиям. Но как только наступает кризисный период, именно наиболее приспособленные страдают сильнее остальных: из-за своей узкой специализированности и консервативности они в изменившихся условиях оказываются наиболее уязвимыми и нежизнеспособными. На первый план выходят те, кто ранее находился в тени, но смог ответить на эволюционный вызов.

Если мы теперь посмотрим на социальную эволюцию, то увидим аналогичную картину: глобальные кризисы приводили, с одной стороны, к упадку былых лидеров (государств, политических союзов, социальных групп), а с другой стороны — к рождению новых социальных технологий и идей. Много фактического материала на эту тему приведено в книге выдающегося климатолога Владимира Викторовича Клименко — «Климат. Непрочитанная глава истории» (М.: Издательский дом МЭИ, 2009). Он сопоставил климатическую историю Земли, в которой хорошо разбирается, с социальной историей, известной из учебников, и установил достаточно четкую закономерность, заключающуюся в том, что наиболее значимые социальные технологии рождались именно в период глобальных климатических кризисов. Почему? Потому что в эпоху кризисов приспособленные, но не креативные не могут предложить выход из сложившейся ситуации; востребованными становятся «пассионарии» — те, кого прежде считали «ненормальными», «чудиками», но которые могут предложить что-то креативное, неординарное.

В период кризисов традиционные технологии перестают работать, возникает спрос на новые идеи, появляется потребность в инновациях (чего не было в периоды спокойного развития). Инновации позволяют преодолеть кризис, дают новый импульс развитию. Они начинают тиражироваться и распространяться. Но со временем новые социальные технологии, сыграв свою роль, начинают терять эффективность. «Пассионариев» опять отодвигают на вторые роли, опять «гармоничные» люди, с хорошей адаптацией, занимают соответствующие высокие посты, и все начинается с начала — до следующего кризиса.

Так вот, в свете сказанного, в чем, как мне представляется, заключается величие Л.Н. Гумилева? Он, в отличие от тех, кто ранее занимался спокойными, адаптационными периодами исторического развития, начал изучать кризисные периоды, во время которых происходит пассионарный толчок. Конечно, его предположение о космических лучах как о причине пассионарности, критики не выдерживает, но это отдельная тема, я на ней не буду останавливаться. Есть другая гипотеза, приверженцем которой я являюсь.

Если мы посмотрим на климатическую историю Земли и наложим на нее пассионарные толчки по Л.Н. Гумилеву, то мы увидим, что они ложатся на периоды климатических экстремалей. Это что означает? Объяснение может быть следующим.

В периоды климатических экстремалей привычные способы жизнедеятельности, которые были отработаны и адаптированы к условиям прежней среды, перестают работать, возникает кризис и, как следствие, возникает потребность в новых идеях. Такие идеи, естественно, рождаются, начинают обретать сторонников и последователей. Затем им начинают следовать коллективы единомышленников («консорции пассионариев»), которые начинают активно распространять новые идеи и технологии. Дальше — больше, и возникает тот самый «пассионарный толчок». (Характерно, что зоны пассионарных толчков географически располагаются вдоль изотермы января, равной нулю, т. е. в зонах, где изменения климата наиболее радикально влияют на условия жизни. При этом, как и следовало ожидать, при общем потеплении зоны пассионарных толчков смещаются на север, а при общем похолодании — на юг).

Если теперь посмотреть на проблему «пассионарных» (инновационных) толчков более широко, то можно увидеть ту же логику в кондратьевских циклах. Кто наиболее успешен на вершине освоенного технологического уклада? — Те, кто занял свои экономические ниши и достиг там доминирования. В этих условиях востребованы *улучшающие* инновации, направленные на специализацию продукции и придание ей дополнительных потребительских свойств. *Базисные* (принципиально новые) инновации оказываются востребованными в эпохи экономических кризисов, когда использование старых технологий уже не дает результата. *Базисные* инновации позволяют преодолеть кризис. Затем новые технологии начинают распространяться, постепенно становятся доминирующими, происходит насыщение спроса и все начинается снова.

Таким образом, мы видим похожий циклический процесс, но здесь уже циклы не природные (климатические), а рукотворные (экономические). Понимание внутренней логики этих процессов имеет чрезвычайно важное значение для поиска выхода из нынешней кризисной ситуации.

К вопросу о методологии эволюции природы, общества и сознания

Т.А. Чикаева, кандидат философских наук

Перед собственно выступлением, сделаю небольшую ремарку к выступлению Николая Васильевича Асонова. Хотелось бы заступиться за русский фольклор, который отнюдь не свидетельствует о том, что сочувствие приводит к торжеству мошенничества. Напротив — зло всегда в русских сказках подвергается наказанию. Возможно, Николай Васильевич читал особый вариант сказки, но тот, с которым я знакома, заканчивается немного по-другому: лисичка обменяла скалочку на собаку, которая распознала ее хитрости, покусала и прогнала из деревни. По-моему мнению, это доказывает неизбежность наказания за корысть.

Реплика (Н.В. Асонов):

Татьяна Александровна, толерантности быть не должно, иначе собачка не покусает...

Т.А. Чикаева:

Мне просто хотелось восстановить справедливость и не создавать мнения о том, что в русских сказках формируются представления о возможности безнаказанного творения зла, о преимуществе хитрости и изворотливости, о том, что именно так можно достичь желаемой цели. Полагаю, это важно для решения вопросов эволюции человека и общества.

Сегодня мы рассматриваем одну из сложнейших научных тем. Хочу выразить признательность и благодарность автору за столь обстоятельное научное сообщение. Игорь Константинович, я в Вашем докладе увидела несколько серьезных пластов. Большой методологический пласт, связанный с постановкой и методикой решений гносеологических вопросов; пласт решения эволюционных проблем и прикладной пласт. Сразу хочу сказать, что меня более всего порадовал последний — прикладной аспект, так как он созвучен с темой моей диссертации — проблемы русской культурной идентичности.

Знакомство с докладом навело меня на некоторые мысли, которые, как мне кажется, могут быть полезны для исследования вопросов эволюции. Прежде всего мне кажется целесообразным в теорию эволюции ввести не только понятие «приспособленный», обозначающее законченность процесса и относящиеся к субъекту, наиболее соответствующего тем или иным условиям существования, но и понятие «приспосабливающийся», обозначающее непрерывность, продолжаемость процесса и относящиеся к субъекту, способному быстро приспособиться к любым изменениям среды, четко на них реагирующему. Таким приспособляющимся субъектом и является та самая серая маргинальная масса, которая в силу определенных причин уже вышла из определенного социального состояния, но в другое состояние еще не пришла, не приобрела устойчивость. Это та маргинальная масса, которая легко в любой момент входит в это новое состояние. Достаточно вспомнить хотя бы переход от традиционного советского экономического устройства к рыночному. Те люди, которые не имели прочных социальных связей, твердых идеологических принципов, смогли легче приспособиться к новым условиям. Напротив, те, кто ощущал себя частью социальной системы, был ее органическим

элементом — с большим трудом находили возможности существования в новых рыночных условиях.

Вторая мысль, которая возникла у меня по прочтению доклада, и что, как мне кажется, недостаточно изучено, это вопрос о коэволюции, т. е. совместной эволюции природы и общества. Полагаю, было бы целесообразным посвятить этой проблеме отдельный семинар. Весьма интересным было бы найти взаимосвязь между внешней природной средой развития общества, нации и национальным менталитетом, а следовательно, и политическим, экономическим, социальным устройством.

Достаточно схематично рассуждение может быть построено следующим образом.

Например, проследим вопрос эволюции государств, ставших родоначальниками западного и восточного культурного кода. Классический пример Запада — это Древняя Греция. Вспомним природные условия существования древнегреческого государства. Это теплый комфортный климат, много водных ресурсов, однако плодородной почвы немного, страна пересечена горами, очень сложно найти большой участок пахотной земли. Как я помню из школьного курса истории, основная сельскохозяйственная культура Древней Греции — оливки, процесс выращивания которых более чем длительный. От посадки косточки до первых плодов проходит 16 лет. В таких условиях трудно представить себе эффективный труд большого коллектива, напротив — природные условия предполагают индивидуальный труд.

Отсюда можно провести дальнейшую логическую цепочку.

Преобладание индивидуального труда приводит к рассмотрению каждого отдельного, значимого элемента социальной и политической системы; развивается система управления, основанная на личном вкладе каждого; создаются условия взаимной конкуренции. Возможно, именно природные условия определили менталитет западного человека, основными чертами которого являются индивидуализм, рационализм и модерность, т. е. стремление к переменам.

Древний Восток, типичными представителями которого можно назвать Древний Египет, Древнюю Индию, Древний Китай. Здесь природные условия отличаются существенным образом. Помимо

теплого климата мы встречаем большие участки плодородной почвы, но они недоступны отдельному человеку-единоличнику для обработки. Ни один человек — тем более в древнюю эпоху, когда еще не было сколько-нибудь совершенной техники, — не был в состоянии в одиночку справиться с природной стихией Востока, не имел возможности ни победить Нил, ни вырубить джунгли, ни построить систему орошения рисовых полей. Требовался труд большого коллектива людей, действующих как единое целое под четким руководством, так как ошибка могла привести к весьма неблагоприятным последствиям. Ни о какой демократии афинского типа в странах Древнего Востока не может быть и речи. Природная среда формировала совершенно иной менталитет, чертами которого были созерцательное отношение к природе, приоритет коллективизма, уважение к традиции.

Природные условия формирования и развития русской нации и русского государства включают элементы и западной, и восточной среды. Отсюда сложный, противоречивый характер национального менталитета, его открытость, способность воспринять и творчески преобразовать элементы западного и восточного кода. Не случайно В.С. Соловьев говорил о всечеловеческом характере русской культуры, а русского называл *всечеловеком*. Внешние условия существования Российского государства неоднородны, поэтому в одних случаях в национальной культуре прослеживаются черты западного культурного типа, в других — восточного, в третьих мы видим их сложное соединение. Но всегда в основе лежит оригинальный национальный культурный архетип.

Вспоминая прикладную часть доклада, хотелось бы предложить собственную классификацию современных направлений оптимального развития российского общества с точки зрения культурной идентичности. Прежде всего это современное западничество, сторонники которого предполагают идентификацию в той или иной форме русской и западной культуры. Запад воспринимается как образец для подражания во всех областях жизни государства и общества, проблемы воспринимаются как следствие отступления от западного культурного кода. Далее можно назвать аутентичное евразийство, рассматривающее национальную культуру как принадлежащую к восточному культурному

ареалу. Сторонники этой точки зрения предлагают обратиться к опыту восточных государств, открыто склоняются к противостоянию с Западом — прежде всего США. Как третий вариант следует рассматривать неоевразийство. Его сторонники утверждают синтетическую и органичную сущность русской культуры. Неоевразийство указывает на синтетичность или всемирность как способность русской культуры к творческому восприятию и преобразованию элементов иной ментальности. Предполагается, что Российское государство может и должно развиваться, используя лучшие достижения как Запада, так и Востока. Но это использование не должно быть самоцелью, не должно входить в противоречие с чертами национального менталитета. Инокультурные идеи должны творчески пересматриваться, преобразовываться и только тогда входить в обыденную жизнь общества и государства.

Наряду с этим можно выделить самобытный взгляд на национальную культурную идентичность. Мыслители, придерживающиеся такой точки зрения, рассматривают русскую культуру как особый, но не замкнутый, не изолированный культурный код. Примечательным является то, что все участники дискуссии отмечают оригинальность исходного культурного кода — национального культурного архетипа русской нации. Такая методологическая позиция подтверждает мысль о сложном объективно-субъективном механизме эволюции общества и сознания, о возможности многовекторного пути развития.

Продолжая рассуждения о коэволюции, хочется отметить наибольшее соответствие русского менталитета задачам коэволюции, т. е. эволюции общества сообразно природным условиям. В национальном менталитете заложено понимание необходимости не борьбы друг с другом, а кооперации, понимание того, что условия существования могут меняться и часто не в положительную сторону, а справиться с такими переменами можно только совместными усилиями. Здесь хотелось бы сделать небольшую ремарку. Недавно познакомилась с публикацией трудов научной конференции, состоявшейся два года назад во Владимире, где доцент одного вуза А.В. Овчинников рассуждает прямо противоположным образом и пытается доказать, что условия существования русской нации препятствуют ее эволюции.

Среда, в которой развивается русский человек, является, по мнению А.В. Овчинникова, шизоидной, приводящей к «сбою» нормального алгоритма развития психики, который мешает русскому человеку стать постиндустриальным европейцем²⁴.

Среди причин шизоидности русского культурного типа доцент Овчинников называет наличие патриархальной семьи, ранние браки, особенности работы государственных органов, низкое качество образования. Для преодоления этих, чрезвычайно вредных для вхождения в постиндустриальную европейскую культуру черт, исследователь предлагает прежде всего избавиться от коллективизма и воспитать разумный эгоизм отдельно взятой личности молодого поколения²⁵.

Способы борьбы с коллективизмом национального самосознания предлагаются довольно радикальные: не допускать постоянных детских коллективов — ни групп в детских садах, ни школьных классов, ни студенческих курсов и групп; не допускать совместной деятельности ровестников — каждый студент, например, должен самостоятельно выстраивать программу своего обучения, а в аудитории обязательно должны находиться обучающиеся с разных курсов, получающие различные специальности. Молодежь должна быть дезинтегрирована, идеи коллективизма, приоритета коллективных интересов должны быть искорены. При этом А.В. Овчинников прямо говорит о том, что старшее поколение, которое уже завершило свое образование, потеряно для нового общества, так как среда уже глубоко заложила в них стремление к коллективизму и взаимопомощи, с которыми невозможно справиться.

Таким образом, мы видим, что подобные рассуждения являются примером отрыва социальных эволюционных процессов от процессов эволюции природы, рассмотрения социальных процессов и явлений без их соотнесения со средой. Необходимо понимать, что общество как сложная система может выжить не в условиях конкуренции, где одни элементы противостоят другим и желают

²⁴ Россия и Восток: язык-культура-ментальность. Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Владимир, ВГУ, 2010. С. 103.

²⁵ Там же. С. 105.

развиваться за их счет, а в условиях сотрудничества и взаимопомощи как между собой, так и со средой своего обитания, с природой. Вместе с тем важно отметить, что человек со своим мировоззрением оказывает воздействие на природу, изменяет не только отношение к среде, но и изменяет ее саму; следовательно, эволюция сознания и общества влечет за собой изменения природы, провоцирует изменение условий существования человечества.

Сегодня актуальным становится поиск новых путей такого сотрудничества, новых точек соприкосновения социальных и природных элементов совместной эволюции. Существенную роль в этом поиске способно, на мой взгляд, сыграть воспитание мировоззрения, основанного на традиционных русских ценностях — уважении к природе, соборности, коллективизме.

Законы биологии развития способны дать понимание естественного контекста развития социального

Д.А. Лебедев, кандидат биологических наук

Доклад Игоря Константиновича большой, многоплановый, задавающий эмоционально. Часть положений автора можно было бы и поддерживать, и развивать, но, на мой взгляд, много идей не бесспорных, вызывающих возражения.

Думаю, что для автора критические замечания все же более интересны.

Эволюция (от лат. *evolutio* — развертывание) — необратимый процесс исторического изменения живого. Биологическая эволюция — естественный процесс развития живой природы. Социальная эволюция — это исторический процесс развития общественных организмов под влиянием как естественных факторов, так и обстоятельств, которые подчиняются волевым усилиям человека.

Для меня основным ориентиром в путешествии по закономерностям современной теории эволюции служит книга Ю.В. Чайковского «Наука о развитии жизни». Думаю, что она должна быть настольной книгой каждого биолога, социолога и философа, ин-

тересующихся принципиальными проблемами развития любых форм жизни, в том числе и развитием социальных организмов.

Ю.В. Чайковский прочитал в подлиннике всех предшественников Дарвина, а их было около двухсот. И он пишет, что у этих авторов можно найти все идеи, которые вошли в основной труд Дарвина.

Самое же интересное состоит в том, что еще до выхода книги «Происхождение видов путем естественного отбора» журналисты сделали ей шумную рекламу. И именно от этого труд Дарвина сразу стал общеизвестным, популярным и вышел за рамки внутринаучной дискуссии. Все мы, хорошо зная повадки «большой» журналистики, можем без труда догадаться, что «раскрутка» положений теории Дарвина связана не с обсуждением научных истин, а с политическим заказом. Дарвинизм стал фактором большой политики и остается таковым по настоящее время.

Между тем, эволюция по Дарвину никогда не шла, не идет, и не может идти в принципе. Это сегодня доказано не религией, а наукой.

Как это может быть? Может ли это быть в принципе? — Разговор об этом в кругу социологов и политиков более чем уместен.

Дарвинизм — это внедрение в глубины общественного сознания принципиально ложных позиций биологии ради целей, которые преследует политика. Идеологические конструкции большой власти обязательно должны опираться на авторитет науки и/или религии. С падением авторитета религии роль науки в создании идеологии страны резко возрастает. Однако если факты науки противоречат желаниям большой власти, то они могут быть искажены или отменены! Оказывается, большая политика может просто блокировать развитие тех отраслей знания, которые способны уменьшить легитимность лидеров властного мира.

Дарвинизм — это вопиющий пример использования авторитета науки для оправдания злодейских действий противоестественной власти.

В цепочке, связывающей биологические и социальные явления, дарвинизм занимает особое место. Всего-то несколько неверных позиций биологии, и власть получает законное право сильного диктовать большинству свою волю, реализуя идеи абсурда. Дарвинизм создает базу идеологическим конструкциям, которые

позволяют властям творить произвол над своими беззащитными гражданами, а то и убивать слабых и безоружных — как «своих», так и «чужих».

Во времена зарождения дарвинизма политические лидеры западных стран проводили бесчеловечную захватническую политику по отношению к народам всех континентов. Захват чужого, грабежи, массовые убийства наряду с отсутствием христианского отношения богатых к неимущим, ко всем, кто смел сопротивляться их разбою, требовал авторитетного оправдания их злодеяний. Черные дела, совершаемые правителями как бы христианских стран, требовали красивой упаковки. Дарвинизм и стал этой самой упаковкой, он стал выполнять не научную, а политическую миссию. То есть дарвинизм — это явление политики (лжеполитики), и именно поэтому ему был дан определенный вес. Со временем он увеличивался, благодаря весьма совершенным технологиям обмена общественного мнения.

Но все тайное обязательно станет явным. Каким бы не было сильным давление политического мира на биологию, она постепенно освобождается от наваждения абсурда и поворачивается к научным фактам.

Ю.В. Чайковский по сути совершил подвиг, возвращая науку о развитии жизни в русло естественного диалога. Он многое сделал, чтобы освободить магистральное направление биологии от давления идеологов, от давления околонучной политики. Благодаря его работам появилась возможность вырваться из власти чарующих слов как, например:

- естественная конкуренция, естественный отбор — локомотив развития;
- сильный имеет право убивать слабого — это соответствует естественным законам природы;
- «убей ближнего, ибо ближней убьет тебя» и т. п.

Совсем недавно такого рода понятия обретали статус «истины в последней инстанции», но постепенно эти «истины» должны перестать оказывать влияние на выбор людей.

Обычно для доказательства положений дарвинизма начинают с того, что противопоставляют его креационизму, т. е. учению творения каждого вида Богом. Оставим креационизм в покое.

Дарвинизм же — это ложная часть учения о развитии жизни! В подтверждение дарвинизма наука не представила ни одного факта!!! Это само по себе потрясающе интересный факт. Как же, оказывается, долго можно морочить людям голову, не имея действительно научной опоры! Детальный разбор всех этих обстоятельств проведен в упомянутой книге Ю.В. Чайковского. Однако нас должны интересовать не столько драматические перипетии войны ученых с политиками, сколько то, что может сегодня предложить наука о развитии жизни взамен несостоятельным догмам дарвинизма.

«Человек — мера вещей». В организме человека в концентрированном виде можно увидеть некие главные итоги эволюции жизни на Земле, которая происходила в течение нескольких миллиардов лет. Вот и попробуем представить происходящие в организме человека процессы с точки зрения современного дарвинизма.

Каждый из нас состоит из триллионов клеток и, в согласии с «передовым учением», между этими клетками должна проходить «война всех против всех», должна идти война за ресурсы, за «место под солнцем» и т. д. Правое полушарие мозга должно конкурировать с левым, правая нога — с левой, они обязаны находиться как бы в особо жесткой «внутривидовой» конкурентной борьбе. А либерально настроенный «холдинг» — зубы, пищевод, желудок, кишечник — имеет право «поднять восстание», и под лозунгом «свобода, равенство, братство» отделиться от организма и зажить собственной счастливой жизнью. Действительно, зачем ему кормить сердечно-сосудистую и иные системы организма? У «нас рынок» — пусть все «нахлебники» заботятся о себе сами.

Все это абсурд, равно как абсурдны суждения современных дарвинистов и, тем более, социал-дарвинистов.

Через термины либерализма и социал-дарвинизма легко описывается онкологический процесс. Он «естественен» как естественна любая тяжелая патология.

Заметим, что онкологический процесс — это действия недоразвитых, неполноценных, инфантильных клеток. В *норме всегда все живое стремится не к конкуренции, а к гармоничному согласию частей и целого*. Подчеркнем, что для биологической **нормы** это правило не имеет исключения. Именно недоразвитие живой сис-

темы включает в действие как биологических, так и социальных паразитов.

В биологии хорошо известен и изучен феномен *контактного торможения*. Если вне организма (ин витро) выращивать, например, нормальные фибробласты человека, то заполнив незанятое пространство, они перестают делиться, поскольку подчиняются тормозящему сигналу соседей, которые с ними в контакте. Совершенно по-иному ведут себя онкологические клетки. У них контактное торможение отсутствует, они «лезут на головы друг друга» и, соответственно, попадают в ситуацию самоудушения. Повторим важное для социологии положение: онкология — это следствие *недоразвития клеток*, любое социальное зло — это следствие *недоразвития личности* одного или множества людей.

На наш взгляд, вводной фразой суждениям о законах биологии без дарвинизма могли бы послужить слова Р. Тагора: «Разве ты силен и велик, если слабых не можешь поднять до вершин своих».

Для того чтобы понять суть явления необходимо дойти до его истоков.

Любые серьезные теоретические конструкции социологов, политиков и историков должны, на наш взгляд, опираться на факты, почерпнутые из биологии. Ибо контекст социального развития — это естественное продолжение развития биологического мира.

Биология — это база не только для совершенствования медицины, сельского хозяйства, педагогики и психологии, но и посыл для создания *естественной* социологии и политики.

Прочитаю Ю.В. Чайковского, который излагает ряд положений намечаемой теории развития жизни.

«Основной тезис *общей* теории эволюции: активность — движущая сила эволюции, разнообразие — ее объект, а самоорганизация — основной ее регулятор. Разнообразие реализуется в рамках объективно существующей *фрактальной диасети*».

«Первый тезис намечаемой теории биологической эволюции: эволюция живого являет собой триединство: активность — диасеть — смена норм.

Итоги разных типов активности живого принимают различные формы. Их, как минимум, три — материальная (новые формы организмов), энергетическая (...) и информационная. Третья

наименее понятна, но в ней можно вычлениить три главных аспекта — узнавание, изобретение и наследование.

Всепроникающий характер феномена *узнавания* (его призвана выразить концепция *эпигностики*), результатами которого являются онтогенез и иммунитет (...) *Наследование*, которое прежде считалось чем-то вроде копирования, оказалось сложным информационным процессом: например, при создании половой клетки тоже текут процессы узнавания (...), а в диплоидной клетке целые хромосомы оказываются выключенными (...). ... *изобретение* (рождение новизны, эмерджентность) обычно выступает на всех уровнях как итог *фрактального роста* (...).

Для живого характерно, что информационные процессы (узнавание, копирование, горизонтальный перенос, генетический поиск ...) являют собой типы активности, при которых запуск и остановку задают *знаки* (маркеры), а их задает, в свою очередь, норма организмов...».

Эти суждения, а также описание множества новых открытий биологии и их философские обобщения, могут дать гуманитариям воистину бесценный материал для понимания законов естественного социального развития.

Для того чтобы получить представление о том, как может биология дать ориентиры социологии, остановимся на некоторых примерах.

Эмерджентная активность — это имманентное качество живых систем. Ответ на любые кризисные явления провоцирует резкий взлет творческой активности как биологических, так и социальных организмов. И именно благодаря работам биологов можно разобраться в механизмах этого явления.

Главное же то, что общество сможет преодолеть любой кризис и стать надежно устойчивым лишь тогда, когда будет осознано, что обязательно должна быть сформирована не только полноценная государственная Власть адаптации, но и столь же полноценная Власть развития. Сегодня в нашей стране существует только Власть адаптации, а Власть развития находится в зачаточном состоянии. Она должна быть быстро создана, и она должна обладать полным набором ресурсов для неупустительной работы как аналитиков, так и поисковиков-изобретателей. А еще власть должна создать некий ряд институтов, способных быстро дать жизнь

изобретенному. Все это можно в полной мере понять и выполнить, хорошо зная как работают аналогичные эмерджентные системы биологического мира.

Поскольку творчество — это основной центр деятельности человека и социума, то уместно вникнуть в типовые характеристики этого процесса. Некоторые знания науки о развитии жизни помогут глубже разобраться в этой проблеме.

Любой зверь, любое живое существо обладают обязательным набором адаптивных реакций. Быстрое использование реакций приспособления — это адаптивное творчество.

Но чтобы зубы, рога, копыта, ядовитые железы и прочее заработали бы — их нужно изобрести. В «биологических институтах», в «биологических конструкторских бюро» непрерывно, в течение миллионов лет происходил поисково-изобретательский процесс. Происходило формирование новых функциональных систем различных организмов. На языке биологов этот процесс мог бы называться «творчеством филогенеза», т. е. творчеством, которое происходило в процессе биологической эволюции.

А еще есть развитие индивидуальное. Громадные временные отрезки как бы спрессовались и в считанные дни или месяцы проявили себя быстрым развитием тех функциональных единиц, которые были изобретены в течение миллионов лет эволюционного творчества вида.

Чтобы успешно заработал механизм индивидуального развития организма, т. е. механизм онтогенеза, его необходимо *создать*, а для этого должна быть включена воистину удивительная система *чудовищного уплотнения реальности*. Во время онтогенеза вроде бы ничего нового не возникает — все нужное уже было изобретено. Новое же в этом процессе то, что развитие происходит *быстро* — время и пространство как бы сжимаются, что и позволяет по некоему отработанному сценарию сформировать функциональные структуры организма. В этом и состоит особенность творчества при становлении механизмов онтогенеза — *изобретение системы быстрого тиражирования лучшего из всего ранее изобретенного*.

В социальной жизни, на уровне развития психики человека, быстрое тиражирование всего ранее изобретенного — это образование, это педагогика.

Индивидуальное развитие (онтогенез) — это система постоянного возвращения живой системе качеств юности.

Еще раз повторю. Идея онтогенеза — это идея эффективного уплотнения пространства и времени, которое приводит *все виды жизни* в состояние постоянного возвращения юности.

Так разве идея полноценного формирования конструкций *социального онтогенеза* не заслуживает самого пристального внимания со стороны социологии, философии? Ведь современный бич молодежи — инфантильность, тератогенное развитие психики, массовое воспроизводство неврастеников — все это прямое следствие разрушения систем *социального онтогенеза*. Если властимущие снизойдут до того, чтобы разобраться в этой проблеме, то с государства нашего были бы сняты наиболее сложные проблемы нарастающего социального хаоса. Решение этой проблемы возможно только с подачи авторитетных представителей научного мира. И задача не может быть удовлетворительно решена без знания биологии.

А сколь важна и интересна тема, завязанная на понимании проблемы формирования социального разнообразия по законам сборки *фрактальной диатропической сети*?

Что есть естественная социальная клетка? И более того, что есть минимальная социальная клетка? Суждения А. Зиновьева на эту тему могли бы быть много более значимыми и интересными, если бы он хорошо знал биологию.

В принципе, сегодня вполне может быть поставлен вопрос о возникновении нового направления социологии — *социальной бионики*.

И немного о креационизме. На мой взгляд, наука не должна отворачиваться от суждений и аргументации специалистов, которые основаны на *фактах (!)*, специалистов, которые считают, что в мире невидимом, в мире метафизическом скрыты главные тайны, связанные с эволюцией жизни. Убежден, что ни одна из загадок биопоэза, появления эукариот, формирования конструкций онтогенеза не может быть разгадана в принципе, если не будет допущено существование ноосферы, если не будет признано существование информационно-энергетических конструкций метафизического мира.

Кандидат геологических наук Н.В. Лебедев в книге «Жизнь природных стихий» пишет: «Восточная философия — это величайшее творение человеческого разума. В силу своего своеобразного развития она буквально пропитана живым образом окружающей природы. Этот образ постоянно генерировал и генерирует широкий спектр идей в различных областях знания от математики до медицины. Но в целом научное значение восточной философии до сих пор еще не получило должной оценки».

«Да будет всем известно, что восточная философия представляет собой общую теорию естествознания, которая при внимательном ее прочтении ни в чем не уступает современному знанию. Большая наука только подходит к базовым истинам, хорошо известным на Востоке еще три тысячи лет назад».

Выражаю полную солидарность с этим мнением.

В качестве примера вспомним современные представления о *психогенетике инстинкта*. Это раздел психогенетики — науки, которая занимается исследованием фактов работы психологической памяти, не подчиняющихся законам Менделя. Но поскольку специалисты, занимающиеся психогенетикой инстинкта, не дали неких решительных интерпретаций своим открытиям, ситуация зависла. Дело в том, что психогенетика инстинкта не может соперничать с классическими постулатами генетики. У генетиков множество фактов успешно связываются между собой из-за того, что найдена и хорошо изучена ДНК. Она есть материальный носитель генетической информации, определяющий структуру белка, но она *не есть материальный носитель информации психогенетической*. Не найдены носители психогенетической памяти. Но они существуют. Ведь существуют же врожденные характеристики личности. Где они записаны? *Где записаны тексты инстинктов животных и человека?* Да, можно предполагать, что эта информация хранится в структурах метафизического мира. Но если внимательно вдуматься в многочисленные факты, полученные психогенетикой, то получится, что эта информация хранится именно в метафизическом мире — только там и нигде более. Подчеркнем фундаментальную социальную значимость этого вывода. Между тем, поскольку большая наука избегает разговора о существовании

мира метафизического, ситуация со всем комплексом проблем психогенетики не могла не зависнуть.

Еще одно маленькое замечание. Говоря о работе П.А. Кропоткина, посвященной факторам взаимопомощи в эволюции, наверно, все же следует вспомнить и о его предшественнике — нашем соотечественнике К.Ф. Кесслере, который практически сразу откликнулся на работу Дарвина и первым дал правильное направление основным идеям биологического и социального развития.

И последнее. Давая характеристику связей между социальными и биологическими науками, думаю, все же следует упомянуть и о новом, быстро набирающем силу разделе биологии, который называется «биополитика». Тем более что это направление науки вполне успешно развивается и в нашей стране.

Проблемы эволюции и коэволюции некоторых аспектов российской картины мира

С.И. Реснянский, доктор исторических наук

Мне представляется, что эволюционизм применительно к природе и применительно к обществу, к социуму и прежде всего к культуре — это совершенно разный эволюционизм. Я думаю, что Дарвин и тем более его адепты — прежде всего западные последователи эволюционной теории (я уже не говорю о политическом срезе всего европоцентризма, который покоится на этом пресловутом концепте), — все это, безусловно, протестантская рефлексия на природу человека. И пример того, как Запад, и прежде всего США, раскачивая маховик своего производственного потенциала, овладевали природой, оставляя за собой гигантские экологические проблемы, которые не решаются по сей день. Именно об этом прекрасно говорил Владимир Николаевич Шевченко, ссылаясь на книги Георгия Гачева. С ним я совершенно согласен.

Действительно, и Дарвин, и Маркс, капитализм и социализм — безусловно, один и тот же концепт: вверх от обезьяны, единый, монистический взгляд на мир, так сказать, единый материалистический круг с доминантой желудка в сознании человека — не более того. Это взгляд на человека и общество, который по сути дела от-

рицает у человека его духовно-нравственную природу, отлучая человека от духовных основ бытия. Все это эволюционное движение имеет место в плоскости евклидова пространства, где царствует логика евклидова мышления.

Сегодня мы наблюдаем коллапс детерминистского прогрессизма с его прометеевско-фаустовскими претензиями. Крах мифа о тотальной вестернизации как единственно правильного вектора к всеобщему счастью рода людского по пути построения постиндустриального эдема (наверное, только для золотого миллиарда, да и то очень проблематичного). Это то, о чем говорил Степан Степанович Сулакшин и, собственно, в чем суть нашего семинара. Об этом же напомнил нам Вардан Эрнестович Багдасарян, говоря о коррозии, о кризисе аристотелева человека сегодня. Это то, к чему, собственно, приходят сегодня многие последователи Дарвина на Западе, говоря о серьезном кризисе эволюционной теории как гносеологической модели сегодняшнего мира. И в этой связи я не случайно задал вопрос докладчику о возможности адекватного использования теории эволюции в исследовании природы, культуры, истории России и, в частности, русской общины.

На мой взгляд, мир русской общины, который, как мне представляется, до сих пор до конца не исследован, несмотря на обилие всевозможных публикаций, — совершенно особый мир — мир соборности, мир той самой взаимопомощи и товарищества, где существовали коллективная собственность на землю, конфессиональная основа быта по «домострою» и т. п. Это то, что не претерпевало кардинальных перемен на протяжении многих веков, где, как мне представляется, не было никакой эволюции (от добра добра не ищут). Парадокс заключается в том, что русскую общину начали изучать в середине XIX в. социалисты всех мастей — от Герцена до Кропоткина и т. д. и т. д. — по книге «Русская община» (автор, как ни странно, германский историк, экономист Гакстаузен, который написал этот толстенный том в Германии). Ничего другого не было в XIX в., и поэтому в основу своих политических концепций, так сказать, теоретик анархизма Кропоткин положил как раз эту книгу. И говорил в своей публикации об эволюции русской общины.

Я считаю, что это неправильно. И, кстати сказать, российская история заплатила за непонимание этой неправильности. Мне представляется, что Аркадий Столыпин (признаться, я резко отрицательно отношусь к столыпинским реформам), который разрушил русскую общину своими реформами, привел тем самым по сути дела к слову российской государственности, к февралю 1917 г. Большевики, в свою очередь, реанимировав в искаженной, уродливой форме русскую общину в виде колхозов, тем самым продлили свое существование, несмотря на всю утопичность коммунистической доктрины.

Все это я говорю потому, что русская крестьянская община, ее генеалогия — очень сложная проблема, и однозначно применять к ней эволюционный концепт так легко, как у Вас, Игорь Константинович, это делается в докладе, на мой взгляд, в лучшем случае некорректно.

Что касается коэволюции, о которой Вы говорите в своем докладе, то я посмотрел, заинтересовавшись этим термином, Большой энциклопедический словарь, изданный белорусскими учеными под редакцией профессора Солодовникова. Там написано: «Коэволюция. «Ко» — приставка, означающая в ряде языков совместность, согласованность. Возникнув в биологии, коэволюция перешла на социум».

В этой связи мне непонятно, каким образом все многообразие русской философии — в частности, и теория культурных типов Данилевского, и, скажем, философия его оппонента Владимира Соловьева, который, кстати сказать, иронизировал над эволюционной теорией Дарвина, в шутку говоря, что человек произошел от обезьяны, так давайте любить друг друга, — вот все эти вещи, как они могут быть совмещены в этой коэволюции?

С другой стороны, если обозначить русскую философию как некий континуум, то можно сказать, что да, все стороны, как называет их в Большом энциклопедическом словаре Солодовников — оппозиционные стороны, претерпевают эволюцию. Скажем, паразит и хозяин, хищник и жертва. В этом плане и русские философы, которые придерживались эволюционных взглядов (такие как Богданов и Кропоткин, Соловьев, Леонтьев, Данилевский и т. д., которые совершенно несовместимы по своему мировоззрению),

как они могут быть совмещены просто в термине «русская философия»? И тогда, наверное, возможно применение к русской философии во всем ее объеме понятия коэволюции. А с точки зрения Вашей конкретики эволюционной теории применительно к русской философии, как это прозвучало в докладе, я считаю, что это некорректно.

В целом доклад мне очень понравился. Я не занимаюсь биологией и эволюцией в биологии, и мне было очень интересно Вас послушать. Я Ваши книги почитаю, и сегодня, например, отметил для себя название Вашей книги «Россия: многообразие культур и цивилизаций». Я ее обязательно прочитаю. Это, видимо, будет очень интересно.

Бог и эволюция: эволюционная теория в дискурсе цивилизационных проектов

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Надо четко определить, в каких дихотомических полях находится категория эволюции. А таких полей два. С одной стороны, категория эволюции как развитие противостоит концепту неразвития. Но я сосредоточу внимание на второй категориальной дихотомии: эволюция противопоставляется революции.

В ходе дискуссии поднимался вопрос об ароморфозе. И здесь возникает развилка в трактовке: либо развитие есть монотонный процесс, либо развитие осуществляется скачкообразно. О чем говорят современные достижения науки? Что сейчас предъясняется в качестве мэйнстрима? О том, что видообразование могло быть только скачкообразно, говорят и современная генетика, и палеоархеология. В частности, сегодня доказано, что прямохождение не могло возникнуть путем длительного накопления позитивных признаков, как утверждала дарвиновская теория, а только сразу. Если бы такой длительный переход имел место, то на определенном этапе предки человека перемещались бы «смешанной» походкой, переходя от четырехконечного к двухконечному передвижению. Но, как показал в своих исследованиях английский палеоантрополог Р. Кремpton, такой «смешанный» тип невозможен. Живые

существа могут перемещаться либо одним, либо другим способом. «Смешанный» вариант принципиально повышает затраты энергии, а это противоречит характерному для живой природы стремлению к биологической оптимизации. Значит получается, что человек возник «мгновенно», в том числе как прямоходящее существо и, вероятно, как разумное.

Палеоархеология констатирует сегодня, что нет переходных форм от одного вида к другому. Ч. Дарвин в свое время видел слабость своей теории в отсутствии подтверждающих эволюционный процесс останков. Однако он надеялся, что такие переходные формы будут со временем обнаружены. Но прошло полтора столетия, а принципиального нового в этом направлении так и не найдено. Наука располагает лишь несколькими экземплярами останков, используемыми для иллюстрации дарвиновской версии. Да и то в отношении фактически всех предъявляемых останков высказываются серьезные сомнения в их достоверности.

От выбора версий развития между эволюцией и революцией производны многие значимые послы. Этот выбор определяет, в частности, различие политических платформ. Сообразно с выбором в пользу эволюции, существующий мир выстраивается путем накопления позитивных качеств. Рост в этой версии тождественен развитию. Выбор революции подразумевает, что в целях развития, достижения нового качественного состояния существующий мир надо преобразовывать парадигмально. Отсюда политическая развилка: на одной стороне — либералы и социал-демократы, на другой — большевики.

Из эволюционной теории Ч. Дарвина вышло много направлений. Одним из видных дарвинистов был Г. Спенсер. Он, как известно, был и либералом, и теоретиком социал-дарвинизма. Что подразумевало принятие спенсеровского направления эволюционной теории? Из идеи монотонного, неревolutionционного процесса следует, что между биологической и социальной жизнью принципиальной инверсии в развитии нет. Социальное напрямую вытекает из биологического. А отсюда идет принятие модели человека как особого вида животного (политического животного или животного, производящего орудия труда). Именно эта антропологическая модель была взята за основу в реализации западного проекта. Если

человек — это один из типов животного, то биологическая борьба («борьба за существование») имманентна его природе.

Совершенно другая проекция на социальную сферу следовала из принятия сальтационной (революционной) версии развития. Упомянутый в дискуссии П.А. Кропоткин был, как известно, не только эволюционист, но и сторонник революции. С его именем связано развитие анархистского направления в революционном движении. Но революционное учение П.А. Кропоткина и его работы в сфере биологии были тесно связаны между собой. Согласно сальтационному подходу, при переходе от биологического уровня жизни к социальному происходит некая инверсия. Социальная жизнь выстраивается иначе, чем биологическая. Человек в рамках этого подхода уже не является животным.

При принятии сальтационной версии развития возникает вопрос об определении механизмов качественных переходов в развитии. Еще с гегелевских времен говорили, что в качестве такого механизма действует закон о переходе количества в качество. Но возникает генетика, и традиционная объяснительная модель дает сбой. Выясняется, что от количества хромосом не зависит сложность биологического вида. У человека 46 хромосом, а у креветки — 92.

Далее: не возникает ли противоречия второму началу термодинамики о возрастании энтропии в замкнутых системах? Развитие природы в сторону усложнения, если система замкнутая, невозможно; значит система незамкнутая, материальный мир.

Еще одно противоречие традиционного эволюционистского подхода возникает при соотнесении его с основными законами термодинамики. Концепция породившего эволюционный процесс «большого взрыва» противоречит второму закону термодинамики. Энтропия должна была бы увеличиваться, а потому ни о какой самопроизвольной упорядочивающей эволюции не может идти речи. Такое же противоречие имеет место и в отношении версии о вечном существовании Вселенной. Согласно второму закону термодинамики, материальный мир деградировал бы до состояния хаоса, и появление в результате эволюции высокоорганизованных структур не представляется возможным. Следовательно, без некоего несистемного (или внешнего) с позиции упомянутого закона по отношению к Вселенной движителя эволюционного

процесса (в религии его роль принадлежит Богу), сама идея эволюции оказывается уязвимой.

О том, что второй закон термодинамики свидетельствует в пользу правильности религиозного взгляда, говорится уже довольно давно. Сторонники материалистического объяснения пытаются возразить в том плане, что закон роста энтропии применим только для изолированных (консервативных) систем, тогда как в отношении открытых (диссипативных), каковым является материальный мир в целом, он не действует. Но что значит диссипативность материального мира? Если мы говорим, что материальный мир не есть изолированная система, то следовательно, вне его существует еще какая-то феноменологическая реальность. А признание феноменологической реальности за пределами материального мира это и есть не что иное, как констатация некоей внесистемной реальности, о которой ничего не известно, кроме того, что она существует. На уровне такой неопределенности знания о ней это тождественно религиозной номинации Бога.

Сложность мироустройства традиционно использовалась как аргумент в пользу религиозного объяснения происхождения мира. В противовес креационистской аргументации, секулярная наука утверждает возможность достижения соответствующей сложности мира естественным эволюционным путем. Однако появление по ходу развития научного познания новых количественных данных о различных физических и химических процессах подтверждает версию о наличии целенаправленного разумного начала в происхождении мира. Количество возможных вариантов природогенеза оказывается столь велико, что возникновение жизни путем случайного выбора правильного из них не представляется вероятным. Так, только в одной молекуле ДНК заложен такой объем информации, что для ее случайного возникновения не хватило бы времени, в миллиарды миллиардов раз превышающего максимальную продолжительность существования Вселенной. Следовательно, оптимальный вариант выбирался целевым образом.

Как из «неживого» произошло «живое»? Все попытки лабораторным путем получить из неорганического вещества органическое пока оказались безуспешными. Как произошла клетка? Во

времена Ч. Дарвина доминировал концепт «случайного» образования клетки. Однако тогда адекватных представлений о степени сложности строения клетки еще не имелось. Последующее же ее изучение привело к заключению о недоказанности версии проявления природой случая.

В математике, как известно, принимается, что вероятность $1/10^{50}$ есть «нулевая» вероятность. Между тем, вероятность создания только одной молекулы белка, содержащей 500 аминокислот, составляет $1/10^{950}$. А для создания одной бактерии — $1/10^{40000}$. Таких «случайностей» и их перекрестных сверток должно было произойти бесчисленное количество. Следствием развития микробиологии стала, таким образом, констатация затруднительности выдвижения иного «научного» объяснения происхождения живого, чем признание действия внешнего начала.

Таким образом, современный уровень развития науки позволяет принять по отношению к выстраиванию объяснительных моделей мегавременного развития две принципиальные констатации: во-первых, система материального мира открытая, и он взаимодействует с некими акторами, находящимися вне его пределов; и во-вторых, внешнее воздействие на материальный мир осуществляется целевым образом. Признание обоих положений выводит на идею существования Бога. А отсюда, как вывод, эволюционизм оказывается невозможным без провиденциализма, без вмешательства внешних сил в материальное развитие мира. Сальтационные качественные переходы непротиворечиво объясняются этим вмешательством.

Что эти выводы дают для социальной практики? Попытаемся в этом разобраться через анализ социальных проекций дарвиновской теории эволюции.

В дискуссии прозвучал тезис о целевой раскрутке теории Ч. Дарвина. У нас на этот счет имеются статистические расчеты. В нашем распоряжении имелся архив газеты «Таймс» за всю длительную историю существования издания. По этому архиву велся расчет частотности употребления различных понятий на предмет проверки гипотезы об использовании СМИ как инструмента информационных манипуляций массовым сознанием. Так вот, кривая использования понятия «борьба за существование» пошла

вверх еще до появления в 1859 г. знаменитой дарвиновской книги «Происхождение видов».

Для объяснения того проектного замысла, который связывался с дарвинизмом, важна реконструкция исторического контекста его происхождения. Многие поясняют слова самого Ч. Дарвина, помещенные в шестой главе книги «Происхождение человека и половой отбор». Отталкиваясь от открытого им эволюционного закона, автор давал такой прогноз: «В недалеком будущем, возможно, уже через несколько сотен лет, цивилизованные расы целиком вытеснят или уничтожат все варварские расы в мире».

В чем состоял исторический контекст дарвиновских публикаций? К этому времени окончательно устанавливается модель мировой колониальной системы. Она зафиксировала глобальную гегемонию Запада. Колониальной державой № 1 выступала, как известно, Британская империя. Характерно, что именно в год выхода «Происхождения видов» англичане подавили сипайское восстание, устанавливая окончательно свое господство над Индией. Волна шовинизма и расизма захлестывает Великобританию. Ультрасистские высказывания позволяет себе даже Чарльз Диккенс. Новая мировая система требовала научного обоснования. И тут, как нельзя кстати, появляется теория Ч. Дарвина. Господствующее положение в мире западного человека объяснялось его видовыми преимуществами над другими расами и народами в борьбе за существование.

Для второй по известности и значимости книги Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» вполне подходило бы определение как ультрарасизм. Деление на высшие и низшие, цивилизованные и нецивилизованные расы составляет один из главных содержательных мотивов этого сочинения. Остается удивляться неоднократному переизданию данной книги в Советском Союзе.

Между тем, Ч. Дарвин утверждал, что разные расы есть разные биологические виды. В пользу своего утверждения он приводит, в частности, довод о различиях вшей, не переносимых будто бы от одной расы к другой. Более развитое обоняние у неевропейских народов, по сравнению с европейцами, есть, по Ч. Дарвину, прямое свидетельство их большей близости к животным. Отмечается как

признак расовой иерархии различие в строении черепов (короткоголовые, длинноголовые). Обезьяньими проявлениями у низших рас считал создатель теории естественного отбора распространенный среди них феномен несовпадения цвета волос на бороде и голове индивидуума. Такое явление, указывал Дарвин, достаточно распространено у азиатов и обезьян, но среди европейцев встречается в исключительных случаях.

Но, как известно, скрещивание разных видов не может давать потомства. Между тем, уже во времена Дарвина межрасовая брачность была явлением достаточно массовым. Пытаясь снять это противоречие, автор «Происхождения человека» выдвигает невесть откуда взявшееся утверждение, будто бы плодовитость метисов и мулатов значительно ниже, чем у несмешанных рас. Он пишет об их сравнительно низкой жизнестойкости. Отсюда дарвиновский прогноз в отношении метисизированной Южной Америки и о ее депопуляции. Эта гипотеза полностью опровергнута. Сегодня репродуктивность южноамериканских метисов значительно выше, чем, например, европейцев.

Наследственным путем, согласно Дарвину, передаются даже нравственные качества народов. Отсюда якобы низшие расы менее нравственны, чем европейцы. И итог — низшие расы должны объективно вымереть, как вымерли в свое время человекообразные обезьяны.

Работы Дарвина не были инцидентны для интеллектуального пространства западной цивилизации. Идея борьбы за существование корреспондируется еще с гоббсовской версией мироустройства как глобального поля борьбы. Сам Ч. Дарвин апеллировал к Т. Мальтусу с его концепцией о заданности борьбы за ресурсы. Дарвинизм в этом отношении четко соотносился с единым фарватером западного проекта.

Принципиально иное предлагал русский — российский — советский проект. С ним соотносились и взгляды П.А. Кропоткина. Главное в этом проекте — идея солидаризации. Русский проект пытался выстроить мир не на парадигме борьбы, а на иных — солидаризационных основаниях.

Но почему советский проект в свое время провалился? Отвечая на этот вопрос, мы выходим вновь на проблему определения дви-

жущих сил развития. Сказав «А» — что развитие идет посредством скачкообразных переходов, большевики не сказали «Б» — что эти переходы осуществляются через вмешательство высших идеальных сил. Оставшись на сугубо материалистическом фундаменте, советский солидаризм при организации дискуссии с Западом на уровне измерения материальных благ проиграл. На определенном этапе развертки советского проекта была минимизирована метафизика. Вместо идеи преобразования человека (новый скальционный переход), которая имела истоки в религиозной традиции, осуществился переход к решению задач сугубо материального свойства. С выдвиганием императива «обогащайтесь» советский проект фактически закончился.

Новый российский проект, если таковой состоится, должен учитывать прежние ошибки. Его формирование видится в соединении солидаризационного начала, которое было воплощено, в частности, в советском проекте с христианской религиозной трансценденцией. За сим и победим.

Основы философии будущего: аналитический аспект

В.В. Летуновский, кандидат юридических наук

Свое выступление вновь начну с утверждения, что сложившуюся форму организации и проведения семинаров в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования необходимо постепенно трансформировать. Цель — сделать семинар эффективной площадкой выработки неслучайных вариантов управленческих решений по обсуждаемой теме. Уйти от эмоционального восприятия политических, экономических, социальных ситуаций текущего дня и заняться серьезной аналитикой. Вершина аналитического мастерства — обмен результатами объективного стратегического анализа по проблеме и выработка подходов к ее решению

Прошлый и нынешний семинары не затрагивали вопросы проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Технология их проведения была проста — субъективное

описание сложившейся ситуации и постановка внешне проблемных вопросов с последующим уходом в кулуарное обсуждение известного заранее диагноза и отражение высказанных точек зрения путем опубликования. При этом много внимания уделяется историческому контексту и критике принятых кем-то и зачем-то решений. Теоретический фундамент, перспективы, прогнозы и варианты управленческих решений остаются вне поля зрения семинара.

Хочется напомнить, что концентрация коллективной мысли на историко-политической критике была характерной чертой салонов XIX в. Там происходило томление дум и духа аристократии под высокопарные речи о необходимости изменений в обществе. В американской интерпретации такие места для народа именовались салуном. Для жителей это было не просто питейное заведение, а своеобразный культурно-досуговый центр, где можно было свободно обсуждать последние политические новости.

Все эти салон-клубы выродились, оставив о себе память как о местах бесполезного или веселого время препровождения.

Любые дискуссии должны давать результат — отрицательный, положительный, но результат.

Например, уважаемый Дмитрий Сергеевич Чернавский выполнял в свое время некий заказ, который ему сделали представители органов безопасности. Они попросили его рассмотреть исследованную им иммунную систему человека с позиций оценки возможности переноса иммунных механизмов в систему обеспечения безопасности общества. Основные результаты исследований иммунных механизмов он сформулировал так: когда в организм попадают вирусы и иммунная система распознает их вид, то начинается интенсивная генерация клеток-киллеров вирусов. Они распространяются по всему телу человека, находят и убивают вирусы. Но когда вирусы уничтожены, то возникает вопрос: что делать с оставшимися клетками-киллерами вирусов? Оставлять в живых их нельзя, поскольку не найдя вирусы, они начинают нападать и убивать здоровые клетки организма. В этом случае иммунная система начинает генерировать клетки-антикиллеры, которые приступают к поиску и уничтожению клеток-киллеров вирусов.

Дмитрий Сергеевич предположил, что аналогичный механизм будет полезен и в социальной системе, однако для его реализации

потребуется иметь в структуре системы безопасности некоторый интеллектуальный инструмент (мозг безопасности), который должен в зависимости от количества и типов врагов (социальных вирусов) генерировать соответствующее количество и типы социальных защитников. После устранения угрозы необходимо перенацеливать социальных защитников на другую социально-значимую деятельность.

Если бы таким механизмом безопасности обладало советское общество в 1937 г., то многих «перегибов» и «перекосов» оно могло бы избежать.

Работать с такими учеными, как Дмитрий Сергеевич, одно удовольствие, а их выводами и предложениями можно и нужно пользоваться. К сожалению, грамотная постановка проблемы и выработка вариантов ее решения все чаще становятся редким исключением.

Вот другой пример подхода к делу, который будет близок и понятен нашему докладчику — Игорю Константиновичу Лисееву.

Когда в Институте философии РАН ушел с должности директора института В.С. Степин и пришел новый руководитель — А.А. Гусейнов, у нас с ним состоялась встреча. Мы обратились с предложением: «Давайте попробуем с философских позиций разобраться с категориями “развитие” и “безопасность”, их взаимосвязями, а также с тем, как правильно применять эти категории к обществу, государству и человеку». А.А. Гусейнов пригласил господина В.Е. Лепского и еще кого-то. Поговорив с ними на эту тему, мы получили резюме руководителя института: «Да, задача интересная, но сейчас не к месту — денег нет, людей нет. Приходите позже — может быть, чем-нибудь и поможем».

Поэтому мы благодарны руководителю семинара Степану Степановичу Сулакшину и докладчику Игорю Константиновичу Лисееву за то, что наконец-то вновь имеется возможность задать вопрос Институту философии РАН: «Вы готовы начать разрабатывать современные философские и методологические основания добротной прикладной теории развития и обеспечения безопасности общества и государства?». Время уходит... Ситуация критическая, и возрастает необходимость систематизировать и не случайно применять на практике фундаментальные знания о безопасности и развитии сложных социальных систем.

Конечно, то, что мы сегодня услышали от докладчика, можно отнести лишь к осознанию актуальности выработки знаний, касающихся истории вопроса и анализа достигнутых результатов в сфере природной и социальной эволюции. Поэтому, если этот доклад рассматривать как некий отчет о результатах предварительных философских исследований по вышеуказанной теме, то его можно одобрить и принять. Но следует сделать и следующий шаг — наметить контуры дальнейших исследований в данном направлении.

В этой связи мне хочется сказать следующее. Философия — это всегда система категорий, закономерным образом полученных и взаимоувязанных друг с другом на основе использования метазнаний. Мы помним, как долгое время философы бились за чистоту этих категорий. Знаем историю создания Г.В.Ф. Гегелем диалектической логики, приумножившей наследство Эммануила Канта. Помним К. Маркса, поставившего ее на «материальные ноги» для написания экономической теории и теории социального развития, используя основы теории эволюции. Маркс утверждал, что общество развивается в ходе борьбы — сословной и классовой или еще какой-либо. В ходе этого процесса меняются общественные и производственные отношения, а вместе с ними изменяется и структура политической организации общества. Эта идея до сих пор плодотворна и жива. По крайней мере, передовая западная мысль продолжает ее чтить, изучать и применять.

Однако время не стоит на месте и требует от философии новых продвижений в познании фундаментальных законов эволюции общества. Такое продвижение может быть основано на исследованиях взаимодействия и взаимосвязи трех пар диалектически противоположных категорий:

- развитие — безопасность;
- экономика — политика (как управление);
- экология — космос (как внутренний и окружающий миры).

Необходимо заметить, что Маркс выстроил всю свою теорию на исследовании взаимосвязи только одной из указанных диалектических пар категорий, а именно экономика — политика или политической экономии.

Другие диалектические пары категорий им не рассматривались из-за отсутствия в то время необходимых знаний и закономерностей.

В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и многие другие ученые сумели доказать, что не менее важными для создания теории эволюции общества являются категории «космос» и «экология».

Две мировые войны в XX в. продемонстрировали важность категорий «безопасность» и «развитие». Вот по проблемам раскрытия и взаимосвязи этих категорий, а также учета их в теории эволюции общества очень важно начать серьезную дискуссию в философском сообществе, продолжить ее с социологами и политологами, а затем и в прикладной плоскости, т. е. с математиками и аналитиками.

Пусть предложенную нами систему основных категорий критикуют, разбивают на части, предлагают другую — более совершенную. Пусть даже придумают совсем другую систему категорий. Самое главное — мы должны создать новую теорию эволюции социума и человека, т. е. то, что нужно Степану Степановичу для разработки его прикладных трудов, позволяющих сделать деятельность политиков, управленцев, экономистов различного толка не только взаимно отрицающей (разрушительной), но и взаимодополняющей (созидательной).

Замечательный, малоизвестный в нынешние времена философ из Новосибирска В.П. Фофанов в 80-е гг. XX в. много размышлял и писал на эту тему. Он утверждает, что любая социальная система — это сложная система, в которой всегда должны быть наборы элементов взаимоотрицания и наборы элементов взаимоположения. При неправильной организации их взаимодействия возникают ожесточенная конкуренция, конфликты, войны и деградация, а при правильной — взаимопомощь, согласие, мир и развитие. Аналогичные представления о системном подходе как о совокупности взаимодействующих элементов были высказаны и академиком П.К. Анохиным при описании принципов построения функциональных систем.

Мы сегодня много говорили и том, что источником эволюции общества являются и пассионарные толчки, увязанные чтимым нами математиком С.Ю. Малковым с климатическими изменениями. А насколько верно все это? Может быть, лучше вернуться к достижениям передовой философской и научной мысли и начать рассуждать по-другому?

Вот, например, так: любое общество может находиться в состоянии мира или войны, деградации или развития, бедности или благополучия и т. д. В том случае, если мы фиксируем реализацию одного из этих состояний, можно утверждать, что в обществе начинают доминировать определенные базовые социальные процессы и отношения, которые в конечном итоге приводят к соответствующим социальным эффектам и результатам. При таком взгляде жизнедеятельность общества в состоянии мира и войны будет всегда рассматриваться с разных позиций. Так, например, Первая и Вторая мировые войны вынудили передовые страны мира осуществить экономическую и научно-техническую революцию, а в мирное время она переросла в информационную.

Из этого факта можно сделать вывод, что в мирное время общество не успокаивается в своем развитии, а лишь переносит акценты своего развития из материально-технической сферы в информационно-духовную. Такими выводами уже можно пользоваться при осуществлении государственно-управленческого проектирования. К сожалению, подобных выводов в докладе не прозвучало. Это предполагает огромные возможности докладчика раскрыть кладовую своих знаний и представить без всяких стеснений философское осмысление реалий движения современного социума.

В этой связи обращаюсь к уважаемым участникам семинара с предложением использовать площадку Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования для плодотворных дискуссий и выработки предложений по организации дальнейших эффективных исследований. Еще раз предлагаю. Давайте определим, что такое «развитие», чем оно отличается от «эволюции», какая следующая социальная формация; а если не формация, то какой следующий тип общества ждет человечество.

Био-, социо-, духовная эволюция: далее везде

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Нужно немножко перевести дух, потому что напряжение только возрастает. Позвольте мне тоже ответить по вызовам темы о биологическом и социальном в эволюции. Отвечать буду на некоем своеобразном языке, за который прошу извинения, но так уж получается.

Начну, естественно, с того, что под категорией эволюции во всем дальнейшем я понимаю движение к совершенствованию, движение к идеалу. Созвучно этому понимается прогресс. Тогда регресс — это будет уже не эволюция, а инволюция, удаление от идеала. Понятие идеала становится краеугольным и требует иметь представление об идеале человека и его сообщества как категориях. Без этого все рассуждения об эволюции повисают в воздухе.

Основана моя модель на представлении о том, что эволюционирует жизнь — это подчеркивается. Главное целеполагание бытия — это повышение жизнеспособности, т. е. способности быть. На рис. 1 представлено графическое изображение изменчивости потенциалов жизни, которые в совокупности формируют указанную способность, а именно — быть.

Когда-то в мироздании жизни — в ее обозримых для человека формах — не было (на рис. 1 ее не было именно в нулевой точке), а начала жизнь развиваться в своем биологическом потенциале.

Образцы жизни возникали как единичные, как отдельные особи. Жизнеспособность образцов жизни возрастала по мере развития их биологического потенциала. Что это за потенциал? Это, как определил Дарвин, способность противостоять вызовам среды и конкурентов в своей нише. То есть множество физических характеристик организма: сила, ловкость, приспособленность к пищевой нише и месту развития, развитость сигнальной системы. Эти свойства эволюционно развивались в конкуренции, в борьбе за существование. Кто сильнее и способнее — тот выживал, «сожрав» соседа-конкурента. Линия жизни шла вдоль оси «биогенез» («антропопогенез»), какое-то историческое время от нее не отклоняясь. Под понятием «жизнь»

мы понимаем сложную систему, воспроизводящую себя и стремящуюся к пространственной и временной экспансии²⁶.

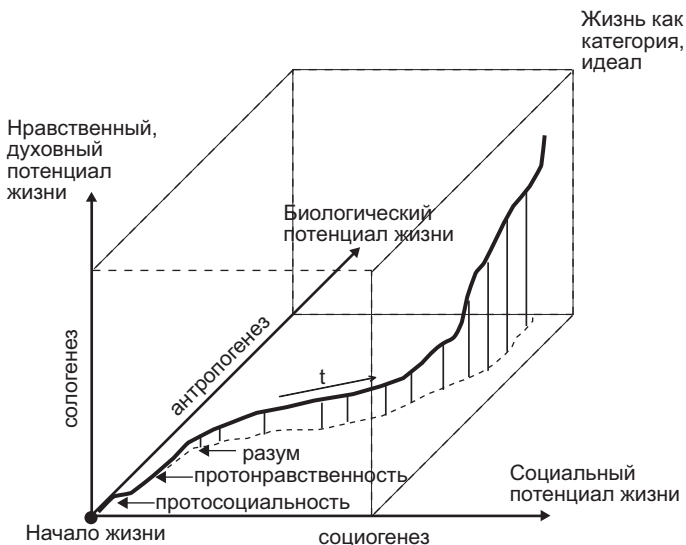

Рис. 1. Трехмерное пространство эволюции жизни

Для этого эволюционно возникают информационные, энергетические, материальные связи, обмены и на каком-то этапе — способность, которую мы именуем сознанием или разумом. Итак, процесс эволюции живого начинается вдоль оси биогенеза, возрастает биопотенциал жизнеспособности эволюционирующей жизни. Очевидно, что движение вдоль этой оси имеет предел — некий идеал совершенства. Здесь возникают непростые парадоксы. Прежде всего, что такое сброс биологичности, во что она преобразуется при переходе к первому асимптотическому приближению? Мы

²⁶ Сулакшин С.С. Категориальная (сущностная) эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем // Категориальная сущность и эволюция человечества. Материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2011.

парадоксально ускоряем вновь биологическую как бы эволюцию, но при этом понимая, что она уже пришла к пределу, к идеалу. Объяснить это можно только одним образом: это даже не инволюция, это контрбиологическая эволюция, когда человек избавляется от тела — оно ему перестает быть нужным, заменяется протезами, заменяются материальные процессы, физическое тело у человека исчезает, он его отбрасывает. На рис. 2 показано, что происходит в этом случае. Чтобы, достигнув идеала развития по одному потенциалу, развиваться далее — нужно выйти в другое пространство иного качества развития. Происходит «разворот» эволюции. Биологическая эволюция преимущественно сопровождалась конкуренцией, борьбой за выживание. Особи стремились выжить за счет «поедания» других особей.

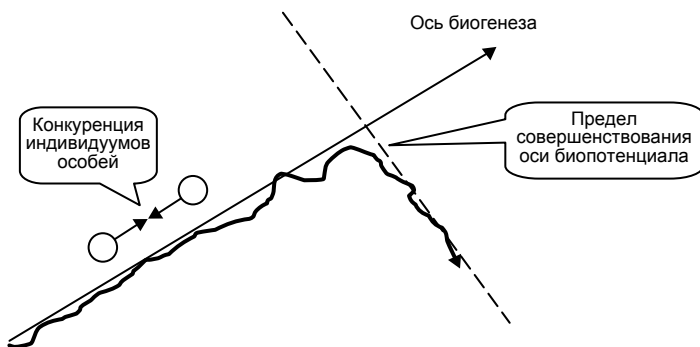

Рис. 2. Чтобы, достигнув идеала развития по одному потенциалу (одной оси), развиваться далее — нужно выйти в другое пространство иного качества развития

Перенос этого образа в социальную среду оформляется идеологией и теорией социал-дарвинизма.

Есть еще одно важное соображение. Приближение к идеалу всегда замедляется по мере увеличения близости к нему. Это описывается понятием асимптотического приближения: идеал никог-

да не будет достигнут, но приближение к нему не прекращается, лишь становясь все менее интенсивным по объему приобретаемых улучшений свойств в единицу времени. Именно асимптотическое движение у предела совершенства предыдущего качества и «поворот» в иное качество развития делают возможным продолжение эволюции. В противном случае ее исчерпанность была бы неизбежна. Развитие прекратилось бы.

Можно сформулировать правило эволюции жизни: исчерпанность эволюции в каком-либо потенциале порождает возникновение нового качества жизни. Новизна возникает, по-видимому, в главнейшем физическом проявлении жизни — взаимодействии с себе подобными. Так от *борьбы за выживание* и конкуренции особи должны были перейти к *кооперации в поведении*. От индивидуумного поведения — к коллективному (рис. 3).

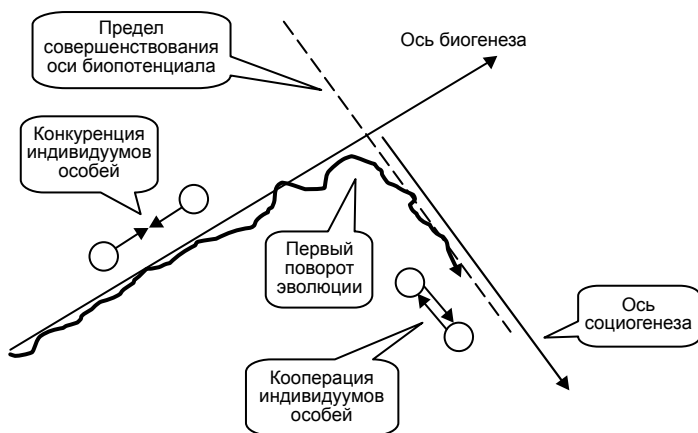

Рис. 3. Переход из пространства эволюции биологического (антропологического) в пространство социальное. Первый поворот — возникновение сознания и социальности

Второе пространство качества жизни, ее социальности (кооперативности, коллективности) как бы отбросило первый принцип

эволюции — конкуренцию, борьбу всех со всеми. В социальной природе это, очевидно, переход от либерального образца в виде конкуренции индивидов к социальности, коллективности, общности и т. п. Происходит первый эволюционный поворот, который «отбрасывает» предыдущий способ взаимодействия особей.

В действительности это происходило так, как показано на «итожащем» рис. 1. В биологической природе у отдельных атомизированных особей возникло протосоциальное поведение — первые реализации способа взаимодействия в виде кооперативности. Стадо, стая, рой, муравейник. Парное существование (лебеди), даже протообразцы альтруизма, любви и протонравственности, хотя это принципиально человеческое, а не биологическое понятие. На пути дальнейшей, все еще преимущественно биологической эволюции в какой-то момент (около 40 тыс. лет назад) у человека возник разум, появилось сознание. Оно дало особи мощное преимущество перед неоразумленными организмами и возможность ускорения эволюции жизни уже во втором пространстве социального прогресса — пространстве социогенеза. Заметим, что здесь очень важна множественность индивидов, иначе о кооперативности речи быть не может. Но ведь принцип жизни — умножать численность — как раз и обеспечивает это требование. В этом пространстве отжившим и рудиментарным являются представления о конкуренции и индивидуумности, присущие тривиальному либерализму. Перенос биологических принципов на социальное пространство эволюции является инволюционной девиацией. В случае с СССР, например, переход в РФ на асоциальные рельсы есть инволюция и отклонение от пути прогресса. Это становится, по плачевным результатам развития, сейчас уже все более очевидным, что нашло отражение и в мировых трендах, а в скором будущем будет нетерпимым для общества и государства.

Но по уже предложенной логике и для совершенствования в этом пространстве должен быть свой предел-идеал. И вновь асимптотическое приближение к нему (рис. 4).

Второй поворот эволюции сбрасывает социальность. Но что это означает? Это означает, что от множественности, т. е. от наличия многих идентичностей мы должны уйти к появлению единичности и целостности. Кооперация как таковая исчезает, потому что

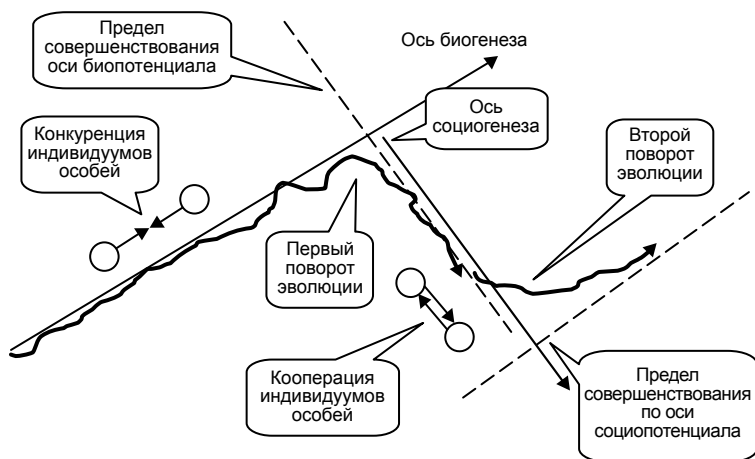

Рис. 4. Второй поворот эволюции — «отказ» от социальности, кооперативности

исчезает множественность, возникает некое новое качество, новое пространство, новое пространство эволюции, сплоченность и интегративность индивидуумов. Мы его с В.Э. Багдасаряном предварительно, впервые предлагая в научный оборот, обозначаем таким термином, как *сологенез*²⁷. Биогенез или антропогенез для человека, затем социогенез для общества разумных, затем сологенез для сообщества нового уровня. Каждый раз возникает некий новый уровень рациональности организации жизни, повышающий ее жизнеспособность по отношению к предыдущему пространству эволюции. Обладая разумом, быть кооперативным относительно конкуренции более рационально. Точно так же в новом измерении духовного или нравственного совершенствования эволюции второй поворот вновь начинает «поднимать» эволюционную кривую роста жизнеспособности, ведет ее к новому пределу, новому идеалу. Становятся рациональны милосердие, сопереживание,

²⁷ Сологенез от слова «soul» — душа.

бескорыстие, альтруизм, кооперативность в виде, переходящем в предельную сплоченность сообщества.

Следуя логике последовательности смены пространств эволюции, необходимо прогнозировать, что приближение ко второму пределу-идеалу приведет к переходу эволюционной траектории в некое новое пространство. На рис. 4, во-первых, видно, что возможна проекция из нового пространства на биологическое пространство. Возникает ускорение развития по биооси. Но ведь ранее утверждалось, что биоэволюция уже достигла своего предела. Как выйти из этого логического тупика? Только с помощью использованного выше предположения, что процесс будет ускоренным, но обратным.

Уже сейчас человек протезирует свое тело. Развиваются способы регенерации бионосителя человеческого разума и сознания. Логично считать, что развитие науки и техники приведет в будущем к полному отсутствию надобности у человека в его теле. Принципиально важно, что главное человеческое категориальное содержание заключается не в его теле, а в не менее материальном, т. е. сущем, содержании, которое пока еще современной наукой не очень познано. В религиях это называется душой, в философии — сознанием, разумом. Но, во всяком случае, постановка вопроса о том, что *это непознанное* будет когда-нибудь познано, уже не является запрещенным предметом.

Кроме этой «проекционной» новой особенности очевидно, что второй поворот эволюции формирует некое качественно новое пространство эволюции. В трехмерной метрике необходима еще одна (вертикальная) ось, чтобы его отобразить (рис. 5).

Что в этом пространстве можно себе представить в системе взаимодействия индивидуумов между собой вместо кооперативности — социальности? Что может быть иным и еще более прогрессивным? Очевидно, что когда прогресс жизни шел от столкновения (конкуренции) индивидов к их кооперативному взаимодействию, то следующий шаг в этой последовательности процесса сближения индивидов неизбежен в виде интегративности.

Должна исчезнуть индивидуумность и должно возникнуть некое единство, целостность. Если бы каждый индивид был частью некоего поля, то суперпозиция этих частей и представляла бы со-

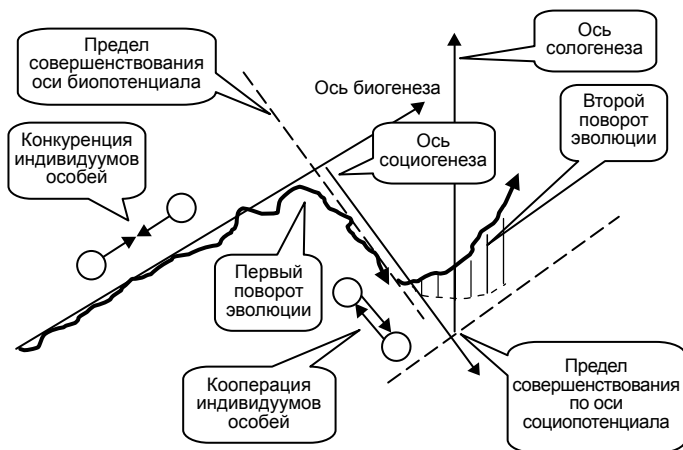

Рис. 5. Второй поворот в новое пространство эволюции

бой целостность. Сейчас это трудно себе представить, но уже есть гипотезы о едином коллективном разуме человечества, ведутся обнадеживающие эксперименты, обнаруживаются доказательства материальности и отделимости человеческого сознания от человеческого тела. То есть речь идет о самостоятельной форме существования человеческой сущности (его сознания), которая, по полевой аналогии, может быть частью некоего общего поля, сверхединого сознания. Понятно, что эта картина описана впервые не нами, а в мировых религиях и на своем метафорическом языке²⁸.

При этом оказывается, что социальность, т. е. соединенность индивидуумов в единую целостность, не исчезает, а обретает новое продвинутое состояние своего качества. Разъединяющее людей биологическое тело перестает быть нужным. А «полевая» форма бытия человека позволяет формировать целостность. Или скорее

²⁸ Сулакшин С.С. Новая эмпирика для нового подхода к сознанию уже есть // Современное представление о человеческом сознании. Материалы научного семинара. Вып. № 4. М.: Научный эксперт, 2012.

присоединиться к уже существующей. Тут есть пока не очень понятный вызов противоречия единичности, индивидуальности человека и целостности, в которой он «растворяется». Однако в физике поля известен феномен так называемого «солитона». Это особая «частичка» поля, которая наряду с тем, что она устойчива как частичка, есть одновременно и поле, целостное поле. Это, конечно, только аналогия, но она позволяет формировать представление о возможном (рис. 6).

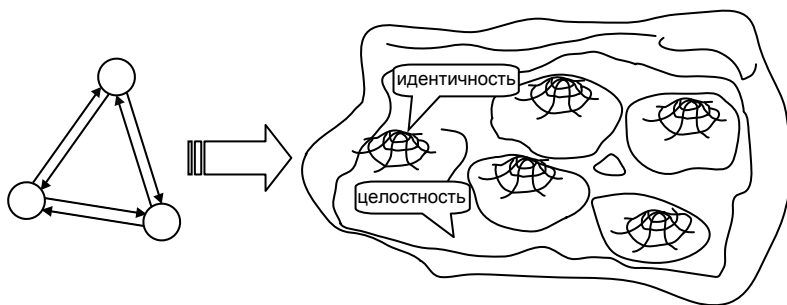

Рис. 6. Образ сочетаемости единичности (идентичности) и принадлежности к целостности одновременно. Переход от кооперации индивидов к их сплоченности (интегративности)

Что за эволюция, которую можно представить себе как следующий, более прогрессивный тип, по сравнению с коллективностью и социальностью? Это, конечно, нравственный прогресс. Тело совершенствовать уже не надо. Проблема добывания и потребления питающих и обеспечивающих ресурсов снимается или скорее становится совершенно иной. Коммуникации между индивидами становятся совершенными. Остается вопрос содержания этих коммуникаций, качеств самого индивида. Это есть нравственное совершенствование. Если взять за основу термин из ряда био-, антропо-, социогенез, то подходящим для обозначения стадии нравственного развития (развития души человека) действительно становится термин «сологенез».

Православная религия говорит, что человеку предстоит *преображение*. Может быть, именно об этой стадии эволюции человека и идет речь? Таким образом, становится непротиворечиво к главной гипотезе понятным, зачем и почему это более прогрессивно — «отказываться» от социальности и коллективности. Интегративность, сплоченность людей в идее их будущего состояния — это действительно более прогрессивно, чем простое механическое взаимодействие в коллективе, на расстоянии между индивидами.

В этой модели эволюция прошла по трем пространствам: биогенеза, социогенеза и соллогенеза. Каждый переход в новое пространство открывал, по сравнению с предыдущим этапом, новый вид эволюции, делая человека все более человеком в категориальном смысле. Однако логика требует ответа на вопросы: заканчивается ли подобная смена пространств эволюции в трехмерной цепочке? Заканчивается ли сама эволюция? Есть ли ее абсолютный предел?

Если некто или нечто породил человека как отъединение от себя самого (изгнание), и цикл изгнанничества завершается возвращением блудного сына к своему первоистоку, то вроде бы и эволюция на этом может заканчиваться. Но возникает вопрос: а сам первоисток — статичен что ли? Не развивается? Не эволюционирует? Он ведь тоже есть жизнь, которая должна развиваться.

Этот вызов находится уже, конечно, за очень трудно преодолимой гранью представимого и мысленно конструируемого. Однако, если попытаться, то получиться может следующее.

Предел, в который преобразуется человек, — есть жизнь. Но у нее может быть свой предел развития, свой «Бог», говоря традиционным человеческим религиозно-философским языком. И... у него, следующего — свой и т. д. Конца этой цепочке в бесконечно сложном мироздании может не быть. Свойства эволюции на тех воображаемых верхних и сверхверхних этажах представить себе трудно. Какие там будут очередные повороты и все новые пространства прогресса жизни? Дух и воображение захватывает... Но ведь не менее трудно представить себе бесконечность пространства. Или решить проблему начала времени. Или представить себе пространства с мерностью более трех, отличные от

нашего трехмерного пространства. Или пространства без времени. Главное, что сами эти вопросы не находятся под запретом.

Эти вопросы и возможность более определенно обращаться с ними — конечно, удел будущего. Но вопрос о трехмерном пространстве эволюции человека (био-, социо- и соллогенеза) есть вполне практический вопрос, который проецируется на современную практику.

Поэтому, реагируя на призыв В.В. Летуновского, отвечу, как из этой макрологики возникают проекции на практику, на вызовы современной России. Они есть, и за этим столом мы их разрабатываем. Во-первых, следует вывод, что индивидуализирующий либерализм — это просто тупиковая форма развития. Дискуссия между сторонниками либерализма и социальности есть практический вопрос государственного строительства и общественного развития в современной России.

Во-вторых, социальное государство, выравнивающее во множестве индивидов условия жизни, материально перераспределяющее, должно уступить место нравственному государству²⁹, генерирующему в обществе нравственность. Такой концепт разрабатывается в практическом, правовом смысле, он отражен в нашем проекте Конституции.

И наконец, последнее. Описанное представление на самом деле является частью определенной теории, которая дает достаточно сильный инструментарий для понимания социальной природы и ее конструирования в практических задачах. Анонсирую новую монографию «Сложные социальные системы в витальном подходе». Ее название от слова *vita* — жизнь. Теория отталкивается от главного определения и исходной посылки: жизнь максимизирует свою жизнеспособность бесконечно во времени и пространстве, порождая все новые способы этой максимизации, предела и окончания чему, вероятно, не существует.

²⁹ Сулакшин С.С. На пороге нравственного государства // Нравственное государство как императив государственной эволюции. Материалы Всероссийской научной конференции (27 мая 2011.). М.: Научный эксперт, 2011. С. 14-38.

Заключительное слово докладчика

И.К. Лисеев

Дорогие друзья, спасибо за такую плодотворную дискуссию! Очень много интересных замечаний, я подробно доложу нашему коллективу о сегодняшней встрече.

В таких дискуссиях нередко бывает, что слушаешь выступающих и думаешь: как же я плохо сказал, меня совсем не поняли...

Относительно выступления Степана Степановича Сулакшина я бы сказал так. Здесь же можно было как угодно строить доклад. Вы сформулировали тему так: эволюция биологическая и социальная. Эволюция, согласно одной из работ Станислава Лема, была и до биологической — предбиологическая эволюция. Тейяр де Шарден говорит о трех этапах эволюции: предбиологическая, биологическая (жизнь) и следующий этап — сверхжизнь, Христоргенез. Фантаст Лем писал: вначале была эволюция биологическая, потом появился человек — эволюция стала биосоциальной. А что будет дальше? Лем-фантаст прогнозирует, что на следующем этапе биологическое уйдет, останутся социум и техно; значит будет техносциальная эволюция. Механизмы начнут сражаться между собой, без участия человека. Станислав Лем не знал другого Дарвина, кроме как создателя теории выживания.

Здесь можно строить много умозрительных концепций. Я рассказал вам о том, чем мы занимаемся. Рассказал о том, что, оказывается, на любом этапе очень важен тот методологический посыл, тот методологический регулятив, который задает видение мира. В зависимости от доминирования того или иного регулятивного методологического принципа изменяется и картина мира. Методологический посыл сложности, над которым мы работаем, изменяет видение и биологической эволюции, и биологической организации, и отсюда сразу все это переходит на общество. Приняв эту установку сложности, мы, так сказать, выходим на принципиально новое представление вообще о бытии и его познании. И это очень важно и во многом не проработано. Поэтому, я считаю, у нас очень плодотворный семинар, который задает и перспективы, и ориентиры будущего.

Всем большое спасибо!

Темы семинара
«Фундаментальные вопросы развития
сложных социальных систем»

1. Витальный подход к сложным социальным системам
2. К понятию успешности сложной социальной системы
3. Возможности теоретического моделирования в познании сложных социальных систем
4. Современное представление о человеческом сознании
5. Биологическая и социальная эволюция
6. Футурология эволюции человека: в чем состоит асимптотический предел?
7. «Ценности» и «цели» в функционировании и эволюции сложной социальной системы
8. «Ценности» и «цели» и современные альтернативы политических парадигм в развитии мира
9. Религиозное (древнее) и современное научное понимание сущности живой природы и человека
10. Доказательство Бога
11. Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира
12. «Ценностная» история, современность и прогноз развития России
13. Нравственность в живой и социальной природе

**Список участников семинара
«Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»**

Акаев Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор, иностранный член РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем им. И.Р. Пригожина

Андреев Игорь Леонидович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН

Асонов Николай Васильевич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Бузгалин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала РАНХ и ГС

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологи, кандидат географических наук, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Кагарлицкий Борис Юльевич, директор Института глобализации и социальных движений

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Кирдина Светлана Георгиевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики Российской Академии наук

Кравченко Сергей Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России

Кудюкин Павел Михайлович, доцент кафедры теории и практики государственного управления — Высшей школы экономики

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, заместитель декана факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Лексин Владимир Николаевич, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

Лисеев Игорь Константинович, доктор философских наук, руководитель Центра био и экофилософии Института философии РАН

Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор кафедры прикладной математики РГСУ

Межуев Вадим Михайлович, доктор философских наук, Институт философии РАН

Ремизов Михаил Витальевич, кандидат философских наук, Президент Института национальной стратегии

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и культурологи Российского государственного университета туризма и сервиса

Сафонова Юлия Александровна, руководитель информационно-аналитического отдела Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

- Сулакшин Степан Степанович**, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Тихомиров Юрий Александрович**, доктор юридических наук, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
- Чернавский Дмитрий Сергеевич**, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
- Чикаева Татьяна Александровна**, кандидат философских наук, доцент Института экономики и антикризисного управления
- Шевченко Владимир Николаевич**, доктор философских наук, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН
- Шубин Александр Владленович**, доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН
- Юревич Андрей Владиславович**, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, зам. директора по науке Института психологии РАН